

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

3

2008

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации
«Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- второе высшее образование по специальностям:

030402 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

032001 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- среднее профессиональное образование по специальности

032002 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- курсы повышения квалификации

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очная, очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы».
Телефон/факс: (495) 628-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

Отечественные АРХИВЫ

3
2008

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

XVI Международный конгресс архивов: накануне открытия	3
Национальный архив Малайзии	4

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История и практика архивного дела

Т.А. Титова. Н.А. Желваков – организатор и первый заведующий Вятским губархивом	9
Р.В. Овчинников. Архивные документы на страницах повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»	16
Н.К. Шестакова. Архивная служба Иркутской области: прошлое, настоящее, будущее.	31
Т.М. Горяева. Как сохраняют документы в РГАЛИ	35
<i>В фондах российских архивов</i>	
Э.К. Салахова. Коллекция магометанских метрических книг в Национальном архиве Республики Татарстан	39
О.Е. Алпеев. Документы стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906–1914 гг. в фондах Российского государственного военно-исторического архива	42
Л.М. Кондакова. Воины Русского экспедиционного корпуса периода Первой мировой войны по документам Госархива Орловской области	49
Н.С. Кирмель. Документы спецслужб белогвардейских правительств и армий 1918–1922 гг. в федеральных архивах	55
В.С. Христофоров. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг.	65

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

«Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. Публикацию подготовил Н.А. Мышов	73
«Русский показывает нам пример, как нужно организовывать длительное сопротивление». Дневник немецкого артиллериста. 1941–1942 гг. Публикацию подготовили Т.В. Домрачева, С.Д. Мякушев	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.В. Боярченко. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 2. Первая половина XIX века	103
Д.Э. Левин. Раздорский А.И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916): Сводный каталог и указатель содержания	106
А.Ю. Минаков. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг.	109

М.П. Мохначёва. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда	111
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

К 90-летию государственной архивной службы

В.М. Осин, Н.А. Буравченко. В Выставочном зале федеральных государственных архивов	115
<i>Конференции, совещания, семинары</i>	
В.М. Осин. Пресс-конференция, посвященная Дню архивов	117
Н.К. Сафонова. В Бурятии обсуждены итоги работы архивистов в 2007 г.	118
И.И. Юрганова. Форум архивистов Якутии	119
Н.В. Зиновкина. «Круглый стол» калужских архивистов	120
О.Г. Волкова, Н.В. Милованова. Совещание Госархива Саратовской области и банковских организаций	122
З.К. Водопьянова. Первые Батаевские чтения в ИИЯ РУДН	123
Н.С. Зелов. «Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России»	124

* * *

Л.В. Набокова. Новоселье Архивной службы Югры	125
А.В. Спиридонова. Презентация архивохранилища Муниципального архива в г. Петрозаводске	126
О.С. Аржанова. У архивистов Нижегородчины	127
Н.А. Шалагина. В Республике Марий Эл завершена паспортизация архивов организаций	128
Л.А. Роговская. Итоги конкурса научных работ за 2005–2006 гг.	129
Е.Н. Чудиновских. Фотоконкурс в Кировской области	131
Л.А. Иванова. Презентация сайта РГАЛИ	132
А.М. Елизаров. «Сталинград 1942–1943 гг.»	132
М.И. Островская. Фонд Р.Н. Буруковского в Госархиве Калининградской области	133

Юбилеи

И.Н. Ильина. Архиву РАН – 280 лет	133
Л.А. Бякова. Юбилей Л.И. Кондиной	134
Награждение Е.В. Старостина	135

* * *

Л.П. Рощевская (Сыктывкар), Е.О. Нащекин (Тамбов), Л.И. Кондина (Шадринск), Л.М. Пузыревская (Чита), В.В. Ситникова (Москва), Л.В. Бухтуева (Республика Алтай, с. Усть-Кокса). Вышли в свет ...	135
---	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

И.Н. Селиванов, И.А. Конорева. Как в российских архивах выявлялись документы о советско-вьетнамских отношениях	139
---	-----

* * *

Наши авторы	142
--------------------------	-----

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА, В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА (зам. главного редактора), В.М. ОСИН (редактор отдела), Т.Ф. ПАВЛОВА, Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

XVI Международный конгресс архивов: накануне открытия

Он состоится с 21 по 27 июля 2008 г. в г. Куала-Лумпур (Малайзия). Организаторы конгресса – Международный совет архивов (МСА/ИСА) и Национальный архив Малайзии. Тема конгресса – «Архивы, управление и развитие: планирование будущего общества».

В рамках темы участники конгресса попытаются определить и осмыслить роль и место архивов в информационном обществе будущего, представить архивиста не как узкого специалиста в своей области, а в более широком социальном контексте.

Программа конгресса отражает три главных составляющих его названия. Тематика определена достаточно широко, с тем чтобы дискуссия получила как можно содержательнее.

Составляющая «Архивы» касается всех аспектов управления документацией и архивами, от организации делопроизводства и комплектования до обеспечения сохранности и публичного доступа. Здесь же будут рассмотрены вопросы создания, экспертизы, отбора на хранение, обеспечения сохранности и использования электронных документов. В области обеспечения сохранности основное внимание предполагается уделить вопросам обучения традиционным методам консервации, защите архивов и документов во время стихийных бедствий и/или вооруженных конфликтов. Другая тема для дискуссий – баланс между свободой доступа к информации и правом на личную тайну, национальными интересами, авторским правом. В последнее время активно развивается тема «Oral history» (Устная история), раскрытию которой также будет посвящен ряд мероприятий. Самостоятельная тема для дискуссий – разработка стандартов.

Дискуссия в рамках раздела «Управление» будет сконцентрирована на разработке передовых методик управления документацией, определении их роли в совершенствовании методов государственного управления, повышении его прозрачности и эффективности. Будут рассмотрены роль и место архивов в деле защиты прав человека и борьбы с коррупцией, а также создания «электронного правительства». Немало внимания предполагается уделить проблеме сотрудничества с представителями других профессий, включая аудиторов, адвокатов, библиотекарей и хранителей музеев. Важная задача – определение и исследование способов внушения широкой публике и ключевым игрокам на политической сцене значимости архивов в политической, экономической и социальной жизни любого государства.

Раздел «Развитие» будет посвящен в основном подготовке и повышению квалификации архивистов. Есть потребность в определении уровня

компетентности, которым архивист должен обладать в начале XXI в. Предполагается обсуждение инновационных моделей обучения он-лайн и пакетов «обучение учителей».

Как и предыдущий, венский конгресс 2004 г., конгресс в Малайзии будет проводиться в новом формате. То есть минимум пленарных заседаний, максимум таких мероприятий, как «круглые столы», лекции, доклады, семинары, презентации, мастер-классы и т.п. под общим названием «сессии».

Российская сторона внесла в оргкомитет конгресса предложение о проведении в рамках профессиональной программы конгресса «круглых столов» по темам: «Архивы в период демократических преобразований», «Архивы, библиотеки, музеи как единое целое в деле сохранения памяти общества», «Научно-справочный аппарат архивов в сети Интернет. Опыт России», а также сессии «Российский опыт перемещения больших массивов архивных документов». По предложению Государственного архивного управления КНР будет организована совместная российско-китайская сессия в формате «Доклады и комментарии» под условным названием «Архивы на службе обществу».

Кроме того, во время работы конгресса состоятся заседания региональных отделений, секций и комитетов МСА, а также главного руководящего органа МСА – Генеральной ассамблеи, или ежегодного генерального собрания, решающего вопросы управления Международным советом архивов.

Рабочие языки конгресса – английский, французский и малайский. Также будут представлены китайский, испанский, японский и, в очень незначительном объеме, русский языки. На эти языки будет обеспечен синхронный перевод.

С февраля 2008 г. работают сайты конгресса в Интернете – <http://www.kualalumpur2008.ica.org> и http://www.ccasia-inc.com/ica_home.htm. Языки сайтов – английский и французский.

Национальный архив Малайзии*

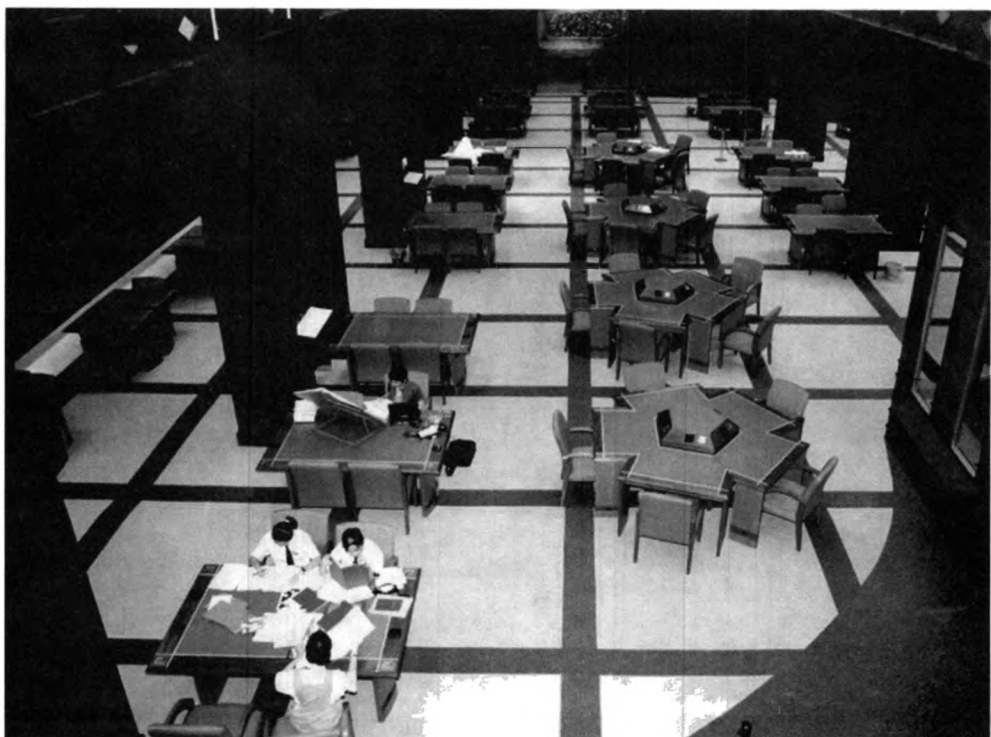
Ранее известный как Государственный архив, Национальный архив Малайзии был создан 1 декабря 1957 г. В ноябре 1963 г. он получил свое нынешнее наименование с учетом его возросших функциональных возможностей, образования Федерации Малайзия и необходимости соответствия международным нормам. В 1971 г. Национальный архив Малайзии объединился с Национальной библиотекой, однако в 1977 г. был выведен из нее. Деятельность архива регулируется законами, принимаемыми парламентом (законы 1966, 2003 гг.).

В прошлом году Национальный архив Малайзии отпраздновал золотой юбилей. С начала своей деятельности его работой руководили различные государственные структуры, в частности департамент премьер-министра,

* Этот текст любезно предоставлен редакции Национальным архивом Малайзии.

Стол регистрации и читальный зал

Министерство технологии, исследований и местного самоуправления, Министерство культуры, молодежи и спорта, Министерство культуры, гуманитарных наук и туризма, Министерство культуры, гуманитарных наук и наследия, а с 2008 г. – Министерство единства, культуры и наследия.

Вначале Национальный архив размещался в нескольких правительственных зданиях в разных районах столицы, а в 1986 г. переехал в специально построенное здание в районе Джалан Дута в Куала-Лумпур. Здание архива было официально открыто королем Малайзии 1 декабря 1986 г. по случаю начала работы Международной конференции Круглого стола архивов (CITRA), которую впервые в Азии проводила Малайзия как принимающая сторона.

В качестве стратегической перспективы Национальный архив стремится обогатить малазийских граждан знаниями и привить им любовь к национальному наследию.

Его тактические цели: повышение осведомленности общественности и обогащение ее знаниями национальной истории путем приобретения и сохранения документов, оказания помощи в доступе и проведении исследований, а также в распространении информации об общественных и государственных архивах; создание для правительства эффективной административной структуры, обеспечивающей взаимодействие государственного сектора с современной системой управления архивами.

В задачи архива входят приобретение, размещение, сохранение и популяризация архивных богатств как национального наследия, способствование росту общественного интереса к Национальному архиву как к национальному ресурсу и исследовательскому центру.

Архивохранилище

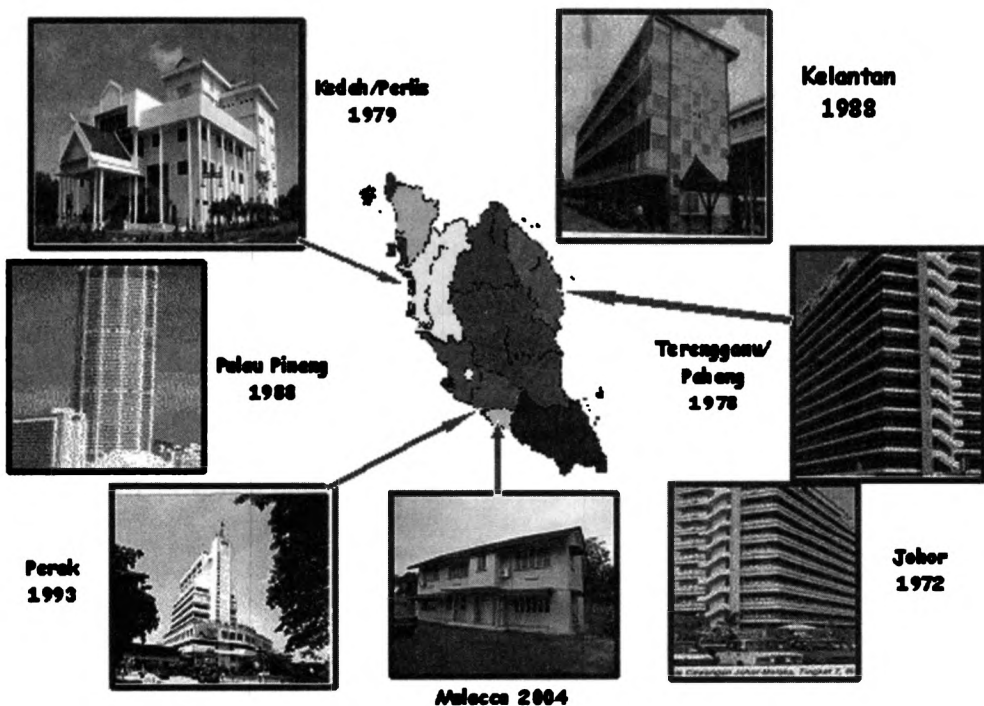
В соответствии с общенациональной традицией, которой придерживается Национальный архив Малайзии, в нем сосредоточены различные виды архивных документов, полученных как из государственного сектора, так и от видных общественных деятелей. Самый первый оригинальный документ, поступивший в Национальный архив, – это голландские церковные книги 1640 г. Микрокопии документов, датированных 1400 г. и относящихся к Малаккскому султанату, составляют самую древнюю коллекцию архива. В настоящее время длина полок, на которых хранятся документы Национального архива, около 20 км.

Число исследователей возрастало примерно на 10 тыс. человек ежегодно. В 2007 г. суммарное количество документов, затребованных как обычными пользователями, так и серьезными исследователями, достигло 23 тыс. Исследователи, пользующиеся Интернетом, также получили доступ к Национальному архиву через компьютеризированную архивную систему обслуживания (COMPASS).

В Национальном архиве пять управлений (в них 24 отдела): традиционных архивов; электронных архивов и информационных технологий; снабжения, документации и аудиовизуального центра; мемориальных архивов; планирования и развития.

В структуру архива также входят 9 региональных отделений (топографию семи из них см. на схеме, еще два отделения находятся в Сараваке и Сабахе) и 10 мемориальных комплексов и галерей.

Число сотрудников и обслуживающего персонала Национального архива возросло с девяти человек в 1957 г. до 555 в 2008 г., включая двух выс-

Региональные отделения Национального архива

ших руководителей, 88 архивистов и 465 служащих, обеспечивающих работу архива.

Национальный архив предоставляет следующие услуги: управление традиционными и электронными архивами (консультации, подготовка); помощь в проведении исследований и справочные услуги; консервация, восстановление и репрография; хранение и защита; программы помощи нуждающимся в архивных услугах; малайзийская программа технического сотрудничества с развивающимися странами.

Национальному архиву Малайзии присвоены: стандарт группы MS ISO 9002 (сертификат 1994 г. получен в декабре 2000 г.) и стандарт MS ISO 9001 (сертификат 2000 г. получен в июне 2003 г.), которые дают ему право на приобретение и защиту официальных государственных документов и материалов.

В планах на будущее – повышение роли Национального архива как ведущего ведомства по управлению архивами; установление активных партнерских отношений с местными и иностранными ключевыми игроками в области управления архивами; эффективное внедрение в жизнь закона 2003 г. о Национальном архиве, рассылка соответствующих циркуляров, указаний и инструкций; внедрение системы управления электронными архивами (ERMS) в государственный сектор в национальном масштабе; повышение профессионализма и расширение возможностей в управлении архивами; пополнение архивных фондов путем международного сотрудничества; повышение профессионального статуса архивистов и сотрудников, работающих с архивами; повышение производительности систем обслуживания; продолжение исследований и совершенствование в области электронной защиты; улучшение инфраструктуры информационных и коммуникационных технологий и прикладных задач.

Национальный архив является членом Международного совета архивов (ICA), Регионального отделения МСА стран Юго-Восточной Азии (SAR-BICA), Ассоциации аудиовизуальных архивов стран Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана (SEAPAVAA), Комитета по культуре и информации АСЕАН (ASEAN-COCI), Международной федерации киноархивов (FIAF), Международной федерации архивов телевидения (FIAT) и многих других родственных организаций. С 1968 г. по настоящее время он исполняет функции секретариата SARBICA, в 2000–2005 гг. архив был активным участником Всемирного комитета по информации азиатских стран Тихоокеанского региона.

Национальный архив Малайзии горд тем, что принимает у себя XVI Международный конгресс архивов.

Перевод Б.Н. Неведрова

*История и практика архивного дела***Т.А. Титова****Н.А. Желваков – организатор и первый заведующий Вятским губархивом**

Имя Николая Александровича Желвакова¹ в Вятском крае известно, в основном, в связи с его педагогической деятельностью². Роль его в становлении архивного дела в г. Вятке (ныне г. Киров) почти не изучена. Это не означает, что архивисты не знали историю архивного дела своего региона – просто она была обезличенной, представлялась чередой декретов, постановлений и цифр. В рамках подготовки к 90-летию государственной архивной службы и 90-летию Государственного архива Кировской области (он образован 8 мая 1918 г. в соответствии с постановлением президиума Вятского губисполкома³) было проведено исследование ряда архивных фондов, благодаря которому в значительной степени выявлены факты деятельности Н.А. Желвакова на архивном поприще.

Интересна судьба этого человека. Приехав из Петрограда в Вятку весной 1918 г., Николай Александрович принял активное участие в новой жизни губернского города. В начале марта он был кооптирован в Вятский губисполком как «представитель фракции левых социал-революционеров»⁴, работал в его культурно-просветительном отделе, 11 марта назначен губернским комиссаром по делам печати, в апреле избран членом комиссии по созыву чрезвычайного общегубернского съезда Советов⁵.

Так удачно начавшаяся карьера Н.А. Желвакова в новом органе власти вскоре завершилась. 18 апреля 1918 г. в газете «Вятский край» была опубликована статья «Бессмертный документ», в которой говорилось о якобы вышедшем в г. Саратове декрете о национализации большевиками женщин. В тот же день последовало постановление президиума Вятского губисполкома: за публикацию статьи «провокационного характера», имеющую цель «посеять к Советской власти недоверие, раздражение и смуту... газету «Вятский край» закрыть навсегда (кстати, газета с этим же названием выходит в г. Кирове с октября 1990 г. – Т.Т.), заведующего комиссариатом по делам печати при губисполкоме Желвакова от должности устранить и исключить из членов губисполкома», а также предать суду революционного трибунала⁶. Казалось бы, есть от чего впасть в уныние. Но Николай Александрович, человек молодой и энергичный, снова в гуще событий: он участвует в работе 2-го общегубернского съезда Советов и даже выступает «с речью о текущем моменте». И 19 апреля съезд принимает резолюцию об отмене

постановления президиума губисполкома о предании Н.А. Желвакова суду⁷. На следующий день его делегируют от вятского комитета левых социал-революционеров на первый съезд губернского Совета народного образования; там он призывает «изучать местный край... неразрывно... с изучением архивов, памятников старины»⁸, и на этом же заседании, 27 апреля, его избирают товарищем председателя Совета народного образования (занимал данную должность до 30 июля 1918 г.)

Однако интересы Николая Александровича не ограничивались вопросом народного образования. Как выпускника Петербургского археологического института, имевшего опыт научной работы в архивах, его давно волновала печальная участь архивных документов ликвидированных учреждений. Вот что об этом писал Н.А. Желваков впоследствии в отчете: «Во многих темных углах новых советских учреждений можно было видеть сваленными целые груды старых дел ликвидированных революцией учреждений. В прихожей губернского отдела народного образования, например, в старом незапертом шкафу, под лавками обнаружен архив жандармской охраны Пермской железной дороги. В помещении архива бывшего окружного суда в полнейшем беспорядке на полу... был обнаружен архив губернского жандармского управления...»⁹ 27 апреля 1918 г. он представил в Вятский губисполком доклад, в котором изложил проект организации губернского советского архива¹⁰. На заседании президиума губисполкома 8 мая данный проект был рассмотрен и одобрен. Во исполнение постановления губисполкома «губернский комиссар просвещения выдал Н.А. Желвакову мандат на организацию

и заведование губернским советским архивом»¹¹. Ему разрешили пригласить одного помощника с оплатой 400 руб. в месяц, а на расходы, связанные с организацией архива, выдали аванс 2 тыс. руб.¹² В предписании Вятского губисполкома Желвакову от 11 мая уточнялось, что губернский архив будет находиться в ведении Вятского губернского Совета народного образования¹³.

На правах «любителя» (т.е. без жалования, поскольку тогда он являлся товарищем председателя губернского Совета народного образования) в свободное от основной работы время Н.А. Желваков приступил к осуществлению своего проекта. В штате архива был только делопроизводитель. 17 мая Желваков информировал губернского комиссара просвещения: «Помещение для советского губернского архива мною подыскано в здании бывшей канцелярии губернатора, где находится и архив бывшего губернатора. Архив по-

Н.А. Желваков. 1918 г.

ступил уже в мое распоряжение и приводится в порядок. Работа поручена бывшему члену военревкома Юго-Западного фронта В.Ларкину, коего и прошу утвердить с 16 мая в должности делопроизводителя»¹⁴. (В.Ларкина назначили на должность с окладом 300 руб. с 16 мая постановлением губернского Совета народного образования от 31 мая¹⁵.)

23 мая Н.А. Желваков сообщал президиуму Вятского губисполкома о том, что губернский архив «организовался и функционирует в помещении архива бывшей канцелярии губернатора (угол улиц Копанской и Владимирской)»¹⁶. С мая по июль Желваков и его помощник проводили перемещение в архив документов ликвидированных учреждений. Разбирали, систематизировали, составляли карточную опись дел, свезенных в помещение губернского архива (документы канцелярии губернатора, губернского жандармского управления, жандармской охраны Пермской железной дороги и др.), а также собирали сведения о состоянии архивов ликвидированных учреждений в г. Вятке, вели переписку с новыми организациями, хранящими эти архивы. Так, отдел управления Вятского губисполкома сообщал губархиву, что «при отделе находится один архив, сгруппированный из 16 самостоятельных архивов, а именно: Вятской провинциальной и воеводской канцелярий, Вятского наместничества, канцелярии вятского губернатора, Вятского губернского правления... Архив... содержится на средства отдела управления губернией с ежемесячным расходом: жалованье архивариусу 450 руб., писцу 350 руб., не считая расходов на отопление»¹⁷. Однако проведенное обследование показало, что не везде в Вятке дела с архивами обстояли так благополучно. Учитывая их плачевное положение и необходимость немедленного приема на хранение в губархив, Н.А. Желваковым был составлен «план расширения деятельности губернского советского архива», основная задача которого заключалась в получении более просторного помещения. С целью ознакомления широких масс с деятельностью губархива, а также разъяснения необходимости сохранения документальных богатств Н.А. Желваков выступал в учреждениях города с лекциями.

Для привлечения внимания общественности к проблемам архивного дела по его инициативе при губернском архиве 7 июля 1918 г. была создана Вятская губернская археологическая комиссия в составе преподавателей учительского института, специалистов по археологии и архивистов¹⁸. Ее первоочередными задачами стали охрана архивов учреждений, которым угрожала опасность быть уничтоженными, а также выявление, изучение и охрана вещественных и письменных памятников старины¹⁹. На организационном заседании комиссии Н.А. Желваков призвал «принять все зависящие от нас меры не только по охране памятников, но и к скорейшему их опубликованию, ибо в случае реакции многие материалы могут опять оказаться под «сургучной печатью»²⁰. Председателем комиссии был избран Александр Сергеевич Лебедев²¹, товарищем председателя – Н.А. Желваков²². В июле Желвакова избрали также в коллегию Вятского губернского отдела народного образования.

Репрессии, последовавшие после подавления лево-эсеровского мятежа, коснулись и Николая Александровича: 18 июля Вятский губком РКП(б) потребовал от президиума губисполкома «немедленно уволить от занимаемой должности тов[арища] председателя губернского Совета по народному образованию Желвакова ...как человека лево-эсеровского направле-

ния»²³. Следственная комиссия ревтрибунала завела на него дело. А 30 июля Вятское губоно приняло следующее постановление: «На основании вторичного предложения президиума губисполкома товарищ Желваков сего числа увольняется»²⁴. Отстранили его и от работы в архиве²⁵. Единственный штатный работник архива 12 августа был мобилизован в армию²⁶.

В августе 1918 г. Н.А. Желваков передал документы и материальные ценности губархива губернскому отделу народного образования²⁷. Заведование архивом возложили на человека, далекого от архивного дела. Деятельность архива была приостановлена.

Однако из состава губоно Н.А. Желвакова не исключили, он продолжал там трудиться и даже присутствовал как представитель этой организации на заседаниях педсовета Вятского учительского института²⁸. Более того, на заседании совета института 10 сентября по предложению губернского комиссариата просвещения его утвердили «в должности преподавателя института»²⁹. Таким образом, Николай Александрович начинает там преподавать, одновременно работая в губоно инструктором по единой трудовой школе.

В октябре 1918 г. предпринимается вторая попытка упорядочения архивного дела в Вятке. Совет при Вятской публичной библиотеке разработал положение о Вятском губернском историческом архиве, который учреждался при библиотеке. В положении были намечены обширная программа по сборанию и использованию документов в научных, педагогических и практических целях, организации постоянных и временных выставок архивных документов, их публикации, изданию собственного печатного органа, а также открытие курсов по подготовке архивистов и работников канцелярий³⁰.

Тем временем, пока архив находился в стадии организации, на должность младшего архивариуса 1 ноября был назначен Иван Михайлович Осокин³¹; позднее на должность ученого архивариуса пригласили Н.А. Желвакова, на него же возложили заведование архивом (опять-таки без выплаты жалованья, поскольку работал в губоно и институте).

В подвальное помещение библиотеки из бывшего губернского архива были перевезены архивы, в том числе канцелярии губернатора, жандармского управления, Трифонова монастыря, Вятского духовного училища; началось описание архива канцелярии губернатора (прежняя опись оказалась утерянной в период прекращения деятельности губархива); развернулось обследование архивов (более шестидесяти) ликвидированных учреждений, составлялись их списки³².

Но 20 ноября следственная комиссия губревтрибунала арестовала Н.А. Желвакова, вновь предъявив обвинения в том, что он, будучи комиссаром по делам печати, допустил к публикации статью «Бессмертный документ» и «продолжительное время скрывался от следствия». Через два дня под поручительство Николая Александровича освободили. А 16 декабря следственная комиссия вынесла постановление: «...принимая во внимание, что гражданин Желваков является одним из лучших работников в отделе народного образования и преступления, кроме допущенной статьи, не совершил, а обвинение в скрывательстве от следствия не доказано... дело за отсутствием состава преступления... прекратить»³³.

В этот период архив испытывал острые финансовые затруднения: деньги были необходимы для перевозки документов, оборудования хранилищ, приобретения мебели и др. В декабре 1918 г. в Главное управление архив-

ным делом (ГУАД) «председателем совета Вятского губернского исторического архива» Н.А. Желваковым было направлено письмо, в котором говорилось о том, что Вятский губернский исторический архив в течение 1918 г. не получал никакой финансовой поддержки ни из Центра, ни от местных властей, поэтому пришлось занимать деньги «в учреждениях и у частных лиц, сочувствующих его деятельности... Всего расходов в 1918 г. было произведено на сумму 20 тыс. руб. Губернский исторический архив просит о возмещении этой суммы»³⁴.

В декабре в Вятку приехал инспектор ГУАД А.Ф. Изюмов³⁵. Он констатировал «сравнительное благополучие архивов» Вятки и обещал исходатайствовать «немедленную реальную помощь». В отчете он писал: «В Вятке пришлось встретиться с таким явлением – ГубЧК потребовала к себе весь жандармский архив якобы для руководства. Путем личной беседы убедил председателя Медведева, что это достояние архивного фонда. Согласились, что ЧК будет брать себе по одному делу под расписку и возвращать по мере использования»³⁶. Но чекистов, как оказалось впоследствии, не очень убедили доводы человека из Центра: в 1918–1919 гг. Вятской чрезвычайной комиссией «были вывезены дела жандармского управления и часть дел вятского губернатора. Всего увезено дел до шести пудов. Причем дела были взяты без описи и акта»³⁷.

На заседании Вятской ученой архивной комиссии³⁸ 5 декабря 1918 г. А.Ф. Изюмов выступил с докладом, затем он предложил избрать уполномоченного ГУАД. Присутствующие (Н.А. Спасский, Н.А. Желваков, И.М. Осокин, Александр Алексеевич Григорьев³⁹, Л.Н. Спасская, А.С. Лебедев и др.) решили рекомендовать Н.А. Желвакова⁴⁰. 18 января 1919 г. Н.А. Желваков пишет в ГУАД: «Имею честь уведомить, что мандат за № 87... получил. Готов свои знания и свой досуг посвятить любимому мною архивному делу»⁴¹.

Несмотря на то что Н.А. Желваков получил официальный статус лица, возглавляющего архивное дело в губернии, положение с финансированием губархива оставалось прежним: «...из-за отсутствия денег... не было возможности даже нанять архивариуса для архива...», поэтому он сам исполнял запросы, «не имея на это ровно никакого времени»⁴². Ситуация (систематическая нехватка времени на решение организационных, хозяйственных, финансовых и прочих проблем, трудозатратная преподавательская работа) привела Желвакова к мысли о необходимости создания архивного органа. В январе он подготовил проект положения о Вятском архивном комитете⁴³. По инициативе Н.А. Желвакова 20 января 1919 г. было проведено совещание «всех лиц, активно проявляющих свое сочувствие архивному делу». Собравшиеся заслушали проект положения, одобрили его с небольшими изменениями и постановили направить на утверждение в ГУАД⁴⁴. Ответа из Москвы долго не было, поэтому Н.А. Желваков обратился в Вятское губоно с предложением о создании архивного комитета. Губоно утвердило президиум архивного комитета в количестве пяти человек: Н.А. Желваков, Павел Николаевич Луппов⁴⁵, А.А. Григорьев, И.М. Осокин и Дмитрий Васильевич Фаворский⁴⁶. На заседании президиума архивного комитета 31 марта 1919 г. были распределены обязанности: председателем комитета назначили П.Н. Луппова, товарищем председателя – Н.А. Желвакова, секретарем – И.М. Осокина, казначеем – А.А. Григорьева, инструктором по архивам – Д.В. Фаворского⁴⁷.

Н.А. Желваковым была составлена смета на содержание архива и организацию архивного дела в Вятке и губернии на первое полугодие 1919 г.⁴⁸

В начале апреля в связи с приближением фронта к Вятке мирная жизнь прервалась. Архивы ликвидированных учреждений опять оказались под угрозой уничтожения: через Вятку шли воинские соединения, их надо было размещать на временный постой, и архивные документы вновь начали выбрасывать из помещений. Н.А. Желваков и П.Н. Луппов 1 апреля отправили телеграмму в ГУАД: «В связи с уплотнением города военными учреждениями до невозможности ухудшено положение архивов, например: гибнет архив бывшего земства. Окажите авторитетную и материальную поддержку архиву, губкомитету или шлите инструктора»⁴⁹. В ответ ГУАД направил в адрес отдела управления Вятского губисполкома, губсовнархоза и губоно телеграмму: «Ссылаясь на декрет от 1 июня 1918 г. о недопустимости порчи архивов, Главархив просит в случае необходимости перевозки архива земства устроить его в безопасном помещении»⁵⁰. В результате принятых мер архивные документы были спасены.

16 апреля Н.А. Желваков вместе с педагогическим институтом эвакуировался в г. Яранск Вятской губернии. В период отсутствия его обязанности выполнял Вятский губернский архивный комитет во главе с П.Н. Лупповым. В начале июня 1919 г. Н.А. Желваков отказался от должности уполномоченного Главархива, окончательно решив заняться главным образом преподавательской работой.

Немногим более года проработал Николай Александрович Желваков на ниве архивного дела, но результаты его деятельности невозможно переоценить: Вятский губернский архив явился одним из первых провинциальных государственных архивов России, созданных еще до опубликования ленинского декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Сплотив вокруг себя ярких представителей вятской интеллигенции, Н.А. Желваков сумел сохранить ценнейшие архивные документы по истории Вятки, а его единомышленники продолжили начатое им дело.

¹ Н.А. Желваков (1893–1972) родился в г. Слободском Вятской губернии. Окончил Петроградский историко-филологический (1917) и Петроградский археологический (1917) институты. Участник Первой мировой войны. Организатор и первый заведующий Вятским губернским архивом (1918), уполномоченный Главного управления архивным делом по Вятской губернии (1919). Преподаватель Вятского учительского (педагогического) института (1918–1923); проректор с обязанностями заведующего научно-педагогической частью института (1922–1923); организатор Вятского рабфака (1921–1922). В 1923 г. переехал в Москву. Профессор Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (1923–1935). Профессор Московского городского педагогического инсти-

тута им. В.П. Потемкина (1935–1946). Один из создателей Академии педагогических наук РСФСР (1943). Консультант в аппарате Наркомпроса и Министерства просвещения РСФСР, заместитель начальника ГУВУЗа и начальник УМО Министерства просвещения РСФСР, заведующий кафедрой педагогики ГЦОЛИФК (1947–1954). Автор работ по вопросам методики истории и архивоведения, крупный историк педагогики.

² Помелов В.Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. С. 23, 25; Преподаватели ВятГГУ 1914–2004. Киров, 2004. С. 52.

³ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 54. Л. 8 об.

⁴ В документах имеется удостоверение члена Вятского губисполкома от

4 марта 1918 г. на имя Н.А. Желвакова. (Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 729.)

⁵ Там же. Л. 728; Д. 9. Л. 175, 289.

⁶ Там же. Д. 52. Л. 73.

⁷ Там же. Ф. Р-1322. Оп. 1 а. Д. 140. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 20. Л. 35.

⁹ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2 об., 3; Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 8. Л. 4-5.

¹¹ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

¹² Там же. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 21. Л. 170.

¹³ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 4. Л. 126.

¹⁷ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 8.

Л. 24.

¹⁸ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 14.

Л. 3.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 9. Л. 17, 17 об.

²⁰ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

²¹ А.С. Лебедев (1888–1939) родился в сл. Кукарке Вятской губернии в семье почетного гражданина слободы С.В. Лебедева. Учился в гимназии в Вятке и общественном отделении Казанского университета. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1917 г. заведующий отделом народного образования Вятского губернского земства, с 1918 г. председатель совета Вятской публичной библиотеки и директор губернского музея.

²² ГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2. Л. 14, 15.

²³ Там же. Ф. Р-875. Оп. 2. Д. 1. Л. 403, 404.

²⁴ Там же. Л. 409.

²⁵ Там же. Ф. Р-1322. Оп. 1 а. Д. 140. Л. 10.

²⁶ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 8. Л. 47.

²⁷ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁸ Протоколы заседаний совета от 28, 31 июля, 8 августа и т.д. (Там же. Ф. Р-1148. Оп. 1. Д. 5. Л. 39, 75, 81.)

²⁹ Там же. Д. 4. Л. 5.

³⁰ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-6; Д. 8. Л. 4.

³¹ И.М. Осокин (1863–1921) родился в с. Верхопижемском Котельничского уезда Вятской губернии в семье псаломщика. Окончил Вятскую духовную семинарию (1885), Казанскую духовную академию (1889). С 1891 по 1902 г. учитель народного училища в сл. Кукарке, преподавал в Соликамском и Пермском духовных училищах. С 1902 г. протоиерей Воскресенского собора в г. Вятке. С 1906 г. смотритель Вятского духовного училища. Член Вятской и Пермской ученых архивных комиссий, кандидат богословия, краевед. С ноября 1918 г. до 1921 г. работал архивариусом в Вятском историческом архиве, Вятском архивном комитете (управлении).

³² ГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-6; Д. 8. Л. 4.

³³ Там же. Ф. Р-1322. Оп. 1 а. Д. 140. Л. 28.

³⁴ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 30.

³⁶ Там же. Л. 123.

³⁷ Там же. Л. 41 об.

³⁸ Создана в 1904 г., прекратила свою деятельность в 1920 г.; последний председатель Н.А. Спасский.

³⁹ А.А. Григорьев – с 1915 г. по апрель 1919 г. преподаватель истории и географии, директор, и.о. директора Вятского учительского института, председатель педсовета института. С апреля по сентябрь 1919 г. работал в Вятском архивном комитете (управлении).

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 об.

⁴¹ Там же. Д. 1. Л. 9.

⁴² Там же. Д. 8. Л. 4.

⁴³ Там же. Ф. Р-2483. Оп. 1. Д. 15. Л. 13-16.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 2. Л. 30-30 об.

⁴⁵ П.Н. Луппов (1867–1949) родился в с. Усть-Чепца Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию (1887), Московскую духовную академию (1895), Санкт-Петербургский археологический институт (1903). Доктор богословия (1913), член Вятской ученой архивной комиссии. В 1890–1917 гг. служил статистиком и делопроизводителем в зем-

ских учреждениях, преподавателем в реальном училище и гимназии в Петрограде, заведующим статистическим отделом в училищном совете при Святейшем синоде. С сентября 1918 г. до февраля 1919 г. начальник отделения в ГУАД. С февраля по октябрь 1919 г. преподаватель в школе 2-й ступени в г. Вятке. С марта 1919 г. по 10 ноября 1924 г. председатель Вятского губернского архивного комитета, уполномоченный Главархива по Вятской губернии, заведующий Вятским губернским архивным бюро, архивариус. С конца 1918 г. по 1930 г., в 1945–1946 гг. преподаватель ВГПИ. Доктор исторических наук (1944), заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (1945), автор многих работ по истории Вятского края и истории удмуртов.

⁴⁶ Д.В. Фаворский (1875–1942) родился в семье штаб-офицера в г. Вятке.

Окончил Яранское городское 3-классное училище (1893). С 1901 г. служил в губернском правлении в должности помощника архивариуса, затем архивариусом. Член Вятской ученой архивной комиссии с 1905 г. С 1918 г. работал архивариусом в отделе управления Вятского губисполкома, в конце 1930-х гг. в Кировском областном управлении народнохозяйственного учета. Публикация Д.В. Фаворского «О побуждении крестьянского населения к хождению в церковь в высокаторжественные дни» легла в основу стихотворного фельетона Д.Бедного «Как в старину мужиков молиться учили».

⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

⁴⁸ Там же. Д. 2. Л. 29–29 об.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 164. Л. 6.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

Р.В. Овчинников

Архивные документы на страницах повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»

Э то произведение было задумано и написано Пушкиным как рассказ его центрального персонажа, провинциального мемуариста, симбирского дворянина Петра Андреевича Гринева. По словам Пушкина, Гринев над своими записками трудился на склоне лет, в пору правления Александра I. Основное внимание мемуарист уделил драматическим событиям, случившимся с ним, 18-летним прапорщиком, и его невестой Марией Ивановной Мироновой: в 1773–1774 гг., в дни Пугачевского восстания они побывали пленниками в лагере восставших, где им, как дворянам, грозила казнь, которая не состоялась благодаря великодушному заступничеству Емельяна Пугачева, присвоившего себе титул и имя императора Петра Третьего. Тот настолько проникся доверием к Гриневу, что поделился с ним своими «царскими» помыслами и тревогами. Впоследствии эти беседы с самозванцем дорого обошлись Гриневу. Его по ложному обвинению в сообществе с Пугачевым приговорили к тяжкому наказанию. Екатерина II смягчила приговор: повелела сослать Гринева на вечное поселение в Сибирь, избавив от позорной казни. По всеподданнейшей просьбе девицы Марии Мироновой, ходатайствовавшей за жениха, императрица распорядилась пересмотреть дело. Гринева полностью оправдали и в конце 1774 г. освободили из заключения.

Приступая к художественному отображению событий, происходивших в дни Пугачевского восстания, Пушкин был источниковедчески осведомлен в этой теме. За некоторое время до начала основной работы над рукописью «Капитанской дочки» он выступил как историк, выпустив в свет научное исследование «История Пугачевского бунта» (СПб., 1834). В нем наряду с отечественной и зарубежной литературой привлечены различные виды исторических источников (документальные, мемуарные, эпистолярные, фольклорные), среди которых центральное место занимало полученное из Военного министерства собрание архивных дел с документами Секретной экспедиции Военной коллегии, возглавлявшей в 1773–1775 гг. карательные операции по подавлению Пугачевского восстания и ликвидации последних очагов повстанческой борьбы¹. Собранные в ходе работы над «Историей Пугачевского бунта» источники сослужили Пушкину и вторую службу: он использовал их при написании названной повести.

Начнем с главного героя, которого Пушкин наделил фамилией Гринев, хотя, судя по наброскам плана будущего произведения, намеревался вывести его под одной из других фамилий: Шванвич, Башарин, Валуев (VIII, 929–930)*. Фамилию Гринев Пушкин встретил в архивных делах, где упоминаются реальные Гриневы, причастные к событиям времен Пугачевского восстания. Пушкину были известны двое из них. Первый – подполковник Петр Борисович Гринев², командир 22-й легкой полевой команды. Расквартированная под Могилевым, в конце 1773 г. она была перебросена к Волге, где включена в состав карательного войска, направленного на подавление Пугачевского восстания. Гринев отличился в боях против повстанческих отрядов под Ставрополем-Волжским и Алексеевском (в январе 1774 г.), у Бузулука (14 февраля) и в сражении у Татищевой крепости (22 марта), где каратели нанесли серьезное поражение главным силам самого Пугачева и вынудили его отступить от Оренбурга, осаждавшегося им около полугода. Хранившиеся в архивных делах Секретной экспедиции Военной коллегии донесения об успешных действиях карательного войска (там сообщалось и о боевых делах подполковника и его команды³) были законспектированы Пушкиным в рабочих тетрадах⁴, а некоторые почерпнутые отсюда свидетельства приведены в «Истории Пугачевского бунта» (IX, 43, 44, 47).

Примечательным и вместе с тем загадочным субъектом оказался для Пушкина другой Гринев, упоминание о котором он встретил в приговоре по делу лиц, привлеченных к следствию и суду в Москве вместе с Пугачевым и его ближайшими сподвижниками. В приговоре, обнародованном Сенатом 10 января 1775 г.**, в 10-м пункте названы одиннадцать подсудимых, в том числе отставной подпоручик Гринев, которые были арестованы и «находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными, для чего их и [определено] освободить» (IX, 191)⁵. Если сопоставить изображенные Пушкиным злоключения его литературного героя с тем, что произошло в реальной жизни с отставным подпоручиком Гриневым, то между ними усматривается известная схо-

* Здесь и далее цитаты из произведений и писем Пушкина приводятся по Полному собранию сочинений (Л., 1937–1959. Т. I–XVII) с указанием в круглых скобках в тексте тома этого издания (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

** 10 января 1775 г. – день казни Пугачева и ряда его сподвижников на Болотной площади в Москве.

жесть: тот и другой арестованы по недостоверным обвинениям в сообществе с Пугачевым, оба претерпели тюремное заключение, но следствие не нашло их виновными, они были оправданы и освобождены. Можно предположить, что автор, имея в виду эти обстоятельства, решил дать своему герою фамилию Гринев, что как бы связывало его повествование с реальным человеком, причастным к событиям пугачевского времени.

Об отставном подпоручике Гриневе Пушкин не знал ничего сверх того, что было сказано в судебном приговоре, процитированном выше: ни имени-отчества, ни возраста, ни места проживания, ни того, когда и по какому обвинению был арестован и как проходило следствие. Все эти сведения содержатся в архивных материалах следствия над Пугачевым и его сподвижниками, к которым Пушкин не смог получить доступ. Как видно из документов, тяжелые испытания, выпавшие на долю Гринева, имели примечательную предысторию. В середине сентября 1774 г. под Харьковом был схвачен беглый пугачевец Федор Агафонович Неустроев, отставной солдат из крестьян Ливенского уезда. На пристрастных допросах в Красном Куте и Харькове он показал, что-де недели с четыре тому назад Пугачев послал его с Волги, изпод Царицына, в Старооскольский уезд со своим «царским» указом к тамошнему помещику, отставному подпоручику «Алексею Матвееву сыну Гриневу», и тот-де офицер, получив этот указ, обещал, как убежденный сторонник самозванца, верно исполнить «государево» повеление о наборе крестьян для пополнения его войска⁶. Замученный жестокими истязаниями, Неустроев умер 24 сентября в тюремном остроге. Спустя три дня в Харьков был доставлен под конвоем 32-летний отставной подпоручик Алексей Гринев. При допросе он назвал показания Неустроева клеветой, заявил, что не является приверженцем Пугачева и никакого указа от него не получал⁷. Тем не менее Гринева оставили под стражей, а документы дознания направили для окончательного решения генерал-майору П.С. Потемкину.

В начале октября 1774 г. Потемкин проводил при участии командующего карательными войсками генерал-аншефа графа П.И. Панина следствие над Пугачевым в Симбирске. На одном из допросов он, зачитав Пугачеву протокол показаний Неустроева, спросил: достоверны ли свидетельства относительно Алексея Гринева? К тому времени Пугачев, психологически сломленный пристрастными допросами, уже дал ряд вымышленных показаний. Так и на этот раз, надеясь избежать новых истязаний, Пугачев вопреки истине заявил, что по предложению явившегося к нему некоего солдата послал его со своим указом к отставному офицеру Алексею Гриневу, чело-веку, по словам солдата, преданному и усердному. Сам же того офицера не знает и ответа на посланный ему указ не получил⁸.

П.С. Потемкин, проявлявший неумеренное рвение в розыске потаенных покровителей и пособников Пугачева (которых в действительности не существовало), решил продолжить дознание по делу Алексея Гринева в Москве, где на ноябрь 1774 г. было назначено новое, «генеральное» следствие над Пугачевым и его сподвижниками. На допросе 16 ноября следователи* спросили Пугачева об Алексее Гриневе и указе к нему. На этот раз Пугачев несколь-

* Допросы в Москве производились следственной комиссией в составе московского генерал-губернатора генерал-аншефа князя М.Н. Волконского, обер-секретаря Тайной экспедиции Сената статского советника С.И. Шешковского и генерал-майора П.С. Потемкина.

ко изменил прежнее свое показание. Он сказал, что под Царицыном в его ставку явился некий солдат и просил послать с ним «возмутительный манифест» к Гриневу. Пугачев велел, чтобы тот манифест написал член его Военной коллегии И.А. Творогов, «но оной написал ли и тому солдату отдал ли, – не знает», и добавил, «но только от Гринева никакова известия на тот его манифест не получал, и оного Гринева он, Пугачев, не знает»⁹.

28 ноября следователи допросили доставленного в Москву из харьковского острога Алексея Гринева. Он повторил прежнее показание: с Пугачевым не знаком, сношений с ним не имел, посланий от него не получал¹⁰. Гринев сумел убедить следователей в своей невиновности, но его снова водворили в тюрьму, где держали до полного завершения пугачевского дела. Он был освобожден 12 января 1775 г. с выдачей ему так называемого «оправдательного» паспорта¹¹ спустя два дня после казни Пугачева и четверых его сподвижников на Болотной площади в Москве и телесного наказания других осужденных. При вручении паспорта с Гринева взяли подписку в том, что ему строжайше запрещено говорить кому бы то ни было о его расспросах на следствии¹².

На одной из страниц «Капитанской дочки», в главе «Пугачевщина», фигурирует полученный в Белогорской крепости указ Пугачева, самозванно выдававшего себя за «императора Петра Третьего». Комендант крепости капитан Иван Кузмич Миронов, созвав офицеров, прочел им «воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнью в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей» (VIII, 317).

Приводя содержание этого послания, Пушкин опирался на подлинные тексты указов Пугачева, обнаруженные в архивных делах Секретной экспедиции Военной коллегии. С большинства пугачевских указов Пушкин снял копии, хранящиеся в его рукописном наследии в составе так называемых «архивных» тетрадей¹³. При сопоставлении текстов видно, что сконструированное Пушкиным пугачевское послание в Белогорскую крепость имеет некоторое сходство с первыми указами Пугачева, направленными 19 сентября 1773 г. к гарнизону Яицкого городка (IX, 684–685)¹⁴ и 20 сентября казачьему атаману, старшинам и казакам Илецкого городка (IX, 681)¹⁵. Но все-таки ближе всего «белогорское» воззвание по содержанию и стилю к именному указу Пугачева, посланному 5 ноября 1773 г. в Оренбург. Обращаясь к губернатору И.А. Рейнсдорпу, чиновникам, гарнизону и «всякого звания людям», самозванный «Петр Третий» призывал: «Выдите вы из града вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем, – и за то великий государь не прогневался, что вы учинили великую пальбу*, и в этом великий государь прощает чиновных и солдат, и казаков, и всякого звания людей, и когда вы не выдите из града вон, да учините вы великую противность, то не будет вам от великого государя

* Речь идет о действии городской артиллерии, при помощи которой защитники осажденного Оренбурга смогли отбить генеральный приступ повстанческого войска 2 ноября 1773 г.

прощения, и власти великого создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас от нашей сильных руки защитить не может» (IX, 686)¹⁶.

Следует сказать еще об одном совпадении пушкинского повествования с реальной исторической ситуацией времен Пугачевского восстания: указ 5 ноября 1773 г. был составлен яицким казаком Иваном Яковлевичем Почиталиным, любимцем Пугачева и первым его секретарем, нетвердым в грамоте. Характеризуя это послание, Пушкин в то же время отметил его особую выразительность и силу, которые оказывали опасное воздействие на умы простых людей, вовлекали их в ряды сторонников «мужицкого царя Петра Федоровича», поскольку своими манифестами «объявил народу волю Петра, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли»*. В посланной 26 января 1835 г. Николаю I записке «Замечания о бунте» Пушкин, говоря о первом указе Пугачева, написанном Иваном Почиталиным 17 сентября 1773 г., в день начала восстания, отметил, что его внимание привлекли пафос и выразительность этого не очень-то грамотного документа, сила его воздействия на простых людей: «Первое возмутительное воззвание** Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более действовало, что объявления или публикации Рейнсдорпа*** были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов» (IX, 371)¹⁷. При сопоставлении пушкинских текстов нельзя не заметить сходства описания пугачевского послания в Белогорскую крепость с характеристикой реального указа Пугачева от 17 сентября 1773 г.

В повести, в главе «Приступ», рассказывается о нападении пугачевского отряда на Белогорскую крепость, взятии ее после недолгого и слабого сопротивления и о расправе Пугачева над местными офицерами. Изображая сцену расправы, Пушкин пишет, что первым держал ответ комендант крепости Иван Кузмич Миронов. На вопрос Пугачева: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал ему твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» После чего по знаку, поданному Пугачевым, казаки-повстанцы подтащили коменданта к виселице и тотчас повесили. Вторым представили Пугачеву гарнизонного поручика Ивана Игнатъича. «Присягай, – сказал ему Пугачев, – государю Петру Федоровичу!» – «Ты нам не государь, – отвечал Иван Игнатъевич, повторяя слова своего капитана. – Ты, дядюшка, вор и самозванец!» После чего он был отправлен на виселицу и повис там «подле своего старого начальника» (VIII, 324–325).

Основным источником рассказа о расправе Пугачева с офицерами послужил для Пушкина архивный документ, в котором изложены схожие обстоятельства. Речь идет о протоколе показаний фурьера**** И.И. Панова на допросе в Орской крепости 3 декабря 1773 г.¹⁸ Из показаний следует, что

* Цитируемые слова взяты из пушкинской «Истории Пугачевского бунта» (IX, 68–69).

** Возмутительные листы, воззвания, побуждающие к мятежу, восстанию.

*** Имеются в виду указы губернатора И.А. Рейнсдорпа, адресованные осадившим Оренбург пугачевцам и призывавшие их перейти на сторону властей. В собранных Пушкиным для «Истории Пугачевского бунта» материалах содержатся данные о трех таких указах: от 30 сентября и 2 октября 1773 г. и от 7 февраля 1774 г. (IX, 220, 305, 533, 631, 773), причем первые два представлены полными текстами.

**** Фурьер – солдат-фуражир.

до середины октября того года он служил в Тобольске в одном из подразделений местного гарнизона, оттуда был взят в сводную трехротную команду секунд-майора Е.Заева, направленную из Тобольска на помощь осажденному Оренбургу. На пути туда, не доходя 160 верст до Оренбурга, команда Заева 27 ноября вступила в Ильинскую крепость. Вечером другого дня к крепости подошел со своими отрядами Пугачев, а утром 29 ноября штурмовал ее. Панов участвовал в сражении, в котором упорно оборонявшаяся команда Заева была разгромлена, сам секунд-майор и несколько его офицеров пали в бою, погибло до двухсот солдат и капралов; большая же часть команды оказалась в плену. Перед тем как привести к коллективной присяге рядовых солдат, Пугачев приказал поставить перед собой пленных офицеров, капитана Д.Камешкова и прапорщика В.Воронова. Происшедшую при том сцену, изложенную в протоколе показаний Панова, Пушкин дословно привел в конспекте этого документа (IX, 698–700)¹⁹.

В девятой главе «Капитанской дочки» Пушкин словами главного героя – прапорщика Петра Гринева рассказывает, как на другой день по взятии Белогорской крепости повстанцами старый слуга Гринева, дядька Архип Савельич, не спросившись барина, своевольно вручил сочиненную им бумагу Пугачеву. Это был «реестр барскому добру, раскраденному злодеями», с перечнем вещей из домашнего обихода офицера, причем, судя по ассортименту вещей и их стоимости, довольно состоятельного. Принятую от Савельича бумагу Пугачев «долго рассматривал с видом значительным», изображая, что пытается прочесть. «Что ты так мудрено пишешь? – сказал он, наконец. – Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?» Проворно подбежавший к Пугачеву его «обер-секретарь», «молодой малый в капральском мундире», стал вслух, громогласно и по слогам читать реестр Савельича (VIII, 335–336).

Приведенные Пушкиным данные о содержании реестра Савельича основываются на архивном документе. Это стало известно из опубликованного литературоведом Ю.Г. Оксманом автографа Пушкина, представляющего конспект документа, озаглавленного: «Реестр, что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске»²⁰. В нем при перечислении имущества, захваченного пугачевцами в помещицьем имении под Заинском*, названы, в частности, такие вещи, как «12 рубах мужских полотняных с манжетами», «одеяло ситцевое, другое из хлопчатой бумаги», «два халата, один хивинский, другой полосатый», «два тулупа, один мерлуцатой, второй из беличьего меху»**, т.е. те вещи, которые были перенесены Пушкиным в реестр Савельича с незначительными изменениями. «От себя» поэт внес в него названия вещей из офицерского обмундирования, мундир и штаны, а также походный погребец с посудой. Они в реестре Буткевича не значатся, что и понятно, так как Буткевич являлся статским чиновником, а не офицером.

* Город Заинск и другие места Закамья находились в зоне активных действий пугачевских отрядов с ноября 1773 г. по июль 1774 г.

** Вполне возможно, как полагал Ю.Г. Оксман, что упоминаемые в реестре Буткевича «два тулупа – один мерлуцатой, второй из беличьего меху», подсказали Пушкину ход к «заячьему тулупчику», включенному Савельичем в своей реестр, а до того сыгравшему важную роль в завязке повести (описанная во второй главе «Капитанской дочки» сцена на постоялом дворе, где Гринева жалуется «вожатому» – Пугачеву заячий тулупчик в награду за спасение заблудившихся во время степного бурана путников) (VIII, 291–292).

Конспект реестра Буткевича был опубликован по автографу Пушкина, приобретенному Ю.Г. Оксманом в 1933 г. Публикатор сетовал на то, что пушкинский конспект не дает полного представления о подлиннике реестра Буткевича. Например, не указывает дату подлинного документа, не сообщает адреса, не содержит данных о месте его хранения, а также о том, каким путем и когда мог оказаться в руках поэта. По этим вопросам Ю.Г. Оксман смог ограничиться лишь отдельными предположениями. В одном из ранних упоминаний о реестре Буткевича Ю.Г. Оксман писал, что подлинник реестра Пушкин обнаружил, по-видимому, в Оренбургском губернском архиве в сентябре 1833 г.²¹ В последующих публикациях Ю.Г. Оксман приводит более осторожные суждения: реестр Буткевича был законспектирован Пушкиным с архивного оригинала, местонахождение и полный текст которого неизвестны²².

Подлинник реестра Буткевича был обнаружен нами в РГВИА, в одном из дел Секретной экспедиции Военной коллегии²³. Впервые сообщение о находке этого документа появилось в печати в 1969 г.²⁴ Самому реестру в архивном деле предшествует сопроводительный документ – доношение надворного советника Ивана Буткевича командующему карательными войсками генерал-аншефу А.И. Бибикову от 31 января 1774 г.²⁵ В нем сообщается дата реестра, адресат, а также то, что пугачевцы захватили и разграбили три имения: поместье в деревне Порутчиковой под Заинском, хутор на реке Ик (в 16 верстах от Нагайбацкой крепости) и водяную мельницу на реке Сарапалы.

Подлинник реестра Буткевича занимает четыре больших листа, плотно исписанных убористым почерком. Здесь помимо пожитков, упоминаемых в пушкинском конспекте, перечислены десятки других вещей из господского и крестьянского обихода: возки, коляски, сани, обшевни, конская сбруя, перины, подушки, постельное белье, попоны, войлоки, полости медвежьих, шандалы; посуда кухонная, столовая и чайная; хозяйственный инвентарь: косы, топоры, сошники, ломы, лопаты и др.; съестные припасы: мясо, масло говяжье, сало, ветчина, мед, вино и др., а также сукна, кожи, хлопчатое полотно и пряжа, конопля, кудель; значительные партии домашнего скота и птицы. Общую сумму своих потерь, где среди икон, скота, утвари, онуч и прочего добра фигурировали и безвестно пропавшие дворовые люди, Буткевич исчислял в 5760 рублей с 25 копейками, а сверх того им были названы около двух тысяч четвертей ржаной муки и 107 ведер водки, наливки, «вина простого» и медовухи, стоимость которых он не мог назвать в денежном выражении, не зная их рыночной цены. По содержанию реестра Буткевича видно, что пугачевцы подчистую реквизируют движимое имущество одной из крупнейших помещичьих латифундий Закамья.

Следует остановиться на истории пушкинского конспекта реестра Буткевича. Этот конспект вместе со всеми другими рукописями Пушкина его сын Александр Александрович Пушкин передал в начале 1850-х гг. литературному критику и пушкинисту П.В. Анненкову, готовившему к печати первое научное издание собрания сочинений А.С. Пушкина в семи томах (СПб., 1855–1857). При возвращении рукописей А.А. Пушкину конспект случайно остался в рабочем кабинете издателя²⁶. Известный букинист Ф.Г. Шилов писал в воспоминаниях, что однажды (а случилось это в Петрограде в первые послереволюционные годы) к нему в лавку зашел

художник Ю.А. Анненков с двоюродным братом и предложил купить рукописи, обнаруженные в архиве родственника, известного пушкиниста П.В. Анненкова. Шилов купил тогда у братьев записки пушкинского приятеля, литератора П.А. Катенина с воспоминаниями о знакомстве и встречах с поэтом. В рукопись «были вложены два листка – выписки из Оренбургского архива, на которые я, – писал Шилов, – не обратил внимания». Когда Шилов показал приобретенные рукописи известному литературоведу и историку П.Е. Щеголеву, который, как известно, «был скуповат и всегда торговался», то на этот раз он сразу же, не торгуясь, вручил букинисту названную им сумму, чему тот «крайне удивился» и попросил объяснения. В ответ на это, указав на два листка, вложенные в записки Катенина, Щеголев «сниходитально объяснил» Шилову, что «листки эти написаны рукой Пушкина»²⁷.

Так Щеголев стал владельцем пушкинского автографа, но не имел случая ввести его в научный оборот. Два года спустя после смерти ученого, в 1933 г., его сын продал автограф Ю.Г. Оксману, который неоднократно публиковал его в научных изданиях. В 1974 г. вдова литературоведа передала пушкинский конспект реестра Буткевича в Рукописный отдел Пушкинского Дома²⁸, где он наконец-то обрел свое место в собрании документальных архивных заготовок Пушкина по истории Пугачевского восстания.

В главе «Осада города» Пушкин повествует о том, в частности, как Петр Гринев участвовал в военном совете в Оренбурге накануне появления мятежного войска Пугачева под стенами города. В повести председательствовал на этом военном совете генерал Андрей Карлович Р. (его прототипом был, как известно, оренбургский губернатор генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп (1730–1781)²⁹). Генерал предложил созванным на совет чиновникам оренбургской администрации высказаться относительно стратегии обороны города: каким образом следует «действовать противу мятежников: наступательно или оборонительно?» Первое слово предоставлено было младшему по чину прапорщику Петру Гриневу. Как очевидец тот поведал о состоянии сил Пугачева и высказался за активные наступательные действия. Все присутствовавшие восприняли мнение Гринева с явным неодобрением: они увидели в его высказывании «опрямительность и дерзость молодого человека».

Очередь высказаться дошла до «толстого и румяного старичка в глазетовом кафтане» (прототипом этого персонажа был Петр Иванович Рычков (1712–1777), статский советник*, служивший в Оренбурге правителем Соляной конторы**, но более известный как крупный ученый, член-корреспондент Петербургской академии наук, автор капитальных работ по истории и географии Оренбургского края. Он изумил участников совета, а в первую очередь генерала, заявлением, что против Пугачева «не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно», а идти «подкупательно». Генерал все же счел это предложение «весьма благоразумным», заявив, что подобные «движения подкупательные тактикою допускаются, и мы вос-

* В «Капитанской дочке», сказано, что этот персонаж имел чин коллежского советника.

** Пушкин ошибочно называл своего героя (П.И. Рычкова) директором Оренбургской таможни. На самом деле должность эту в 1773–1774 гг. занимал надворный советник П.С. Обухов.

пользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...»*

Благосклонно оценив предложение старичка в глазетовом кафтане, генерал призвал присутствующих сосредоточиться на обсуждении военных мер против приближающегося к Оренбургу мятежного полчища. Вопреки Гриневу, все выступавшие говорили о крайней опасности наступательного действия, указывая на слабость, ненадежность войск оренбургского гарнизона, а также на иные неблагоприятные обстоятельства. Учитывая все это, они советовали придерживаться оборонительной стратегии. И генерал завершил военный совет словами: «Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками – отражать» (VIII, 339–441). Такой безынициативной стратегией руководствовался, как известно, губернатор И.А. Рейнсдорп, возглавлявший оборону осажденного Оренбурга в течение полугода, до конца марта 1774 г., до подхода сюда регулярного армейского корпуса генерал-майора князя П.М. Голицына, который нанес ряд крупных ударов войску Пугачева и отогнал его в предгорья Южного Урала.

Помещенный в «Капитанской дочке» рассказ о военном совете в Оренбурге построен на использовании повествовательного исторического источника, рукописной хроники, принадлежащей перу П.И. Рычкова**, очевидца обороны Оренбурга и других событий того времени; ему довелось побеседовать с Пугачевым в те дни, когда тот находился в тюремной камере Симбирского острога. Копийный список хроники П.И. Рычкова был получен Пушкиным от историка и издателя Г.И. Спасского летом 1833 г.³⁰ Тогда же поэт сделал конспект хроники (IX, 759–779), неоднократно использовал этот источник в ряде глав «Истории Пугачевского бунта», а в приложении к ней полностью опубликовал текст хроники Рычкова под названием «Осада Оренбурга (Летопись Рычкова)» (IX, 206–367).

В своем конспекте рычковской хроники Пушкин кратко изложил дневниковую запись Петра Ивановича за 7 октября 1773 г.: «7 октября был совет у губернатора (где находился и Рычков), атаковать ли Пугачева*** или обороняться. Все, кроме одного губернаторского товарища**** Старово-Ми-

* Из находящегося в архивном деле рапорта И.А. Рейнсдорпа в Военную коллегию от 25 сентября 1773 г. (РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 58–59 об.) Пушкину было известно, что Рейнсдорп в то время уже предпринял «подкупательные» действия против Пугачева, разослав на места ордера с предписанием объявить всем, что за выдачу Пугачева живым власти выплатят 500 руб., а за мертвого – 250 руб. (См. выписку в бумагах Пушкина: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 1230. Л. 3 (IX, 620)). Оригиналы подобных ордеров Рейнсдорпа, адресованные бригадиру Х.Х. Билову и коменданту Яицкого городка подполковнику И.Д. Симонову, сохранились в одном из архивных дел Оренбургской губернской канцелярии за 1773 г. (РГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 92, 93).

** В хронике Рычкова приведены его собственные дневниковые записи, а также повседневный журнал Оренбургской губернской канцелярии за 1773–1774 гг., другие документы этой же канцелярии, фрагменты военно-походного журнала генерала П.М. Голицына и иные источники, освещающие борьбу с Пугачевским восстанием.

*** 5 октября 1773 г. войско вступило в предместья Оренбурга и приступило к его осаде.

**** «Губернаторский товарищ» (или: «товарищ губернатора») – термин, равнозначный введенным позднее должности и званию вице-губернатора.

люкова, решили обороняться в ожидании команд*» (IX, 762). Некоторые подробности того, о чем говорилось на военном совете, сообщает приводимый ниже полный текст дневниковой записи Рычкова: «В журнале губернатора показано, что 7-го числа сего [месяца] званы были к нему в дом находящиеся в Оренбурге генералитетские чины и некоторые штаб-офицеры для совету (между коих и я находился). Г. губернатор от каждого требовал мнения и особой подписки: атаковать ли еще злодея или только оборонительно поступать, пока воинские команды будут умножены. Все (кроме одного, губернаторского товарища, г. действительного статского советника Старово-Милюкова), рассуждая усмотренное у злодеев людство, имеющуюся у него сильную артиллерию, и дабы впредь могущею быть неудачею и утратою не привезть городских жителей в уныние и колебание, дали и подписали такое мнение, что до собрания команд и пока город по наружности его приведен будет в надлежащую безопасность, поступать оборонительно, чему тогда и сам губернатор согласовался» (IX, 226).

Из дневниковой записи Рычкова Пушкин взял для своего рассказа о военном совете следующие данные: обсуждавшийся вопрос; участие Рычкова в числе созванных на совет представителей высшей губернской администрации; окончательное решение – действовать «оборонительно» – за него высказалось подавляющее число присутствовавших, кроме одного (в реальной жизни им был губернаторский товарищ Василий Яковлевич Старово-Милюков**), в «Капитанской дочке – Петр Гринев, словами которого Пушкин художественно отобразил и такую страницу истории Оренбурга времени пугачевщины, как заседание военного совета накануне нашествия пугачевского войска). Что касается Рычкова, он, вопреки повести, не высказал на военном совете какого-либо отдельного (и притом необычного) мнения, а просто примкнул к общему мнению большинства.

В РГАДА, в фонде Оренбургской губернской канцелярии³¹, хранится документ, содержащий более полную информацию о военном совете 7 октября 1773 г., нежели была известна Пушкину. Речь идет о подлинном протоколе военного совета с собственноручно записанными участниками совета мнениями, скрепленными их подписями. В совете участвовали двенадцать человек: губернатор И.А. Рейнсдорп, обер-комендант генерал-майор К.И. Валленштерн, губернаторский товарищ действительный статский советник В.Я. Старово-Милюков, правитель Оренбургской соляной конторы статский советник П.И. Рычков, губернаторский товарищ коллежский советник И.М. Мясоедов, коллежский советник в отставке И.Л. Тимашев, атаман Оренбургского казачьего войска В.И. Могутов, директор Оренбургской таможни надворный советник П.С. Обухов, губернский прокурор М.П. Уша-

* Речь идет об ожидании регулярных армейских команд и соединений, которые будут посланы на помощь Оренбургу, осажденному многолюдным пугачевским войском.

** Старово-Милюков (1722–1776) в прошлом служил в артиллерии, имел чин полковника. Именно поэтому во время обороны Оренбурга его командованием были вверены все находившиеся в городе артиллерийские части. Пушкин высоко отозвался о нем в «Истории Пугачевского бунта» при рассказе о происходившем в Оренбурге 7 октября 1773 г. военном совете: «На сем совете действительный статский советник Старово-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: идти противу бунтовщиков. Прочие боялись новую неудачею привести в опасное уныние, и только думали защищаться. С последним мнением согласился и Рейнсдорп» (IX, 24).

ков, батальонные командиры оренбургского гарнизона, майоры Ф.Г. Даллеровский, В.Я. Молостов и И.А. Скирмантов³².

Ниже приводятся внесенные в протокол военного совета мнения трех его участников, небезыңтересные в плане сопоставления их с пушкинским текстом. Старово-Милуков, единственный сторонник наступательных действий против пугачевцев, высказался так: «Покамест сии злодеи круг города находятся, то мое мнение: чтоб над ними необходимо изготовленными командами поиск учинить для того, чтоб их от города отогнать и обывателям свободу сделать, а в подкрепление тех команд и всех здешних казаков вслед команд выслать. Когда ж они от города отогнаны будут, тогда о дальнейшем над ними поиске можно будет иметь по обстоятельствам особое суждение»³³. Стоит напомнить, что схожее суждение высказывал в пушкинской повести Петр Гринев. А вот что в действительности говорил Рычков (в повести «старичок в глазетовом кафтане»): «По числу нынешней команды*, а по превосходству неприятельской силы, атаку учинить за несходно нахожу потому: дабы за неудачею здешний город не подвержен был [бы] вящей опасности или вреду; а смотреть некоторое время на обстоятельства, и потому тогда, сообразно со оными и со обоюдными силами**, поступать»³⁴. Подобного же образа действий предлагали придерживаться и другие участники совета, как из числа статских чиновников, так и из военных***, ссылаясь на неготовность войск оренбургского гарнизона к наступлению, на слабую воинскую выучку солдат, робость казаков и даже склонность их к измене. С этим доводами Рейнсдорп согласился и, подводя итог, заявил: «Поиск тогда следует учинять, когда удача совершенную пользу обещает, а от неудачи не приключилось бы всему обществу гибели. Колеблущееся здешнего народа состояние, а особливо вчерашняя для поиска учиненная вылазка****, доказывает крайнюю на казаков и татар безнадежность. К тому ж я не известен: какое неприятель будет иметь предприятие. Ежели паки отважится учинить нападение на город, то надобно мне оной оборонять. А буде отступит и пойдет Казанскою дорогою или Самарскою линиею к Казани, то должно за ним преследовать. Буде ж оборотится на Яик, то и туда для охранения тамошней команды [надобно] корпус. Следовательно, теперь высылки на него отсель учинить весьма опасно и почти невозможно, пока дальние обстоятельства его***** не откроют»³⁵. В этом заявлении ярко демонстрируются характерная для Рейнсдорпа инертная по-

* Речь идет о воинских командах оренбургского гарнизона.

** Под «обоюдными силами» имеются в виду воинские части оренбургского гарнизона и пришедшие на помощь ему полки регулярной армии.

*** Из списка участников совета видно, что половина их были людьми военными (Рейнсдорп, Валленштерн, Могутов, Даллеровский, Молостов, Скирмантов; к их числу может быть отнесен и Старово-Милуков, служивший прежде полковником в артиллерии). В повести же говорится, что между участниками военного совета, «кроме самого генерала [т.е. Рейнсдорпа], не было ни одного военного человека» (VIII, 333). Можно предположить, что, высказывая это, Пушкин хотел придать вес словам Петра Гринева о некомпетентности в военном деле людей, созданных на совет. Впрочем, следует напомнить, что Пушкину не был известен протокол этого военного совета.

**** Речь идет о неудачной вылазке, предпринятой командами оренбургского гарнизона 6 октября 1773 г., отбитой отрядами Пугачева с изрядной «конфузией» для неприятеля.

***** Имеется в виду Пугачев.

зиция при решении военных задач, его индивидуальная особенность, верно подмеченная и выразительно отображенная Пушкиным. Негативного отношения к этому деятелю поэт не изменил и после того, как из биографической справки, полученной от историка Д.Н. Бантыша-Каменского, узнал, что Екатерина II пожаловала Рейнсдорпу орден Александра Невского за успешное руководство обороной Оренбурга*.

В главе двенадцатой «Капитанской дочки» упоминается о том, что при отъезде Петра Гринева из Белогорской крепости ему вручен был «пропуск, подписанный каракульками Пугачева» (VIII, 358). Вероятно ли это: ведь Пугачев, как известно, не владел грамотой?! Нет, это не придумано Пушкиным: подобную бумагу он воочию видел и держал в руках, обнаружив ее в архивном деле Секретной экспедиции Военной коллегии среди документов, полученных из Оренбурга. Внимание Пушкина привлекли три пугачевских послания в осажденный Оренбург: именной указ Пугачева губернатору Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г. с требованиями прекратить сопротивление и сдать город войску «императора Петра Третьего»³⁶; этот же указ в переводе на немецкий язык пленными пугачевцами подпоручиком М.А. Шванвичем³⁷; лист, сплошь исписанный «каракульками» Пугачева, всего их насчитывается 24 строки³⁸. О том как эти пугачевские послания оказались в Оренбурге и как были там восприняты, Пушкин узнал из журнала Оренбургской губернской канцелярии, находящегося в том же архивном деле. В журнале сообщается, что утром 20 декабря 1773 г. передовой отряд казаков-пугачевцев после боевого столкновения у предместья Оренбурга с командой местного гарнизона сумел передать в город «три соблазнительные листа, из коих первый на российском, другой на немецком диалекте, а третий, видно, самим им, вором Пугачевым, для уверения находящихся в толпе его [простаков] намаванный и не изъясляющий никаких литер»³⁹. Упоминание об этих трех листах Пушкин нашел и в рукописной хронике П.И. Рычкова, где описание третьего листа, или «третьего злодеева письма», дано в развернутом виде: «третье [письмо] ничего не значущее, но в одних только черточках (наподобие того, как не знающие грамоте дети иногда пишут) состоящее, и такими ж пустыми чертами не в одном месте подписанное письмо, видно, самим злодеем, как не знающим грамоте, для обмана находящихся при нем простаков писанное, в том виде, якобы он знает грамоте и сам от себя партикулярно к губернатору писал» (IX, 276).

Сведения о происхождении курьезного «автографа» Пугачева содержатся в протоколах следственных показаний служивших в повстанческой Военной коллегии людей**, которые были очевидцами рукописных занятий Емельяна Ивановича. Яицкий казак Иван Яковлевич Почиталин, любимец Пугачева, первый его секретарь, думный дьяк Военной коллегии, показал при допросе: «Писал один раз и сам Пугачев к губернатору письмо, но на каком языке, — я не знаю, только слышал от Пугачева, чему многие в тол-

* В приложениях к «Истории Пугачевского бунта» Пушкин опубликовал именной указ Екатерины II от 1 мая 1774 г., объявивший «высочайшее благоволение» Рейнсдорпу и всем жителям Оренбурга за стойкую оборону осажденного города (IX, 173–174), перепечатав этот документ из Полного собрания законов Российской империи (СПб., 1830. Т XIX. № 14143).

** Пушкин доступа к этим документам не получил.

пе ево [люди], хотя и не знали, что писано, удивлялись»⁴⁰. Несколько подробнее освещен этот эпизод в показаниях илецкого казака Максима Даниловича Горшкова, секретаря Военной коллегии: «Видел я один раз, что самозванец сам писал перед нами на бумаге и, по написании с полстраницы, показывал пред ним стоящим с сими словами: "Прочтите-де, что я написал". Но, как написано было не по-русски, то все тут грамотеи сказали: "Мы-де не знаем, ваше величество, это писано не по-русски". На что самозванец, улыбнувшись, сказал: "Где-де вам знать"»⁴¹. А вот что сказал при допросе илецкий казак Иван Александрович Творогов, полковник в войске Пугачева и член его Военной коллегии: «Хотя-де я и с самого начала при Пугачеве «у письменных дел находился, но, клянусь живым богом, что никак не знал того», что самозванец «грамоте не умеет, ибо он пред всеми показывался знающим тем, что писывал в глазах наших какие-то крючки, иногда мелко, а иногда крупно, и сказывал, что его пишет по-немецки»⁴². В показании Творогова речь идет о том самом «автографе» Пугачева, что был послан в Оренбург. Он не был единственным. Оказывается, как видно из протокола допроса Почиталина, Пугачев изготовил собственноручно еще несколько подобных «манускриптов»: Пугачев «неоднократно писывал при нас, – не знаю, что, а говорил, что пишет манифесты на иностранных языках. По написании ж казал оные нам. Но, как мы разобрать ничего не могли, то хвастал перед нами, что умеет писать на двенадцати языках. И те писанные им бумаги хранил всегда у себя. И они те самые, которые мне при допросе показываны»⁴³. Достоверность этого показания подтверждается наличием второго из сохранившихся «автографов» Пугачева, который ныне находится в РГАДА, в одном из дел Оренбургской секретной комиссии⁴⁴ (она, как известно, производила следствие над Почиталиным и другими видными сподвижниками Пугачева). Удалось установить и то, как попал этот «автограф» Пугачева в секретную комиссию. Его нашли 23 марта 1774 г. в Бердской слободе после бегства Пугачева среди вещей в том доме (так называемом «государевом дворце»), где он около полугода квартировал во время осады Оренбурга.

Затея с «автографами» – очередное ухищрение в ряду самозванческих измышлений и легенд Пугачева, направленных на доказательство истинности его «царского» происхождения. Он хотел убедить сподвижников в том, что эти листы, заполненные в их присутствии его «монаршей» рукою некими непонятными знаками, подобиями букв, есть ни что иное, как указы на немецком языке. Пугачев был уверен, что ему поверят, поскольку никто из его ближайшего окружения не владел иностранными языками, да и в русском письме они были не очень-то сильны.

Пушкин не оставил без внимания памятник рукотворной графики Пугачева, поместив среди иллюстраций к «Истории Пугачевского бунта» литографическое воспроизведение трех последних строк «автографа», попавшего в Оренбург 20 декабря 1773 г., сопроводив иллюстрацию ремаркой: «Снимок с начертаний, сделанных рукою безграмотного Пугачева»⁴⁵.

Исследователи, литературоведы и историки, обращавшиеся к «Капитанской дочке», указывали, наряду с литературно-художественными достоинствами повествования, на несомненную достоверность освещения событий времени Пугачевского восстания. Этому способствовало изучение Пушкиным исторических источников и литературы о событиях того времени

в процессе работы над монографией «История Пугачевского бунта». Архивные документы, выявленные для нее в свое время, частично были использованы при создании «Капитанской дочки», органично вошли в авторский текст в виде пересказа, прямого или скрытого цитирования, а иногда и краткого упоминания.

¹ Архивные дела, находившиеся в 1833–1835 гг. в руках Пушкина, ныне хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230–1240.

² Гринев Петр Борисович (1731–1786), из мелкопоместных дворян, в военную службу вступил в 1748 г., в подполковники произведен в 1771 г., в полковники в 1775 г., в генерал-майоры в 1779 г. Подробнее о нем см.: Оренбургская Пушкинская энциклопедия. Оренбург, 1997. С. 102.

³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 437–438; Д. 1232. Л. 42–43; Д. 1235. Л. 36, 149, 252–254; Д. 1236. Л. 397–399.

⁴ Пушкинский Дом (Институт русской литературы РАН). Рукописный отдел. Ф. 244 (Пушкин А.С.). Оп. 1. № 1243. Л. 1–1 об.; № 1232. Л. 9–9 об.; № 1233. Л. 2; № 1234. Л. 5–5 об. Данные документальные выписки Пушкина опубликованы (IX, 635, 638–639, 643, 712, 770).

⁵ Пушкин опубликовал судебный приговор от 10 января 1775 г. по типографскому его тексту, изданному в тот день (см. «наборную» рукопись «Истории Пугачевского бунта» // Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 1233. Л. 304–324).

⁶ Протоколы показаний Ф.А. Неустроева на допросах в Краснокутской комиссариатской конторе 17 сентября 1774 г. и в Слободской Украинской губернской канцелярии в Харькове 18 сентября 1774 г. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 512. Ч. I. Л. 375–377 об., 378–380).

⁷ Протокол показаний А.М. Гринева на допросе в Слободской Украинской губернской канцелярии в Харькове 27 сентября 1774 г. (Там же. Л. 381–381 об.).

⁸ Из протокола показаний Е.И. Пугачева на допросе в Симбирске 2–6 октября 1774 г. (Там же. Ч. 2. Л. 59–59 об.); Емельян Пугачев на следствии. М., 1997. С. 118.

⁹ Протокол показаний Е.И. Пугачева на допросе в Москве 16 ноября 1774 г.

(РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 512. Ч. 1. Л. 219–219 об.); Емельян Пугачев на следствии. С. 219.

¹⁰ Протокол показаний А.М. Гринева на допросе в Москве 28 ноября 1774 г. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 512. Ч. 1. Л. 437–439 об.).

¹¹ Паспорт, выданный А.М. Гринева из Тайной экспедиции Сената 12 января 1775 г. (Там же. Ч. 3. Л. 143).

¹² Там же. Л. 144.

¹³ Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969. С. 85–90.

¹⁴ Архивный оригинал указа Пугачева см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 77; пушкинская копия указа Пугачева см.: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 383. Д. 1–2.

¹⁵ Архивный оригинал указа Пугачева см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 60–60 об.; пушкинская копия указа Пугачева см.: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 1378. Л. 1–2.

¹⁶ Архивный оригинал указа Пугачева см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 173; пушкинская копия указа Пугачева см.: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 385. Л. 1.

¹⁷ Архивный оригинал указа Пугачева см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 76; пушкинская копия указа Пугачева см.: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 379. Л. 2.

¹⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 371–373.

¹⁹ Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 1241. Л. 4–5 об. Об использовании этого источника Пушкиным при написании «Капитанской дочки» см.: Черняев Н.И. «Капитанская дочка» Пушкина. М., 1897. С. 194–197; Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Л., 1987. С. 251–252.

²⁰ Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой» // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 237–241.

Справедливости ради следует сказать, что принадлежавший ему пушкинский автограф Ю.Г. Оксман опубликовал пятью годами раньше в пушкинском выпуске газеты-многотиражки «Сталинец» № 14 от 7 июня 1947 г.

²¹ См. примеч. Ю.Г. Оксмана в издании: *Пушкин А.С.* Собр. соч. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 755.

²² Литературное наследство. Т. 58. С. 241; *Оксман Ю.Г.* От «Капитанской дочки» А.С. Пушкина к «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Саратов, 1959. С. 130.

²³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1235. Л. 407–410.

²⁴ *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 99.

²⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1235. Л. 406–406 об.

²⁶ *Цяловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 271–273.

²⁷ *Шилов Ф.Г.* Записки старого книжника. М., 1966. С. 111–112.

²⁸ *Теребенина Р.Е.* Новые поступления в пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969–1974 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 105–109.

²⁹ Подробнее об И.А. Рейнсдорпе см.: *Овчинников Р.В.* За пушкинской строкой. Челябинск, 1988. С. 106–108.

³⁰ Помимо списка хроники П.И. Рычкова, присланного от Г.И. Спасского, в руках Пушкина были два других копийных списка этой рычковской хроники: один он получил в сентябре 1833 г. от симбирского краеведа П.М. Языкова, другой – в апреле 1834 г. от писателя И.И. Лажечникова (*Овчинников Р.В.* Пушкин в работе над архивными документами... С. 20.). В одном из примечаний к «Истории Пугачевского бунта» Пушкин сообщил о трех имевшихся у него списках хроники Рычкова (IX, 101).

³¹ До 1870-х гг. фонд Оренбургской губернской канцелярии хранился в Оренбурге, после чего был передан в Московский архив Министерства юстиции (предшественник Российского государственного архива древних актов).

³² РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 2. Л. 267–268 об.

³³ Там же. Л. 268.

³⁴ Там же. Л. 267 об. – 268.

³⁵ Там же. Л. 268–268 об.

³⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Л. 17–17 об.; пушкинская копия указа Пугачева от 17 декабря 1773 г. см.: Пушкинский Дом. Рукописный отдел. Ф. 244. Оп. 1. № 383. Л. 1–2 (IX, 687).

³⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Л. 18. «Немецкий» указ Пугачева на языке оригинала и перевод на русский напечатаны в сборнике «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений». М., 1975. С. 39–40. Подробнее о «немецком» указе Пугачева см.: *Овчинников Р.В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1985. С. 20–31.

³⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 12 об.

⁴⁰ Протокол показаний И.Я. Почиталина на допросе в Оренбургской секретной комиссии 8 мая 1774 г. // Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 111.

⁴¹ Протокол показаний М.Д. Горшкова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 8 мая 1774 г. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 216 об.).

⁴² Протокол показаний И.А. Творогова на допросе в Казанской секретной комиссии 27 октября 1774 г. // Пугачевщина. Т. 2. С. 151–152.

⁴³ Протокол показаний И.Я. Почиталина на допросе в Оренбургской секретной комиссии 8 мая 1774 г. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 209–209 об.). Этот фрагмент показаний Почиталина при публикации протокола допроса во 2-м томе сборника «Пугачевщина» был опущен (см. примеч. 40).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 508. Ч. 2. Л. 155 (об этом курьезном «документе» см.: *Овчинников Р.В.* Автографы Пугачева // Вопросы архивоведения. 1960. № 6. С. 58–59).

⁴⁵ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. IX. 3-й лист иллюстраций после С. 154.

Архивная служба Иркутской области: прошлое, настоящее, будущее

Празднование 90-летия со дня подписания председателем Совета народных комиссаров РСФСР декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», названного ленинским, – повод проанализировать настоящее, подумать о будущем.

История архивного дела в Иркутской области, хотя и имеет свои особенности, лежит в русле истории архивного дела России. Здесь, как и в других регионах нашей страны, архивы, получая недостаточную государственную поддержку, при крайне слабой материально-технической базе на протяжении многих лет не могли создать необходимые условия для сохранности ценных документов. Архивное дело в регионе развивалось главным образом благодаря энтузиазму, бескорыстной и беззаветной преданности своему делу многих поколений архивистов. Это они в годы Гражданской войны в тяжелейших условиях спасали, собирали, вели учет и описание национализированных архивных документов, сохранив тем самым для истории более 300 тыс. дореволюционных дел, не дали погибнуть архивам в период Великой Отечественной войны. Это они, не получая по 4–5 месяцев зарплату в 1990-е гг., не позволили зачахнуть архивному делу, а, напротив, способствовали продвижению вперед по отдельным позициям. Уже в 1998 г. на научно-практической конференции в г. Иркутске, посвященной 80-летию государственной архивной службы России, ее участники отмечали позитивные изменения в архивном деле области, в частности укрепление с принятием областного закона «Об Архивном фонде Иркутской области и архивах» правовой основы деятельности государственных и муниципальных архивов; создание в целях обеспечения сохранности и использования документов по личному составу ликвидированных организаций сети специализированных архивов; улучшение работы архивных учреждений с организациями, рост объемов дел, подготовленных к передаче на постоянное хранение, и др. Но на этой же конференции отмечали и нерешенные, несмотря на все усилия архивистов, проблемы, усугубляемые крайне недостаточным финансированием. Ситуация с сохранением архивных документов тогда была критической, особенно в облгосархивах. Их слабая материальная база вела к необратимому ухудшению физического состояния архивных фондов. Из-за перегруженности архивохранилищ Госархива Иркутской области в архивах организаций скопилось сверх установленного срока хранения 24 тыс. дел. Остро стояла проблема создания областного архива документов по личному составу. Возросшая трудоемкость исполнения социально-правовых запросов граждан, отсутствие автоматизированных систем поиска информации затягивали сроки их исполнения.

Вот с таким, далеко не полным перечнем трудноразрешимых проблем архивы области вступили в девятое десятилетие истории государственной архивной службы России. И все-таки упорным трудом, опираясь на поддержку общественности, всех тех, кто осознает непреходящую ценность архивов, ситуацию удалось изменить. В эти годы нормативная база области пополнилась законом «Об административной ответственности в Иркутской области за правонарушения в сфере архивного дела». Прохождение его шло

непросто: помог его главный разработчик В.В. Игнатенко (сегодня – председатель Избирательной комиссии Иркутской области). В настоящее время этот закон признан утратившим силу после принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, но, несмотря на свое недолгое существование, он положительно сказался на сохранности документов в организациях, дисциплинируя нерадивых.

Иркутская область одной из первых в Российской Федерации приняла закон «О наделении органов местного самоуправления областными государственными полномочиями по комплектованию, хранению, учету и использованию документов Архивного фонда Иркутской области». В него неоднократно вносились изменения в части пополнения перечня муниципальных образований, органы местного самоуправления которых наделялись госполномочиями по архивному делу, а в 2005 г. закон был приведен в соответствие с федеральными законами «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и «Об архивном деле в Российской Федерации». В том же 2005 г. принят закон «Об архивном деле в Иркутской области».

В 2001 г. в соответствии с действующим законодательством постановлениями губернатора Иркутской области на базе госархивов были созданы областные государственные учреждения «Государственный архив Иркутской области», «Государственный архив новейшей истории Иркутской области», «Государственный архив документов по личному составу Иркутской области», наделенные правами юридических лиц и получателей бюджетных средств. Практически одновременно с изменением организационно-правовой формы госархивов губернатор области подписал постановление об упорядочении условий оплаты труда их работников, переведившее тех на условия оплаты труда работников федеральных архивов, что вызвало в трудовых коллективах положительную реакцию. Но и тогда, и сегодня архивистами высказывается одно пожелание – размер окладов должен соответствовать уровню жизни населения и пересматриваться с опережением инфляционных процессов.

Реализация названных законов, ряда местных нормативных документов, оздоровление экономики страны в целом и области в частности обусловили переход архивной службы региона от стратегии выживания к стратегии развития.

Ярким примером тому может служить поистине эпохальное событие в истории архивного дела Иркутской области – капитальный ремонт с элементами реконструкции здания облгосархива, которое сегодня украшает город. На его инструментальное обследование, составление проекта и проектно-сметной документации, собственно на капремонт и реконструкцию ушло пять лет, затрачен 71 млн руб. Уникальным было то, что все это сделано без перемещения архивных фондов и сотрудников, без приостановки основных видов работ.

Капитальный ремонт провели и в здании, выделенном для Госархива документов по личному составу Иркутской области. В нем созданы все условия для сохранения документов и работы сотрудников. Архив интенсивно комплектуется, поэтому ему дополнительно предоставлено 300 кв. м для третьего архивохранилища, капитальный ремонт и оборудование которого планируются в 2009 г.

Что касается здания Госархива новейшей истории, то ему уже больше 30 лет, и тоже требуется капитальный ремонт. Проводится он поэтапно: заменили старую плоскую кровлю на изготовленную из современного мате-

риала изопласта; установили новый лифт, тонированные стеклопакеты в архивохранилищах. В настоящее время объявили тендер на капитальный ремонт фасада здания. Предстоит также оборудовать систему автоматического пожаротушения.

В рамках подпрограммы «Архивы России» ФЦП «Культура России» приобрели кондиционер и листодоливочную машину для ГАИО, компьютеры и множительную технику для его Усть-Ордынского филиала (бывший архивный отдел администрации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа).

Мобилизации сил, энергии, а также огромной организаторской работы потребовал массовый прием в архивы документов по личному составу. Начавшийся в 1992 г. процесс ликвидации предприятий не ослаб, а, напротив, усилился и едва не вышел из-под контроля. Чтобы обеспечить сохранность этих документов, мы стали отслеживать процессы ликвидации организаций в сотрудничестве с налоговыми органами и отделениями Пенсионного фонда России.

С 1998 г. в архивные учреждения области принято 566 тыс. дел по личному составу, потребовавших упорядочения, описания, согласования описей с ЭПК Архивного агентства Иркутской области. Архивисты работали и продолжают трудиться на пределе сил и возможностей. Незапланированное поступление больших массивов документов породило тяжелейшую проблему – нехватку площадей архивохранилищ. И если бы ее удалось решить раз и навсегда! За десять лет архивы области получили свыше 6 тыс. кв. м. Это больше, чем площадь Госархива Иркутской области и Госархива новейшей истории вместе взятых. И тем не менее проблема остается.

Создание Госархива документов по личному составу сняло напряжение в обеспечении сохранности этой категории документов ликвидированных областных и части федеральных организаций. С муниципальными архивами в этом направлении работать сложнее: здесь нужна всемерная поддержка органов местного самоуправления, поскольку содержание дополнительных площадей, приобретение стеллажей и архивных коробок требует солидных средств. Учитывая многообразие и сложность возникающих проблем сохранности документов по личному составу, Архивное агентство Иркутской области в феврале 2007 г. подготовило доклад губернатору «О мерах по обеспечению сохранности архивных документов по личному составу ликвидированных организаций». В ходе его обсуждения были даны поручения, в том числе Региональному совету при губернаторе, поставить на контроль вопрос расширения площадей архивохранилищ и создания условий для хранения архивных документов. На сегодняшний день острота проблемы «архивной полки» снята, а во многих муниципальных архивах решается опережающими темпами.

Что касается архивного дела на муниципальном уровне, то в работе с органами местного самоуправления весьма эффективным инструментом является закон области «О наделении органов местного самоуправления областными государственными полномочиями по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных документов, относящихся к областной государственной собственности». В соответствии с ним наряду с госполномочиями в сфере архивного дела органам местного самоуправления передаются финансовые средства в виде субвенций. Всего на исполнение госполномочий за эти годы передано около 50 млн руб. Сумма достаточно весомая, учитывая небольшие объемы фондов (в среднем по 20 тыс. дел) муниципальных архивов

области. За счет субвенций удалось укрепить материально-техническую базу 43 из них. Практически все они размещены в пожаробезопасных зданиях, повсюду, кроме четырех архивов Усть-Ордынского округа, установлена охранно-пожарная сигнализация, хранилища оборудованы металлическими стеллажами, ведется интенсивное картонирование дел. Если в 2001 г. в муниципальных архивах области было шесть компьютеров и копировальных аппаратов, то сейчас там 94 современных компьютера, практически все архивы оснащены множительной техникой. Органы пожарной безопасности по инициативе Архивного агентства Иркутской области регулярно инспектируют архивные учреждения, но ни одна проверка не выявила серьезных нарушений.

Традиционно большое внимание мы уделяем работе с кадрами муниципальных архивов в разнообразных формах – от индивидуальной стажировки до обучения на курсах повышения квалификации, в том числе и в Сибирской академии госслужбы в г. Новосибирске. Весьма эффективны выездные совещания-семинары на базе лучших муниципальных архивов. Они проведены в г. Братске, Нижнеудинске, Усть-Илимске, Шелехове, Нижнеилимском и Ольхонском районах. Их участники помимо обсуждения выбранной темы смогли ознакомиться с деятельностью архива, на базе которого проходило совещание, условиями хранения в нем документов, пообщаться с коллегами. На выездные совещания приглашались конкурсные управляющие, представители отделений ПФР, различных организаций, фондообразователи и др.

Постепенно входят в практику обмен опытом, встречи с зарубежными коллегами (из Польши, Монголии и др.). На Иркутской земле прошел международный семинар по вопросам сохранности документов ликвидированных предприятий с участием представителей Росархива, архивов Монголии, республик Бурятии, Саха (Якутия), Красноярского края, Читинской области. В августе прошлого года на берегу Байкала в пос. Листвянка для иркутских архивистов, а также участников НМС архивных учреждений Сибирского и других федеральных округов состоялся семинар «Результативное управление и финансовый менеджмент в государственных архивах», организованный представителями Европейской комиссии в Российской Федерации и Росархива. Докладчиками выступали эксперты из Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, России (Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, Институт экономики переходного периода, МГУ им. М.В. Ломоносова и др.).

Подводя некоторые итоги прошедшего десятилетия, видим, что сделано немало, но предстоит еще больше. У нас достаточно амбициозные планы. Так, в Госархиве Иркутской области есть резерв площадей для новых поступлений документов, но недостаточно места для лаборатории обеспечения сохранности и микрофильмирования документов, читального зала и других нужд. Необходима пристройка к архивному зданию, поэтому первоочередная задача – включиться в областную инвестиционную программу и начать работы по проектированию и строительству. Мы планируем полностью автоматизировать все системы жизнеобеспечения этого архива. Уже проведены предпроектные изыскания на разработку и внедрение в эксплуатацию программно-аппаратного комплекса в целях создания, хранения и предоставления пользователям электронных копий документов, в том числе изъятых из пользования по причине ветхости. Для осуществления только перечисленных работ необходимы немалые средства. Надеемся, что они будут выделены и планы наши осуществляться.

Как сохраняют документы в РГАЛИ

Модернизация хранения документов стала одним из главных аспектов концепции развития Российского государственного архива литературы и искусства, утвержденной коллегией Росархива 20 февраля 2003 г. (<http://www.rgali.ru>). Начать решили с переоборудования одного из занятых помещений в специализированное хранилище уникальных документов, потребовавшего перемещения большого количества архивных фондов. Трудности заключались не только в дефиците свободных площадей для маневра, но и в отсутствии прохода между обоими хранилищами, одно из которых к тому же было лишь предоставлено для хранения документов РГАЛИ и не находилось на балансе архива. Несмотря на это, в 2003 г. удалось осуществить намеченные мероприятия.

На первом этапе все архивные фонды деятелей литературы и искусства были сосредоточены в одном корпусе, а государственных учреждений и общественных организаций сферы культуры – в другом. Такая топография позволила лучше организовать выдачу дел в читальный зал, максимально сэкономив силы малочисленных сотрудников центра хранения и сократив перенос архивных документов по улице. Затем после полного освобождения намеченного хранилища от документов его отремонтировали, установили современное оборудование – металлические стеллажи (типовые и крупноформатные), сейфы, шкафы, заменили электрику и систему приточной вентиляции, а также двери, лифт. Читальный зал оснастили системой видеонаблюдения, завершив первый шаг на пути к достижению установленных нормативами требований сохранности документов, и в первую очередь подлинников.

Такой, в сущности, небольшой объем работ уже смог в определенной степени изменить рутинный и физически тяжелый труд хранителя. Но продолжить модернизацию всех 13 хранилищ РГАЛИ по выработанной методике не представлялось возможным из-за отсутствия резервных площадей. Тогда пришлось без выгрузки документов из хранилищ в течение трех лет полностью заменить электрику, охранную сигнализацию, а в одном из них установить стеклопакеты вместо пришедших в окончательную негодность рам. На необходимость этого указывал биологический анализ проб: нарушение целостности рам приводило к проникновению в хранилища дополнительной влаги, насекомых, бактерий и пр. Однако темпы этих работ сильно замедлились из-за недостатка финансирования.

В 2006 г. архив приступил к осуществлению дополнительных мер по предотвращению утраты и хищения документов, представляющих коллекционную ценность. Первоочередной стала выемка из архивных фондов уникальных документов с последующей передачей их на сейфовое хранение. Для этой цели переоборудованное архивохранилище уникальных документов оснастили шестью металлическими шкафами и одним огнестойким сейфом, а хранилище документов, не прошедших научное описание, – двумя сейфами. После предварительного анализа на сейфовое хранение были переданы некоторые архивные фонды целиком и выборочно – документы из разных фондов. Так, полностью в сейфы помещены ценнейшие коллекции: В.С. Высоцкого, И.С. Зильберштейна, Ю.А. Красовского, О.Э. Мандельшта-

ма, Б.Л. Пастернака, Н.И. Харджиева; 48 печатных изданий (футуристические книги начала XX в. из «Библиотеки А.Е. Крученых»), альбомы и др.

В числе отдельных документальных памятников на сейфовом хранении теперь рисунки, стихотворения и письма А.С. Пушкина (10 автографов), отдельные произведения А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Радищева, И.А. Крылова, Н.А. Некрасова, Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского («Идиот»), И.С. Тургенева («Месяц в деревне»), А.Н. Островского («Доходное место»), А.П. Чехова («Попрыгунья»), И.А. Бунина, А.И. Куприна, С.А. Есенина, Ф.И. Шаляпина (автопортрет), И.И. Левитана, М.А. Врубеля, А.Мицкевича, П.Мериме и др.

Персональную ответственность за сохранность этих документов возложили на главного хранителя РГАЛИ. Он получил личную печать для опломбирования сейфов, а также исключительное право на выдачу и прием уникальных документов. Вскрытие сейфов в отсутствие главного хранителя допускается лишь в случае крайней необходимости. Сделать это может комиссия, назначенная директором архива, причем с составлением акта.

В дополнение к сейфовому хранению, требующему значительных площадей и средств, в РГАЛИ введено обязательное опечатывание фондов после проведенной по листной проверки наличия. Для этой цели используется пломбировочная лента «СК» – универсальное маркировочное и идентификационное средство, надежно обеспечивающее сохранность и контроль доступа к не имеющим отверстий для пломбирования архивным коробкам и папкам. Она для простоты отрыва разделена перфорацией на отрезки по 150 мм, на каждый из которых нанесен индивидуальный номер. При попытке снятия ленты на ней проступает индикаторная надпись «Вскрыто!!!», а на поверхности архивной коробки остается красный след.

Номерной пломбировочной лентой в архиве опечатываются (согласно утвержденному руководством перечню фондов) коробки с неиспользуемыми в настоящее время, но прошедшими страховое копирование и имеющими фонд пользования документами. Это позволяет исключить возможность несанкционированного доступа сотрудников к архивным документам, сами документы – из общего цикла проверки наличия дел по архиву, а также вероятность ошибок при подкладке дел. Надежность данного порядка сохранения документов подтвердилась в прошлом году, когда проверили дела в прежде опечатанных коробках.

С 2006 г. в РГАЛИ поэтапно внедряется контрольно-охранный комплекс. Его первая очередь позволяет контролировать доступ в здание архива, вторая – в зону хранения документов; третья – предполагает установку элементов контроля персонального доступа сотрудников архива (в соответствии с их служебными обязанностями и должностной ответственностью) на дверях всех девяти хранилищ второго корпуса, а также на двери запасного выхода во внутренний двор. Реализация последнего этапа запланирована на этот год.

Сегодня действующая система контроля доступа позволяет фиксировать вход каждого сотрудника в здание РГАЛИ в режиме реального времени с выводом изображения и других данных (дата, время и место) на монитор постового, а также сохранять это в памяти процессора; вести мониторинг местопребывания сотрудника в любой момент времени по зонам (использование и хранение документов); сократить бесконтрольное перемещение исследователей и сотрудников по зданию архива; управлять работой системы контроля доступа с единого компьютера, установленного в кабинете директора, по программе «Парсек» (с возможностью блокировки и запус-

ка всей системы в экстренных ситуациях). Установленный порядок не мешает сотрудникам милицейской охраны и рабочим РЭО-2 выполнять свои обязанности: для их входа действует дежурная карточка, выдаваемая с соответствующей записью в журнале. Опыт эксплуатации системы показал ее надежность и простоту кодировки карточек в сочетании с большим объемом информации служебного и иного характера и соответственно правильность сделанного РГАЛИ выбора стратегии сохранности архивных фондов.

Применение охранного зонирования помещения архива позволило преодолеть проблемы внутренней безопасности, долгое время считавшиеся неразрешимыми. Так, с установкой кода доступа только сотрудники центра хранения могут входить в зону хранения, включая прилегающие к хранилищам рабочие комнаты. Прежде в них осуществлялись выдача и возврат документов сотрудниками научно-информационного центра, отдела архивных коммуникаций, центра комплектования и других подразделений архива. Тогда было трудно соблюсти все требования сохранности документов: случалось, что сотрудники оставляли дела на столах, а прием их в хранилище осуществлялся хотя и с обязательной полистной проверкой, но без непосредственного участия тех, кто с ними работал. Трудности и кадровый дефицит 1990-х гг. негативно отразились на внутреннем распорядке архива, что существенно снизило требования к соблюдению правил, но не поколебало презумпцию профессиональной добросовестности работника архива.

Хищения архивных документов стали тяжелым уроком, заставившим в корне пересмотреть отношение работников к требованиям внутреннего распорядка и персональной ответственности за сохранность документов. В архиве была разработана схема выдачи документов сотрудникам для работы и их возврата. Новый порядок закреплен в инструкции, куда вошли такие принципиальные позиции, как выдача документов штатным сотрудникам архива для выполнения плановых и других работ строго в соответствии с тематикой исследований; ограничение выдачи документов сотрудникам, проходящим испытательный срок и работающим по договору с архивом (за исключением участников совместных научно-исследовательских проектов); обязательное визирование бланков заказов на получение документов руководителями структурных подразделений, а заказов последних – директором архива; предоставление для пользования только копий (электронных, микроформ и др.) документов; строгое соблюдение процедуры приема и выдачи документов с обязательной их полистной проверкой в присутствии сотрудника, в строго установленное время, под расписку в книге выдачи дел из архивохранилищ и с отметкой в листе использования; запрет на передачу выданных документов другим сотрудникам, а также посетителям читального зала; ограничение сроков выдачи документов (не более месяца, с возможностью продления до полугода для выполнения плановых работ: подготовка к реставрации, переплет, дезинфекция, страховое копирование, каталогизация, экспонирование, публикация и другие, до пяти дней – для уникальных документов); ограничение количества дел, выданных одному сотруднику (не более 10 дел, трех описей дел и 10 копий фонда пользования, с возможностью их увеличения при выполнении сотрудником плановых работ).

Внедрение новых нормативных актов и неукоснительное выполнение действующих правил сопровождалось активной разъяснительной работой в коллективе (на рабочих совещаниях в структурных подразделениях, ежемесячных занятиях по повышению квалификации). Четкая работа центра хранения, контроль со стороны администрации в сочетании с доброжелательностью и дове-

рием к сотрудникам помогли преодолеть инерцию и привычку. Это была важная психологическая победа персонала архива, непосредственно участвующего в создании цитадели сохранности документов с привлечением финансовых, материальных, интеллектуальных и других ресурсов. В дальнейшем архивистам потребуются совершенно иные знания и навыки в связи с внедрением современных технологий хранения документной информации.

Важным направлением обеспечения сохранности является расширение фонда пользования посредством применения новых технологий, в частности для оцифровки уникальных документов и локальных тематических комплексов. Эта работа проводится на разных участках, но ее результаты (электронные копии) концентрируются и учитываются в едином центре – у главного хранителя. Выбор объектов осуществляется в рамках программных мероприятий при поддержке ФЦП «Культура России (2006–2010 годы)», РГНФ или в ходе выполнения договоров с научно-исследовательскими и другими учреждениями. В качестве примера можно назвать такие проекты, как «Изобразительные источники РГАЛИ», «С.М. Эйзенштейн. Изобразительные материалы», «Фонды русского зарубежья», «Документальное наследие О.Э. Мандельштама», «Борис Пастернак. “Мой мир, мой дом”», «Национальное наследие России и современность: виртуальный архив документальных памятников», «Виртуальный архив А.А. Ахматовой», «Документальное наследие С.С. Прокофьева», «Документальное наследие Д.Д. Шостаковича», «История русской философской мысли в фондах РГАЛИ» и др. Созданные в процессе их реализации электронные ресурсы функционально сосредоточены на нескольких направлениях: издательская база, мультимедийное пространство, фонд пользования.

В фонд пользования включаются также и все оцифрованные комплекты, изготовленные по запросам исследователей читального зала, что предусмотрено условиями договоров. Таким образом, помимо микрофильмов, коллекция которых ежегодно пополняется в среднем на 220 тыс. кадров, постепенно растет и корпус цифровых копий документов. Все эти усилия направлены на расширение использования высококачественных копий в научно-информационном и издательском процессах с целью сохранения наиболее ценных автографов и раритетов РГАЛИ.

ТЕХНОЛОГИИ СОХРАННОСТИ
СИЛТЭК®

Решения задач сохранности и безопасности в архивном деле

- **Номерные пломбировочные ленты “СК” и “КТЛ”**
- **Номерные пломбы-наклейки “СК”**
- **Сейф-пакеты и мягкие пломбируемые сейф-контейнеры**

ООО “СИЛТЭК”

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 36/3, стр.2

Тел.: (495) 995 8230, 628 1516 / факс: (495) 625 4214, info@siltech.ru

Информация о представителях в региональных центрах России и СНГ - на сайте: www.siltech.ru

Коллекция магометанских метрических книг в Национальном архиве Республики Татарстан

Магометанские метрические книги принадлежат к числу часто используемых архивных документов, до сих пор не подвергавшихся источниковедческому изучению. Вместе с тем российские архивы располагают достаточно представительной базой для подобного исследования.

В Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) они выделены в «Коллекцию метрических книг мечетей», насчитывающую 3761 ед. хр.¹ Наиболее полно представлены магометанские метрические книги деревень и сел Казанской губернии, в частности Казанского, Лаишевского, Мамадышского, Свияжского, Спасского, Тетюшского, Чистопольского уездов, а также г. Казани. Исключение составляют книги по Цивильскому, Царевкокшайскому уездам, дошедшие до наших дней не в полном составе, и Чебоксарскому уезду – только за 1881 и 1915 гг.

Наиболее ранние магометанские метрические книги НА РТ относятся к 1860 г., но по некоторым деревням имеются записи и с 1829 г.² Вплоть до 1916–1917 гг. они отличались аккуратностью ведения и полнотой, более поздние дошли до нас в малом количестве и не полном объеме. Тем не менее по отдельным деревням и селам можно найти метрические книги до 1922 г. и даже 1924 г.

Правила ведения магометанских метрических книг строго регламентированы. С 1916 г. по требованию Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – Духовное собрание) претендент на место имама должен был сдать специальный экзамен³.

В начале метрических книг регистрировались родившиеся. Вписывались имя ребенка, дата его рождения и имена родителей. В отличие от православных, в магометанских метрических книгах не указывались восприемники новорожденного. В поздних документах в метрику иногда записывали и фамилии, однако в магометанских метрических книгах это делалось очень редко. По информации, опубликованной в журнале «Сведения Оренбургского духовного управления» за 1916 г., фамилия для татар ранее не была обязательной, но позднее в ней возникла необходимость, особенно при определении в рекруты. Если родовая фамилия отсутствовала, то рекомендовалось образовывать ее от имени деда. При рождении ребенка в том приходе, где он регистрировался, не требовалось называть адрес. В противном же случае это становилось необходимым, что явствует из метрических книг г. Казани, жители которой в основном были выходцами из других местностей, чаще всего деревень и сел Казанской губернии. Социальное происхождение отца ребенка указывалось лишь тогда, когда тот являлся мещанином, дворянином или почетным гражданином⁴. Однако в реальности имамы вписывали социальное положение и других групп населения (крестьян, мулл, муэдзинов, башкир, тептярей и др.).

Духовное собрание настоятельно советовало не откладывать регистрацию рождения ребенка до праздника «бэби ашы», или «бэби чэе», который устраивался по этому случаю и, как правило, совмещался с имянаречением.

Во второй части метрических книг записывались совершенные в данном приходе бракосочетания. Причем у татар брак зачастую регистрировался в приходе невесты. Мужчинам разрешалось читать никах (бракосочетание) с 18 до 80 лет, девушкам дозволялось выходить замуж с 16 лет, о чем требовалась специальная справка, сделанная на основании метрической записи⁵. В художественной литературе иногда встречаются сюжеты очень раннего замужества, что, однако, документального подтверждения не находит. Если даже такое случалось, то как исключение. Непременным условием регистрации брака являлось магометанское вероисповедание жениха и невесты⁶. Записывались дата торжества и возраст брачующихся. Для тех, кто принадлежал к этому приходу, подробная запись адреса не требовалась. А вот наличие свидетелей было обязательным. Главными здесь, как правило, считались отцы с обеих сторон или близкие родственники – мужчины, которых называли «вэли вэкиллэр» (главные представители [сторон]). Сам жених тоже имел право выступить свидетелем на церемонии собственного бракосочетания. В книгах (в основном после 1917 г.) хоть и очень редко, но встречаются факты, когда свидетелем была девушка. Кроме того, со стороны обоих брачующихся выбирали по два, иногда по четыре свидетеля, так называемых «ризалык шахидлэре» (свидетели согласия). Это могли быть родственники, соседи и даже гости торжества. В метриках свидетели расписывались или ставили свой родовой знак – тамгу. (По тамгам можно определить людей одного рода, но при этом важно иметь в виду, что в метрических книгах всех губерний знаки женщин одинаковы, хотя они не могли договариваться между собой об этом.) Здесь же приводился размер махра, т.е. выкупа невесты. Как правило, он состоял из двух частей: одна выплачивалась во время никаха, остальная называлась «ожидаемой» и вносилась постепенно. В качестве махра давали лошадь, корову, постельные принадлежности и др. Духовное собрание требовало указывать махр в денежном эквиваленте⁷. В последней графе метрической книги расписывался имам, прочитавший никах, пошлина за который составляла 25 копеек⁸.

Разводы также вписывались в метрическую книгу. При регистрации факта развода обязательно проставлялась его точная дата. Бракоразводным процессом занимались муж и отец женщины, что, однако, не говорит о ее бесправии. Ведь по канонам ислама женщину должны всячески оберегать от стрессовых ситуаций, каковой является и развод, и она была вправе потребовать через отца все, что ей полагается. Для развода тоже нужны были свидетели, причем уважаемые, имеющие определенный авторитет в обществе, как правило, двое. Они расписывались, подтверждая, что развод является законным и состоявшимся. В отдельной графе обязательно называлась его причина⁹. В большинстве случаев – это «остывание чувств» друг к другу. Однако, по мнению Духовного собрания, данная формулировка прикрывала истинные причины разрыва отношений, поэтому оно просило имамов по возможности указывать действительную причину. Записи метрических книг, составленных после 1917 г., свидетельствуют об увеличении числа разводов.

Последняя часть метрических книг состоит из списка умерших в данном приходе, где значатся имя умершего, а также его отца, причина смерти. Под

именем умершей женщины заносились имя ее отца и мужа¹⁰. Поскольку данный документ использовался при разделе имущества умершего среди наследников, точность этих сведений была обязательным условием. Причины смерти устанавливались родственниками или имамом, поэтому могли быть и неточны. В записях зачастую встречаются такие причины, как корь, оспа, простуда, кашель и др. Но при невозможности установления причины смерти разрешалось оставлять графу свободной¹¹. В 1920–1921 гг. в качестве главной причины смерти фигурирует голод. Судя по документам, в один день в семье умирали четыре человека. Тексты магометанских метрических книг позволяют сделать и другие важные для исторической науки (в том числе для изучения сословий в татарском обществе) наблюдения.

В качестве любопытного факта можно отметить занесение в метрику наряду с именем человека и его прозвища (например, в метрических книгах с. Большие Тарханы Симбирской губернии)¹². В плане оценки продолжительности жизни того времени интересны записи, где причиной смерти человека, умершего в 55–60 лет, указана старость. В метрических книгах встречаются, но крайне редко, и записи об уходе из жизни в возрасте 90–100 лет.

В опровержение долгое время бытовавшего у нас неписаного закона, что жена должна быть младше мужа, метрические книги демонстрируют обратную ситуацию. Что касается географии браков, то они обычно совершались между жителями близлежащих населенных пунктов.

В метрических книгах отражены и драматические события в жизни татар. Так, в книгах д. Новое Ямкино Спасского уезда Казанской губернии за 1906 г.¹³ зарегистрированы «отпавшие от православия», не сумевшие записаться в магометанскую метрическую книгу.

Метрические книги помогают в установлении даты основания того или иного населенного пункта, уточнении биографических сведений выдающихся представителей татарского народа.

¹ Православные метрические книги хранятся в фонде Казанской духовной консистории.

² Кузнецова Л. Документы Национального архива Республики Татарстан и их использование в генеалогических исследованиях // Семейные летописи: Сб. по итогам II Всероссийской гуманитарно-просветительской конференции «История моей семьи – страница многовековой истории Отечества». Казань, 2007. С. 221–223.

³ Рекомендация Духовного собрания мусульман по ведению метрических книг // Сведения Оренбургского духовного управления. 1916. № 2. С. 4–5.

⁴ О работе имама и о ведении метрики // Там же. № 11. С. 16–21.

⁵ О форме ведения метрики // Там же. № 12–13. С. 22–27.

⁶ О ведении метрик и официальных документов // Там же. № 20. С. 13–14.

⁷ О форме ведения метрики... С. 22–27.

⁸ О деньгах, связанных с церемонией бракосочетания // Сведения Оренбургского духовного управления. 1916. № 23–24. С. 20–21.

⁹ О форме ведения метрики... С. 22–27.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² НА РТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 971. Л. 276–278.

¹³ Там же. Д. 1349. Л. 18–26.

О.Е. Алтеев

Документы стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906–1914 гг. в фондах Российского государственного военно-исторического архива

В последнее десятилетие XX в. исследователи получили доступ к ранее засекреченным документам русского Генерального штаба по военному планированию перед Первой мировой войной, в связи с чем возникла необходимость в корректировке концепции истории военного планирования в Российской империи, заложенной в 1920-х гг. А.М. Зайончковским¹. Он представил этот процесс как деградацию разработанных еще в 1880-х гг. принципов развертывания армий. Данная точка зрения уже тогда вызвала справедливую критику военных специалистов. Так, А.А. Свечин отмечал, что Зайончковский не понял стремления Генштаба создать перед Первой мировой войной гибкий план войны, принципиально отличный от жестких кордонных планов развертывания конца XIX в. По мнению Свечина, главным недостатком выводов Зайончковского было фактическое отрицание эволюции в военном планировании². Тем не менее концепция Зайончковского долгие годы являлась доминирующей. Сложность создания объективной картины русского военного планирования объясняется особенностью традиционно используемых историками итоговых документов, которые не могут дать ясного представления о характере и целях русских планов. Так, «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза» от 1 мая 1912 г. – ключевой директивный документ Генштаба, содержащий основы реализованного в августе 1914 г. оперативного плана, не ставили перед войсками четких задач и ограничивались общими целями³.

Понять стоявшие перед русскими войсками цели, а также представить историю военного планирования в динамике позволяют документы стратегических военных игр Генерального штаба. Прогнозируя результаты вероятных военных действий, они фактически служат инструментом оценки эффективности разрабатываемых планов развертывания войск. Материалы военной игры командующих войсками военных округов, проведенной в апреле 1914 г. в Киеве, рассматривались в работах А.Н. Суворова и В.А. Меликова⁴, однако в трудах ведущих исследователей военного планирования в России эти источники почти не использованы. Так, к истории появления военных игр в России в XIX в. обращался в докторской диссертации, посвященной боевой подготовке русской армии, В.В. Ионов⁵, но характер исследования не предусматривал всестороннего изучения документов военных игр. Подобное отношение ученых к документам стратегических военных игр можно объяснить также тем, что они сохранились далеко не полностью и их комплексное изучение затруднено.

В данной статье предпринята попытка осветить состав и содержание хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) документов, которые относятся к стратегическим военным иг-

рам русского Генерального штаба, и показать их значение как исторических источников.

Одно из лучших пособий по ведению стратегической военной игры, изданное штабом Московского военного округа в 1913 г., так определяло ее назначение: «Стратегическая игра, производимая строго на научных началах, с точным расчетом данных обстановки, служит для исследования важных стратегических вопросов и может привести, помимо практики в военном деле, к заключениям первостепенной важности»⁶. Данная формулировка характеризует стратегические военные игры как инструмент военного планирования и средство для приобретения высшим командным и штабным составом необходимой полководческой практики. Стратегическая военная игра, в отличие от тактической, предназначалась для моделирования действий общевойсковых соединений (дивизий, корпусов) и объединений (армий, фронтов).

Появление и внедрение в широкую практику военной игры связано с именем прусского артиллерийского лейтенанта Георга фон Рейсвица, создавшего в 1816 г. систему игры, имевшую тактический характер и позволявшую разыгрывать столкновения вплоть до корпусного уровня⁷. В России знакомство с ней произошло в 1824 г., когда автор представил ее великому князю Николаю Павловичу (будущему императору Николаю I) и начальнику Главного штаба⁸ генерал-адъютанту И.И. Дибичу. Первые русские руководства по проведению военных игр⁹ по большей части являлись переложениями работ прусских теоретиков школы Рейсвица¹⁰.

Если тактическая военная игра была включена в учебный курс Николаевской академии Генерального штаба в 1871 г.¹¹, то стратегическая в качестве метода оперативной подготовки высшего командного состава и способа проверки военных планов стала использоваться в 1906 г., что совпало с переориентацией стратегических приоритетов Генштаба с восточного направления на западное.

В ходе реформы Генерального штаба, начатой в 1905 г., было образовано Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), независимое от военного министра¹². Начальник Генштаба генерал-лейтенант Ф.Ф. Палицын как автор его реформирования по прусской модели выступил инициатором введения в русской армии методов оперативной подготовки, принятых в Германии, в том числе и стратегических военных игр. В конце 1906 г. он подготовил и в первой половине марта 1907 г. провел военные игры с офицерами ГУГШ и трех военных округов – Виленского, Варшавского и Киевского¹³. По их итогам он предложил проводить при окружных штабах два вида военной игры: для старших офицеров Генерального штаба, в генеральских чинах, – стратегического характера; для прочих чинов штаба округа – тактического¹⁴. При подготовке и проведении стратегических игр предполагалось пользоваться «секретными сведениями о своей и иностранных армиях»¹⁵, т.е. реальными планами развертывания войск и разведывательными данными.

Стратегические военные игры, основанные на рекомендациях Палицына, стали проводиться как при штабах округов, так и при ГУГШ. При штабе Варшавского военного округа имели место масштабные стратегические игры со старшими войсковыми начальниками в 1909, 1910 и 1911 гг., а в 1912 и 1913 гг. – только со старшими офицерами Генштаба¹⁶. Разыгрывались боевые операции различной временной протяженности: от нескольких дней до месяца, преимущественно зимой.

В 1909 г. принято «Наставление для офицерских занятий», в котором военные игры, исходя из характера задач, подразделялись на стратегические, тактические, крепостные и кавалерийские, а стратегическая военная игра определялась как одна из важнейших форм оперативной подготовки¹⁷. Так, целью стратегической военной игры, проведенной в апреле 1914 г., являлась «проверка общих предположений, разработанных ГУГШ на случай войны с державами Тройственного союза», как отмечено в докладе по ГУГШ от 6 февраля 1914 г.¹⁸

Поскольку «Наставление для офицерских занятий» давало лишь общие указания по проведению военных игр, то в военных округах издавались собственные пособия. Такие руководства имели Виленский, Московский и Иркутский округа¹⁹. При штабе Варшавского военного округа ежегодно готовили указания накануне каждой стратегической игры.

В РГВИА сохранилось 112 ед. хр., содержащих документы военных игр периода 1906–1914 гг., в том числе в фонде ГУГШ (34 ед. хр.)²⁰ и фондах штабов трех западных пограничных округов – Варшавского (27 ед. хр.), Виленского (27 ед. хр.) и Киевского (8 ед. хр.)²¹. Ценность заключенной в них информации объясняется тем, что ГУГШ являлся главным органом, осуществлявшим военное планирование в России, а штабы Варшавского и Киевского округов в случае войны формировали управления Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и в силу данных обстоятельств уже в мирное время разрабатывали планы действий армий этих фронтов. Штаб Виленского военного округа в военное время формировал штаб 1-й армии, игравшей ключевую роль в противостоянии германским войскам в Восточной Пруссии.

Документы военных игр имеются также в фондах штабов Иркутского (2 ед. хр.), Кавказского (3 ед. хр.), Московского (9 ед. хр.) и Туркестанского (2 ед. хр.) военных округов²². Их незначительное количество здесь в сравнении с фондами западных военных округов, вероятнее всего, является следствием утраты этих источников в результате ненадлежащего хранения и целенаправленного уничтожения в 1920-е гг.²³

Все выявленные документы можно разделить на две группы: об организации военных игр и их проведении. Как правило, эти документы включались в дела раздельно, но встречаются и исключения, когда в одно дело вошли документы обеих групп. Кроме того, некоторые дела содержат материалы нескольких военных игр, а документы одной игры иногда расплывлены не только по разным делам, но и фондам (например, ГУГШ, куда направлялись копии документов и отчеты, а также штаба военного округа, где проводилась игра).

Из документов первой группы, прежде всего, назовем переписку ГУГШ с окружными и войсковыми штабами, представленную рапортами и телеграммами по командированию офицеров и генералов для участия в военных играх. Часто эти документы содержат подробные данные о составе привлекаемых лиц, так как в списки участников военных игр, где указывалось распределение по ролям, не всегда вносились изменения. В рапортах, телеграммах имеется информация об обеспечении охраны секретных документов, используемых в ходе игр, о порядке передачи их для дальнейшего хранения. В них сообщается и о бытовом обслуживании участников игр. Так, служебная переписка ГУГШ и штаба Киевского военного округа о проведении военной игры командующих войсками округов в апреле 1914 г. содер-

жит сведения об обеспечении всех участников, включая писарей, необходимыми помещениями. В докладе личного адъютанта командующего войсками ротмистра Маркевича начальнику штаба округа генерал-лейтенанту В.М. Драгомирову сообщается, что в императорском киевском дворце, предоставленном Министерством двора участникам военной игры, не оказалось «кухонной посуды и чайной сервировки», поэтому пришлось договариваться с гостиницей «Континенталь» об организации завтраков и обедов²⁴.

Некоторые данные об организации военных игр содержат программы, представляющие собой поденные (а иногда и почасовые) расписания занятий.

Наиболее ценны документы собственно игр, в первую очередь задания (иногда называемые предположениями), подготовкой которых занимались ГУГШ и штабы военных округов. Они имеют однотипную структуру, установленную «Наставлением для офицерских занятий»: обязательно включают описание обстановки, общие цели, поставленные перед армией, сведения о составе армии, противнике, а также исходное положение²⁵. Задания для игр позволяют судить о том, каким представлялся Генштабу предполагаемый ход военных действий в начале войны, а также о реальных боевых задачах, которые в случае войны получили бы войска. Эти документы интересны и с точки зрения использования в ходе стратегических военных игр разведывательных данных, имевшихся в распоряжении Генштаба. Их анализ свидетельствует, что оценки сил противника в ходе стратегических военных игр оказались более близкими к действительности, чем данные основного аналитического документа русской разведки – «Записки о силах и вероятных планах наших западных противников» от 10 апреля 1914 г., подготовленной статистическими делопроизводствами ГУГШ под руководством генерал-квартирмейстера Генерального штаба генерал-лейтенанта Ю.Н. Данилова, и чем считал А.М. Зайончковский²⁶. Так, в стратегической военной игре, проведенной в 1911 г. в Варшавском военном округе с участием старших войсковых начальников, силы германской армии в Восточной Пруссии оценивались в пять корпусов (10 дивизий), тогда как на основании разведанных ожидалось, что при оборонительных действиях Германия оставит на востоке до шести корпусов и 13 резервных дивизий (всего до 25 дивизий)²⁷. В действительности же с началом Первой мировой войны Германия выставила против России девять полевых и резервных дивизий и некоторое количество ландверных и эрзац-резервных войск²⁸.

Персональную информацию заключают хранящиеся в фонде штаба Варшавского военного округа списки участников военных игр с распределением ролей: они позволяют установить степень участия в них высшего командного и штабного состава. Теперь есть все основания утверждать, что в 1909–1911 гг. участником военных игр или посредником в них был служивший в то время в округе известный полководец Первой мировой войны, будущий главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов²⁹. По итогам игры 1910 г., в которой он руководил действиями русской Наревской армии, было признано, что маневры его войск, поставившие армию противника в катастрофическое положение, «совершены искусно»³⁰. Таким образом, военным успехам А.А. Брусилова в 1914–1916 гг. способствовал опыт, полученный в ходе военных игр.

Изучение списков участников военных игр и их программ показывает, насколько серьезное внимание уделялось в русской армии подготовке выс-

ших военачальников. Эти документы позволяют прояснить некоторые назначения на высшие посты в начале войны. Так, согласно одному из вариантов списка участников стратегической игры в Киеве в апреле 1914 г., командующим 3-й армией Юго-Западного фронта предполагалось поставить командующего войсками Туркестанского военного округа и туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова³¹. Это свидетельствует о том, что назначение в первые дни войны Самсонова командующим 2-й армией Северо-Западного фронта не являлось случайным, как считалось в отечественной историографии³². Очевидно, что данное решение было принято заранее, с учетом факта награждения генерала орденом Св. Георгия 4-й степени и его отличия во время русско-японской войны.

Все распоряжения – приказы, диспозиции и директивы, выполняемые сторонами по ходу игр, согласно требованиям «Устава полевой службы», писались карандашом на специальных бланках для донесений, как в боевых условиях³³. Результаты того или иного распоряжения по игре отображались на картах и схемах, выполненных на кальке, что позволяет реконструировать ход многих игр. К сожалению, журналы военных игр, схожие по форме с журналами боевых действий, в которых кроме описания хода боев посредниками делались замечания об ошибках, довольно редки.

Согласно «Наставлению для офицерских занятий», по окончании военной игры требовался ее разбор, однако документирование итогов не являлось обязательным. По результатам игры штабом руководителя составлялся отчет, включавший описание игры и выводы. Подготовленные посредниками «отчеты», «разборы», «замечания» о ходе военных игр служили рабочими материалами для составления основных отчетов руководителей, которые сохранились лишь в небольшом количестве. Так, о пяти стратегических военных играх Варшавского военного округа, проводившихся с 1909 по 1913 г., выявлены только два отчета по играм 1910 и 1911 гг.³⁴ Тем не менее эти документы раскрывают стратегические задачи Генерального штаба. Выводы «Отчета о военной игре офицеров Генерального штаба, состоявшейся при штабе Туркестанского военного округа с 6 по 15 марта 1907 года», подтверждают неверие Генштаба в успешный исход для России в случае военного столкновения с Великобританией в Средней Азии³⁵. Выяснившаяся в ходе военной игры невозможность противостоять вторжению многочисленной афганской кавалерии в Хиву и Бухару дает основание говорить, прежде всего, о военных причинах подписанного в августе 1907 г. соглашения между Россией и Великобританией, по которому в сферу влияния последней был включен Афганистан³⁶.

Таким образом, хранящиеся в РГВИА документы стратегических военных игр 1906–1914 гг. являются важнейшими источниками по истории военного планирования и позволяют по-новому взглянуть на процесс выработки военных планов перед Первой мировой войной. Их подробное изучение выявило противоречия между ГУГШ и штабами округов в понимании стратегических задач. Так, документы военных игр, проходивших при штабе Варшавского военного округа, свидетельствуют о том, что командование округа не поддерживало решение ГУГШ, а впоследствии и Ставки верховного главнокомандующего о наступлении в Восточную Пруссию. На стратегических военных играх штаба округа в 1912 и 1913 гг. отрабатывались оборонительные действия двух армий Северо-Западного фронта при отра-

жении удара германских войск в направлении Немана, хотя «Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза» от 1 мая 1912 г. требовали от штаба фронта готовиться к наступлению³⁷. Так же действовало руководство военного округа и на игре 1914 г. в Киеве. Очевидно, что в штабе Варшавского военного округа планировалась, прежде всего, оборонительная операция, основанная на взаимодействии обеих армий фронта. Вторжение в Восточную Пруссию непосредственно перед войной не отработывалось³⁸. Его посчитали возможным только после отражения германского наступления и разгрома немецких войск в пограничных сражениях. Эти факты показывают, что русский план войны 1912 г. не являлся сугубо наступательным.

Привлечение документов стратегических военных игр для исследования вопросов военного планирования накануне Первой мировой войны позволяет утверждать, что роль военных округов была более высокой и самостоятельной, чем принято считать в историографии. Материалы военных игр показывают, что разногласия по вопросам планирования операций, с самого начала существовавшие во взаимоотношениях Ставки, штабов фронтов и армий и сыгравшие негативную роль в летней военной кампании 1914 г., во многом были обусловлены предвоенными противоречиями между ГУГШ и местным руководством в вопросах стратегического планирования. Кроме того, эти документы дают основания утверждать, что высший командный состав русской армии имел необходимую практику в управлении войсками, опровергая известные тезисы А.М. Зайончковского о том, что перед Первой мировой войной «совершенно не было обращено внимания на работы масс и на подготовку старших начальников к вождению их»³⁹, и армия «выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки»⁴⁰. В действительности же во время Первой мировой войны, кроме трагической капитуляции в Грюнфлиссском лесу, русская армия золотыми буквами вписала в книгу своей боевой славы победоносные сражения уже в первые месяцы войны у Гольдапа и Гумбиннена, на Гнилой и Золотой Липах и др.

¹ *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926; *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; *История военной стратегии России.* М., 2000.

² *Свечин А.А.* Эволюция оперативного развертывания // *Война и революция.* 1926. № 5. С. 25–26.

³ См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 256–265. Такой характер документа объясняется тем, что, по представлению XX в., под планом войны понимался только план развертывания вооруженных сил. См., напр.: *Михневич Н.П.* Стратегия. СПб., 1906. Кн. 1. С. 120.

⁴ *Суворов А.Н.* Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // *Военно-исторический сборник.* 1919. Вып. 1. С. 9–28; *Меликов В.А.* Стратегическое развертывание (По опыту Первой мировой империалистической войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в СССР). М., 1939. Т. 1. Первая империалистическая война 1914–1918 гг.

⁵ *Изонов В.В.* Подготовка военных кадров в России (XIX–XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998.

⁶ *Руководство для ведения военной игры.* М., 1913. С. 8.

⁷ *Альтрок [К.]* Военная игра. Руководство для ее ведения с примерами, решениями и картой. СПб., [1910]. С. 197.

⁸ Речь идет о Главном штабе ЕИВ – руководящем органе, прежде всего в оперативном отношении, военного ведомства Российской империи в 1815–1832 гг. За Военным министерством в этот период сохранялись в основном административно-хозяйственные функции.

⁹ См.: *Кузминский А.П.* Руководство к военной игре. СПб., 1848; *Казанский П.П.* Руководство к военной игре. СПб., 1873.

¹⁰ *Альтрок [К.]* Указ. соч. С. 211.

¹¹ *Скугаревский А.П.* Военная игра. Руководство для тактических упражнений со сборником задач. СПб., 1874. Ч. 1. С. 4.

¹² *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 49–50.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 428. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Руководство военной игрой с приложением некоторых справочных сведений. Вильна, 1907. С. 11.

¹⁶ Материалы этих игр см.: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 173, 180, 1715, 1729, 2808, 2821.

¹⁷ Наставление для офицерских занятий. СПб., 1909. С. 31. Кроме упомянутых видов военных игр существовали еще специальные тыловые и санитарные игры.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1986. Л. 21.

¹⁹ Руководство военной игрой с приложением некоторых справочных сведений; Руководство для ведения военной игры. М., 1913; Руководство для ведения военной игры офицеров Иркутского военного округа. Иркутск, 1911.

²⁰ РГВИА. Ф. 2000.

²¹ Там же. Ф. 1859, 1956, 1759.

²² Там же. Ф. 1468, 1300, 1606, 1369.

²³ О судьбе военных архивов после 1917 г. подробнее см.: *Коротков А.В.* Военные архивы в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.) // Советские архивы. 1990. № 4. С. 56–66.

²⁴ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1059. Л. 109.

²⁵ Наставление для офицерских занятий. С. 31–32.

²⁶ *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 194.

²⁷ РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2808. Л. 15; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 191.

²⁸ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 133.

²⁹ В 1909 г. командир 14-го армейского корпуса генерал-лейтенант А.А. Брусилов руководил специальной военной игрой для кавалерийских начальников округа (РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2821. Л. 1), в военной игре 1910 г. – действиями русской стороны (Там же. Д. 2821. Л. 83), а в 1911 г. выступал в роли посредника на русской стороне (Там же. Д. 2808. Л. 11 об.). В играх 1912 и 1913 гг. не участвовал, так как они были предназначены только для старших офицеров Генштаба, а Брусилов в Генеральном штабе никогда не служил.

³⁰ РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2821. Л. 199.

³¹ В конечном итоге Самсонов к игре привлечен не был.

³² По предвоенным планам эта должность предназначалась для помощника командующего войсками Варшавского военного округа Е.А. Рауш фон Траубенберга. А.А. Керсновский называл назначение Самсонова «неожиданным». См.: *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 148.

³³ Руководство для ведения военной игры. С. 24.

³⁴ См.: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 172; Д. 2808. Л. 328–330; Д. 321. Л. 197–203.

³⁵ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 434. Л. 93 об.

³⁶ О пессимистическом отношении офицеров Генштаба к проблеме вторжения в Индию см.: *Грулев М.В.* Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 206–208.

³⁷ Материалы этих игр см.: РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 180, 1729, 2821.

³⁸ Подробнее об этом см.: Там же. Д. 173, 1715.

³⁹ *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне... С. 96.

⁴⁰ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. С. 15.

Воины Русского экспедиционного корпуса периода Первой мировой войны по документам Госархива Орловской области

Участие русских войск в боевых действиях на фронтах за пределами Российской империи, в частности во Франции и на Балканах, – одна из наименее изученных страниц истории Первой мировой войны. Ей посвящено лишь несколько изданных, главным образом за рубежом, работ. Это, прежде всего, вышедшая в 1933 г. в Париже книга известного русского военачальника генерала Ю.Н. Данилова о сражавшихся во Франции и в Македонии русских воинах¹. Как указано автором в предисловии, «данный труд – есть историческое исследование, ибо в основе его лежит почти годовая архивная работа, произведенная во французских военно-исторических архивах. К сожалению, русские архивные дела автором не были разысканы. Рассказ дополнен также свидетельскими показаниями тех участников событий, которые имели возможность откликнуться на призыв автора»². Тему продолжают очерки руководителя Союза русских офицеров в Париже А.А. Хазова о событиях на Французском и Македонском фронтах Первой мировой войны и участника войны штаб-капитана В.А. Васильева³ об истории Русского легиона из солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса.

Отдельные исследования по истории Русского экспедиционного корпуса выходили и в советское время⁴. Однако в последние годы в периодических изданиях появились исследования российских историков о судьбе солдат русских особых бригад, сосланных за неповиновение французским властям в Северную Африку⁵, а также об участии Русского экспедиционного корпуса во Франции в наступлении союзных войск под командованием генерала Нивеля в апреле 1917 г.⁶ В последней работе использованы не только французские источники, но и документы РГВИА. К сожалению, фонды региональных архивов до сих пор не являлись объектом исследования истории русских воинских формирований, участвовавших в боевых действиях на зарубежных фронтах Первой мировой войны.

Между тем в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) хранятся документы, связанные с возвращением на Родину воинов-орловцев, служивших в Русском экспедиционном корпусе во Франции и на Балканах. Они распылены по различным фондам, например исполкома Орловского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-1), исполкомов волостных Советов (Ф. Р-12), Орловского губернского управления по эвакуации населения (Ф. Р-378), Орловской уездной рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-468), Болховского уездного военного комиссариата (Ф. Р-1295), Малоархангельского уездного исполкома (Ф. Р-1327), а также ряда сельских Советов и др.

Русский экспедиционный корпус, состоявший из четырех особых пехотных бригад (по два полка в каждой), был сформирован в соответствии с договоренностью России и Франции об отправке воинского контингента в об-

мен на поставку России военного снаряжения. В него вошли свыше 44 тыс. лучших солдат и офицеров, физически сильных, грамотных, многие из которых имели боевой опыт. В апреле–июле 1916 г. во Францию прибыли 1-я и 3-я бригады, в августе–октябре – 2-я и 4-я; первые были направлены на Французский фронт, вторые – на Салоникский в Македонии. Впоследствии бригады объединили в две особые пехотные дивизии. В боях русские солдаты и офицеры показали образцы мужества, отваги и самопожертвования, блестяще выполняли боевые задачи на самых ответственных и опасных участках, неся при этом большие потери⁷.

Известие о Февральской революции в России участники экспедиционного корпуса восприняли по-разному. Часть их отказалась воевать и требовала возвращения на Родину. Мятежных солдат отозвали с фронта и изолировали в лагере «Ля Куртин». После того как они отвергли ультимативные требования французского и русского командования во Франции, их лагерь был разгромлен силами однополчан, оставшихся верными присяге и подчинявшихся Временному правительству, но, прежде всего, частями французской армии, особенно артиллерии. На Балканах вышедшие из повиновения российские части также разоружили и отправили в тыл. Около 4,3 тыс. революционно настроенных солдат выслали на принудительные работы в Северную Африку, а их руководителей заключили во французские тюрьмы. В начале 1918 г. туда же были направлены русские воины из балканских бригад (около 5 тыс.)⁸. Небольшая часть добровольцев вступила в Русский легион, воевавший на стороне французской армии под российским знаменем до ноября 1918 г.

Первые группы бывших солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, находившихся в плену на территории Франции, Македонии и других государств, начали возвращаться на Родину в январе 1919 г. Судя по документам, вопросами оказания помощи бывшим российским, а также австро-германским военнопленным и беженцам, оказавшимся на территории советской России, занимались созданная в апреле 1918 г. Совнаркомом РСФСР Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), реорганизованная в феврале 1920 г. в Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак), а на местах – губернские и уездные коллегии о пленных и беженцах, преобразованные в губернские и уездные управления по эвакуации населения (губэвак и уездэвак)⁹. Регистрация прибывавших на Родину бывших российских военнопленных с начала 1919 г. была возложена на местные коллегии о пленных и беженцах (ранее она осуществлялась на обменных, пограничных и распределительных пунктах).

Наиболее важная роль отводилась уездным коллегиям. Здесь на каждого пленного составлялась регистрационная карточка в трех экземплярах: первый оставался в учетно-справочном столе уездной коллегии, второй передавался в губернскую коллегия, третий – в статистическо-справочный отдел Центропленбежа. Экземпляры карточек в центральную и губернские коллегии отсылались еженедельно. Каждому зарегистрированному лицу выдавался билет военнопленного. На основании присланных из уездных и волостных исполкомов сведений уездные коллегии составляли общий список прибывших в уезд за месяц военнопленных (он отсылался в статистическо-справочный отдел Центропленбежа, а копия – в губернскую коллегия)¹⁰.

Фонды уездных коллегий о пленных и беженцах ГАОО крайне скудны (в фонде Кромской уездной коллегии – четыре дела, Ливенской – семь, Малоархангельской – два, Мценской – три, Орловской – пять), гораздо объемнее фонд Орловского губернского управления по эвакуации населения – 229 дел. В этих фондах имеются списки, регистрационные карточки и билеты военнопленных, а также переписка по вопросам их размещения, снабжения и др. Сведения о солдатах и офицерах Русского экспедиционного корпуса, находившихся в плену в Германии, Австрии, Македонии, Франции, нашли отражение только в фонде Орловского губпленбежа, где сохранились списки военнопленных, один из которых представляет собой журнал. Отпечатанный типографским способом, он имеет следующие графы: фамилия, имя, отчество (вписаны в алфавитном порядке), какого полка, где был в плену, номер билета, когда вернулся, примечание.

Вместе с орловцами в распоряжение губернской и уездных коллегий о пленных и беженцах в 1919–1920 гг. поступили и уроженцы других губерний, воевавшие в составе 1-й и 2-й особых дивизий: Акмолинской, Воронежской, Костромской, Московской, Пермской, Псковской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Тульской областей. В журнале бывших военнопленных Орловского губпленбежа таковых значится около 30 человек¹¹.

Наиболее полные сведения о воевавших во Франции и на Балканах уроженцах Мценского уезда. Согласно данным Орловской губернской эвакуационной комиссии, в 1919–1920 гг. в уезд возвратились 18 солдат и офицеров. Рядовые М.М. Фамильский (уроженец д. Быкова Гора (Хомутова) Воинской волости), Я.М. Шапенков (д. Верхний Гаврилец Чахинской волости), И.В. Васильев (д. Гринево Ковергинской волости), старший унтер-офицер А.И. Коновалов (д. Дубовец Тельченской волости) – все в возрасте от 19 до 22 лет в январе 1916 г. были зачислены в 1-й особый полк, который формировался в Москве, состоял из бывших рабочих и зажиточных крестьян, проживавших в основном в центральных губерниях России¹².

Из тех же источников установлено, что в составе 2-го особого полка, сформированного в Самаре, воевали младший унтер-офицер А.К. Сухоруков (уроженец д. Семеново Михайловской волости Мценского уезда), рядовой пулеметной команды В.Богдашев (п. 2-й Шумовский Болховского уезда) и Н.Е. Полесский, крестьянин Трубчевского уезда¹³. Вместе с другими солдатами и офицерами 1-й особой бригады они добирались до Франции поездами через Сибирь и Маньчжурию, а затем морским путем через Тихий, Индийский океаны и Средиземное море. В апреле 1916 г. солдаты и офицеры бригады, прибыв в Марсель, были направлены на участок фронта в провинции Шампань. Наряду с остальными частями Русского экспедиционного корпуса они участвовали в кровопролитных баталиях, вошедших в историю как «Верденская мясорубка» (21 февраля – 18 декабря 1916 г., потери обеих сторон – около 1 млн человек) и Энское сражение, или Нивельское наступление. Бесстрашие и героизм воинов 1-го и 2-го особых полков, проявленные в сражении в апреле 1917 г. под командованием генерала Н.А. Лохвицкого, отмечены Военным крестом с пальмой на полковые знамена¹⁴. Потери русских

войск в апрельской операции, согласно французским источникам, составили 5183 убитых, раненых и пропавших без вести¹⁵. Основная часть 1-го и 2-го особых полков в сентябре 1917 г. оказалась в числе «куртинских мятежников».

Документальными свидетельствами того, как складывалась жизнь русских солдат после разгрома лагеря «Ля Куртин», мы не располагаем. Возможно, они остались воевать на контрактной основе в составе французских войск или предпочли пойти на работы в так называемые трудовые роты. Но точно известно, что некоторым уроженцам Мценского уезда удалось вернуться на Родину. Так, в фонде Орловской уездной рабоче-крестьянской милиции имеются сведения о том, что солдат 1-го особого полка М.М. Фамильский сразу после возвращения домой в марте 1920 г. поступил на службу в волостную милицию, где прослужил до 1925 г.¹⁶ В журнале бывших военнопленных напротив его имени записано: «1-й особый полк, Франция, Реймс – Верден, 21 апреля 1916 г., вернулся 10 марта 1920 г.»¹⁷.

В Македонии в составе 2-й и 4-й особых бригад, сведенных в июне 1917 г. во 2-ю особую дивизию, вместе с французами, англичанами, итальянцами и сербами воевали уроженцы Орловской губернии. За блестящее выполнение боевых задач 3-й особый полк 2-й особой бригады награжден Военным крестом с пальмой на знамя¹⁸.

В фонде Орловского губисполкома находится автобиография старшего милиционера д. Трубицыно Елецкого уезда Ф.Б. Фалина, из которой следует, что в 1914 г. в составе лейб-гвардии Измайловского полка он воевал с австрийцами, был ранен в ногу. После выздоровления получил назначение в 201-й запасной батальон. 25 августа 1916 г. произведен в чин фельдфебеля и вскоре отправлен добровольцем на Македонский фронт в составе 8-го особого полка. В перечне его многочисленных наград значатся Георгиевская медаль, французский Военный крест и сербская медаль¹⁹.

В целях поддержки воинов, возвратившихся из французских лагерей, в Москве в октябре 1924 г. было создано Общество бывших российских солдат во Франции и на Балканах, позднее реорганизованное в Общество бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах²⁰. Не имея в губерниях собственных представительств, оно действовало при помощи местных органов власти и других общественных организаций, например Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции. Так, в октябре 1924 г. последнее помогло собрать претензии от солдат, воевавших во Франции и на Балканах, а также от военнопленных, захваченных Французской оккупационной армией. При этом обязательно указывалось состояние здоровья воина в результате перенесенных лишений, данные о его хозяйстве и понесенных материальных потерях во время его отсутствия²¹. Сведения об этом есть в хранящемся в фонде Малоархангельского уездного исполкома протоколе первого заседания уездного комитета содействия жертвам интервенции от 10 декабря 1924 г.²²

В августе 1925 г. Общество бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий направило в губернские военные управления циркуляр с просьбой предоставить сведения обо всех солдатах и офицерах, воевавших в составе данных дивизий. Управление территориального округа 6-й Орловской стрелковой дивизии, выполнявшее с начала 1925 г. функции

упраздненного губернского военкомата, организовало эту работу на территории губернии. Сбором данных в уездах занимались сельсоветы и домоуправления при содействии органов местной милиции: первые направляли сведения в военные отделы волисполкомов, последние – в уездные военкоматы. Сведения оформлялись в списки по трем формам: о возвратившихся на Родину российских солдатах, офицерах и военных чиновниках 1-й и 2-й особых дивизий, воевавших во Франции и на Балканах; всех российских солдат, военнопленных, воевавших в Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, захваченных французами при оккупации территорий указанных государств и вернувшихся на Родину; семьях солдат, офицеров и военных чиновников 1-й и 2-й особых дивизий, воевавших во Франции и на Балканах, не возвратившихся на Родину. Все списки были направлены обществу по адресу г. Москва, Красная площадь, Верхние торговые ряды, 1-я линия, пом. 54²³.

Согласно журналу бывших военнопленных из фонда Орловского губпленбежа и «Сведениям на бывших российских солдат и офицеров 1-й и 2-й особых дивизий, отправленных во время империалистической войны во Францию и на Балканы» (по просьбе Общества бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий документ составлен Однолуцким волисполкомом и направлен в Болховский уездный военкомат в 1925 г.), в составе 3-го особого полка воевали уроженцы Мценского уезда М.И. Журавлев, Г.Д. Иноземцев, Г.И. Кузин, Е.П. Лалакин, А.В. Леонов, В.М. Лыженков, И.Е. Пахомов, а также болховчанин А.И. Хализев²⁴. Один из них, житель Стрелецкой слободы Г.Д. Иноземцев, разделил судьбу тысяч других русских воинов, сосланных на принудительные работы. Он был арестован в греческом городе Верия и направлен во французскую колонию Алжир (г. Сукарас), откуда после тяжелых испытаний возвратился домой в мае 1920 г.²⁵

Вернувшиеся на родину инвалидами ставились на учет созданными в 1921 г. комитетами взаимопомощи, которые действовали при сельсоветах и оказывали всяческую поддержку хозяйствам бывших воинов, принимали активное участие в организации инвалидов артелей. Так, в списке инвалидов империалистической и Гражданской войн Жилиевского комитета взаимопомощи Болховского уезда за 1926 г. значится житель д. Красная Горка И.Г. Федотов²⁶. На основании «Списка солдат, воевавших во Франции и на Балканах и вернувшихся на родину», составленного Паюсовским волисполкомом по запросу Общества бывших российских солдат во Франции и на Балканах в 1925 г., удалось установить, что И.Г. Федотов являлся рядовым Русского экспедиционного корпуса²⁷.

В фондах уездных и волостных исполкомов, уездных военкоматов имеются списки бывших воинов Русского экспедиционного корпуса с указанием их местожительства, иногда воинского звания и места прохождения службы по Болховскому, Мценскому, Орловскому и частично Кромскому уездам. В связи с тем, что списки составлены в 1925 г., после административно-территориальных изменений в составе губернии, сведения о проживавших в Кромском и Мценском уездах воинах отражены в документах Болховского и Орловского уездов.

Некоторые воины-орловцы Русского экспедиционного корпуса участвовали и в Великой Отечественной войне. Данную информацию содержат по-

хозяйственные книги, хранящиеся в фондах ряда сельских Советов. По ним установлено, что в 1944 г. из д. Яковлево Кромского района ушел на фронт пятидесятилетний Е.Н. Конев, во время Первой мировой воевавший на Балканах. Дома у него остались без матери трое детей от 9 до 14 лет, старший сын Николай в 1941 г. был призван в Красную армию. После окончания войны Ефим Николаевич вернулся домой, а его сын пропал без вести²⁸. Житель д. Моргаевка Урицкого района И.А. Шумаков, 1898 г. рождения, также воевавший в составе Русского экспедиционного корпуса, пропал без вести в мае 1944 г.²⁹ В д. Образцово Орловского района в настоящее время проживают потомки солдата Русского экспедиционного корпуса и участника Великой Отечественной войны А.С. Копченова, погибшего в Польше в 1944 г.³⁰ Им ничего не было известно о боевом пути их прадеда во время Первой мировой войны.

В ГАОО выявлены сведения о 97 воинах Русского экспедиционного корпуса, уроженцах Орловской губернии: 81 из них вернулся на Родину, 16 погибли или пропали без вести. Это в основном жители (в большинстве крестьяне) Болховского, Кромского, Мценского и Орловского уездов, городов Болхова и Мценска, а также три уроженца Ливенского уезда, один – Елецкого (ныне Липецкая область) и один – Трубчевского (ныне Брянская область).

К сожалению, многие документы о воевавших в 1916–1918 гг. во Франции и на Балканах орловцах утрачены, поэтому установить все имена не представляется возможным. Тем не менее собранные по крупицам сведения архивисты пополняют и используют в целях патриотического воспитания граждан.

В ноябре 2007 г. в рамках официального визита в Орловскую область делегации экономического района Шампань-Арденны (Франция) в областном драматическом театре им. И.С. Тургенева состоялась презентация французской выставки фотодокументов «Русский экспедиционный корпус во Франции», часть которой была подарена Орловскому военно-историческому музею. Тогда же в Орловском государственном университете и Орловском институте искусств и культуры прошел международный коллоквиум, посвященный истории Русского экспедиционного корпуса, с участием полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко, губернатора области Е.С. Строева, историков, сотрудников областных музеев и ГАОО. Последний организовал выставку документов о воинах-орловцах Русского экспедиционного корпуса, вызвавшую большой интерес французских гостей. Совместная работа по исследованию малоизученных страниц военной истории России и Франции будет продолжаться.

¹ Данилов Ю.Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933.

² Там же. С. 6.

³ Хазов А.А. Русский экспедиционный корпус во Франции (1916–1918) // Кадетская переключка. Париж, 1989. № 46; Васильев В. Русский легион чести // Там же.

⁴ См., напр.: Лисовенко Д.У. Их хотели лишить родины. М., 1960.

⁵ Летнев А.Б. Солдаты России в Алжире (1918–1920) // Вопросы истории. 1998. № 5.

⁶ Чиняков М.К. Русские войска в «бойне Нивеля». Апрель 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2006. № 4.

⁷ Хазов А.А. Указ. соч.

- 8 Летнев А.Б. Указ. соч. С. 129.
 9 ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 80. Л. 135–135 об.
 10 Там же. Д. 75. Л. 4–4 об.
 11 Там же. Д. 63. Л. 42, 57, 64.
 12 Там же. Д. 194. Л. 174, 180 об., 183 об.
 13 Там же. Л. 180; Д. 127. Л. 9; Ф. Р-1295. Оп. 1. Д. 353. Л. 363.
 14 Хазов А.А. Указ. соч.
 15 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 124.
 16 ГАОО. Ф. Р-468. Оп. 2. Д. 52. Л. 56; Д. 81. Л. 58 об.; Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 57. Л. 15 об.
 17 Там же. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 63. Л. 73.
 18 Хазов А.А. Указ. соч.
 19 ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 694. Л. 249–249 об.
 20 Там же. Д. 3223. Л. 206; Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 33. Л. 47–47 об., 160.
 21 Там же. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 33. Л. 47–47 об., 160.
 22 Там же. Л. 45–45 об.
 23 Там же. Ф. Р-1295. Оп. 1. Д. 353. Л. 338–338 об.
 24 Там же. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 63. Л. 28 об., 32, 39, 41 об., 42, 56; Ф. Р-1295. Оп. 1. Д. 353. Л. 342 об.
 25 Там же. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 194. Л. 180 об.
 26 Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 898. Л. 19.
 27 Там же. Л. 19; Ф. Р-1295. Оп. 1. Д. 353. Л. 379.
 28 Там же. Ф. Р-3179. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об. – 3.
 29 Книга Памяти. Орел, 1997. Т. 9. С. 496.
 30 Там же. Т. 7. С. 157; ГАОО. Ф. Р-3308. Оп. 1. Д. 106. Л. 13–13 об.

Н.С. Кирмель

Документы спецслужб белогвардейских правительств и армий 1918–1922 гг. в федеральных архивах

Во второй половине 1980-х гг. в ходе рассекречивания документов государственных архивов СССР, в том числе по истории Гражданской войны, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ), были сняты ограничения пользования материалами по Белому движению и белоэмиграции¹. Тогда же исследователи получили доступ и к документам антибольшевистских вооруженных сил, хранящимся в Российском государственном военном архиве (РГВА)². Открытие архивов, а также замалчивание в советский период многих аспектов истории Гражданской войны побудили ученых к исследованию Белого движения в целом и деятельности спецслужб (разведки и контрразведки) белогвардейских правительств и армий в частности. Хотя последняя советскими учеными специально не изучалась, тем не менее современным историкам не пришлось начинать с «чистого листа». Еще в 1930 г. в серии «Библиотечка воинствующего атеиста» вышла брошюра «Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на Юге в годы Гражданской войны»³, автор которой раскрыл структуру,

организацию, штатную численность, методы работы контрразведывательных структур, подчиненных штабу главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), показал различные формы участия духовенства в деятельности деникинских контрразведывательных органов.

В дальнейшем советские ученые обращались к истории разведки и контрразведки Белого движения лишь в контексте изучения боевых операций Гражданской войны⁴, а также действий органов ВЧК⁵ по ликвидации антисоветских подпольных организаций («Национальный центр», «Тактический центр», «Штаб Добровольческой армии Московского района» и др.), с которыми, по замыслу верховного руководителя Добровольческой армии генерала М.В. Алексева, должны были находиться на связи белогвардейские разведывательные органы. Некоторым из авторов удалось объективно отразить причины ликвидации большевистских подпольных организаций колчаковской контрразведкой, раскрыть методы работы последней, получив благодаря «хрущевской оттепели» доступ к документам спецслужб Белого движения в архивных фондах специального хранения⁶.

Самостоятельным объектом исследования белогвардейские спецслужбы стали в середине 1990-х гг. в работах В.Г. Бортневского, опиравшегося на документы ГАРФ, архива Гуверовского института войны, революции и мира, Бахметевского архива Колумбийского университета, архива Свято-Троицкого монастыря Русской православной церкви за рубежом, а также Н.В. Грекова, изучавшего основы строительства и функционирования разведки, контрразведки и органов государственной охраны Белого движения в Сибири⁷. А в начале XXI в. уже появились монографии⁸, кандидатская диссертация⁹, научные статьи¹⁰, касающиеся организации, подготовки кадров, основных направлений деятельности контрразведки.

Зарубежные исследователи обращались к деятельности белогвардейской контрразведки весьма редко¹¹. Правда, пробелы в историографии пытаются восполнить историки образовавшихся после распада СССР государств, занявшиеся изучением истоков национальных спецслужб¹².

подавляющее большинство названных исследований основано на документах федеральных государственных архивов – ГАРФ и РГВА¹³, и это не случайно. Именно в их фондах сосредоточены уникальные источники, образовавшиеся в процессе строительства и функционирования белогвардейских органов власти и вооруженных сил, включая спецслужбы. Разведывательные и контрразведывательные подразделения белых в числе фронтовых и тыловых военно-управленческих структур формировались, развивались и функционировали наряду с различными органами государственной власти.

Например, на Юге России сложилась децентрализованная система спецслужб, состоявшая из двух независимых друг от друга структур: армейской (штаб главнокомандующего) и правительственной (часть Генштаба военно-морского отдела, затем – отдел Генштаба военного управления Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР). Разведывательные органы штаба ВСЮР вели фронтовую разведку, а контрразведывательные – обеспечивали безопасность войск на театре военных действий. Спецслужбы отдела Генштаба добывали стратегическую военно-политическую и экономическую информацию, а также проводили контрразведывательные и жандармско-полицейские мероприятия в белогвардей-

ском тылу. Аналогичной являлась организация и в Сибири, где разведывательные и контрразведывательные подразделения имели штаб верховного главнокомандующего (ВГК) и нижестоящие армейские штабы; параллельно им действовали квартирмейстерский и осведомительный отделы главного штаба Военного министерства, а также разведывательные и контрразведывательные службы штабов военных округов. После объединения в июне 1919 г. органов военного управления тыловые и фронтовые спецслужбы были подчинены 2-му генерал-квартирмейстеру штаба ВГК. На Севере и Северо-Западе спецслужбы находились лишь в составе армейских штабов.

До недавнего времени считалось, что разведывательное отделение штаба Добровольческой армии было учреждено в апреле 1918 г.¹⁴ Однако начальник разведывательного отделения штаба Добровольческой армии полковник С.Н. Ряснянский в очерке «Первые – начавшие (об организации и действиях белогвардейской Добровольческой армии)», рукопись которого хранится в «Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов. 1859–1944», точно указывает, что разведывательное и контрразведывательное отделения были учреждены в составе строевого отдела штаба¹⁵. Общеизвестно, что 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) «алексеевская организация» стала именоваться Добровольческой армией. Лишь в ноябре 1918 г., как свидетельствует утвержденный генералом А.И. Деникиным временный штат, разведка и контрразведка были введены в состав управления генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии¹⁶.

Принимая во внимание естественную распыленность документов по множеству архивных фондов, попытаемся дать целостную характеристику их состава и содержания как потенциальных объектов исследования.

Прежде всего отметим, что ГАРФ хранит фонды учреждений (в том числе и военных) белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в годы Гражданской войны, а также архивные коллекции и личные фонды. Их документы раскрывают структуру, организацию, штатно-численный состав и различные направления деятельности разведки и контрразведки отдела Генштаба военного управления Особого совещания. Так, в фонде Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Таганрог. 1918–1919) хранится схема организации военно-морского отдела, утвержденная 11 октября 1918 г., по которой можно судить, что особое отделение (разведка и контрразведка) находилось в подчинении части Генштаба¹⁷. (Органы военного управления на Юге России формировались по образцу и подобию царской армии периода Первой мировой войны. В данном случае часть Генерального штаба являлось преемницей Главного управления Генерального штаба – центрального органа Генштаба, ведавшего стратегическим управлением вооруженных сил. После преобразования военного отдела в Военное управление часть Генерального штаба была переименована в отдел Генерального штаба Военного управления.)

Значительно богаче документами по теме фонд контрразведывательной части (КРЧ) особого отделения отдела Генерального штаба военного управления при главнокомандующем ВСЮР (Екатеринодар. 1917–1920), в котором, например, находятся доклады начальника особого отделения

полковника В.В. Крейтера начальнику части Генштаба военно-морского отдела генерал-лейтенанту В.Е. Вязьмитинову по реорганизации контрразведки применительно к условиям Гражданской войны. Они свидетельствуют о том, что 28 февраля 1919 г. полковник В.В. Крейтер, признавая необходимость разграничения сфер деятельности между правительственными и армейскими контрразведывательными органами, предложил подчинить части Генштаба контрразведывательные органы штабов войск областей и краев¹⁸. Но это предложение, по-видимому, так и осталось нереализованным.

В агентурных записках, рапортах, докладах, сводках сведений, телеграммах отражены такие направления деятельности контрразведки, как борьба со шпионажем и жандармско-полицейские функции. Судя по документам, контрразведывательная часть особого отделения и подчиненные ей паспортные пропускные пункты вели активную борьбу с германской разведкой. Во всяком случае, в докладе начальника КРЧ от 12 декабря 1919 г. говорится, что ей удалось «напасть на некоторых лиц, являющихся либо агентами германской разведки, либо их посредниками»¹⁹. Судя по всему, деникинская контрразведка была хорошо осведомлена о разведывательно-подрывной деятельности советских спецслужб на Северном Кавказе. Вместе с тем документы позволяют предположить, что белогвардейские спецслужбы не достигли заметных успехов в борьбе с разведкой противника. «Наблюдая в течение полугода за контрразведкой Добровольческой армии, – писал неизвестный автор, – не слышал ни об одной шпионской ликвидации, ни об одном законченном процессе (кроме самосудов)»²⁰.

Архивные документы подтверждают ведение жесткой борьбы контрразведки Юга России с большевистским подпольем. В сводках руководители спецслужб не только констатировали факты разоблачений и ликвидаций нелегальных организаций, но иногда пытались анализировать причины, благоприятствовавшие успехам большевистской пропаганды. В частности, начальник КРЧ капитан А.С. Дмитриев в сводке от 2 марта 1919 г. к таковым относил усталость населения от войны, дороговизну жизни, успехи красных частей на фронте, разочарованность в помощи союзников²¹.

В том же архивном фонде сохранились документы контрразведывательных органов управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР и материалы особого отделения отдела Генштаба. Высокой степенью информативности выделяется «Конспект наиболее существенных вопросов политической, экономической, финансовой и социальной разведки за границей», дающий полное представление о сфере интересов стратегической разведки. Согласно этому документу, военные агенты в Германии должны были изучать правительственные органы, вооруженные силы, внешнюю политику, общественные организации, народные массы, экономику, науку и т.д. Однако усилия белогвардейской стратегической разведки предполагалось направить не только против основных противников – советской России и Германии, но и других стран. Высшее военно-политическое руководство крайне интересовало отношение правящих кругов за границей, в особенности союзников, к Белому движению и, разумеется, к режиму большевиков²².

Архивные коллекции ГАРФ представляют самостоятельный интерес для исследования, их документы раскрывают структуру, организацию и дея-

тельность белогвардейской стратегической разведки (телеграммы, инструкции военным представителям и военным агентам и т.д.). Например, в «Коллекции материалов правительства Врангеля во время его пребывания в Крыму» (1920 г.) имеются отчеты, сводки особого отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Русской армией от 1 ноября 1920 г. о системе власти в советской России, где, в частности, дана яркая характеристика главе советского правительства: «Ленин является, безусловно, исключительно крупной личностью. Основное его свойство... – огромная воля, соединенная с фанатической верой в свои дела. По натуре это властолюбивый деспот, не признающий чужого мнения»²³.

«Коллекция документов Российского правительства. 1918–1920» содержит постановление Совета министров о правах и обязанностях чинов военной контрразведки по производству расследований, краткую записку об организации германской разведывательной и агитационной службы в Сибири в 1918 г. и др.²⁴

В «Коллекции документов штаба Колчака» за 1918–1920 гг. имеются разведывательные сводки штаба ВГК, а также доклад начальника отдела контрразведывательной и военно-контрольной службы управления 2-го генерал-квартирмейстера при ВГК полковника Н.П. Злобина, в котором он подвергает критике существовавшую систему контрразведки и предлагает упразднить органы военного контроля²⁵. Обращают на себя внимание рапорты тайного агента разведки чехословацкого корпуса Джона майору Марино. Стенографические записи разговоров между адмиралом А.В. Колчаком и генералом М.К. Дитерихсом, генералом Б.П. Богословским и полковником Тюненговым красноречиво свидетельствуют о том, что спецслужбы союзников смогли внедрить свою агентуру в высшие органы власти белой Сибири, которая так и осталась не разоблаченной колчаковской контрразведкой²⁶.

Информацию о деятельности спецслужб содержат и личные фонды, в частности военного представителя Колчака при союзном командовании генерала Д.Г. Щербачева. Возглавляемое им военное представительство, созданное в Париже в январе 1919 г., сначала подчинялось А.В. Колчаку, затем отделу Генштаба военного управления Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, поскольку из Сибири руководить представительством и военными агентствами было трудно, а после разгрома сибирских армий – штабу Русской армии²⁷.

Личный фонд профессора Академии Генерального штаба генерала П.Ф. Рябикова помимо его воспоминаний о реорганизации спецслужб в июне 1919 г., структуре разведывательных и контрразведывательных органов штаба ВГК, содержит и некоторые нормативно-правовые документы: «Указания по разведывательной службе в штабах и частях войск», «Наставление агенту наружного наблюдения», приказ о формировании управления 2-го генерал-квартирмейстера при ВГК от 9 июля 1919 г.²⁸ В многочисленных разведывательных и военно-политических сводках отражены все перипетии международной политики периода Гражданской войны, проанализировано отношение ведущих стран Европы к России – белой и красной²⁹.

В РГВА представляет интерес документация центральных и окружных органов управления, учреждений, соединений и частей белых армий.

Приказы генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля из фонда штаба главнокомандующего Русской армией (бывший штаб главнокомандующего Добровольческой армией, штаб главнокомандующего ВСЮР) за 1917–1920 гг. дают представление о процессе развития разведывательных и контрразведывательных органов этих воинских формирований³⁰. По мере расширения подконтрольных территорий А.И. Деникин своим приказом от 22 июня 1919 г. объявил временный штат армейских контрразведывательных пунктов (КРП), а 30 августа 1919 г. утвердил временные штаты контрразведки ВСЮР, в состав которой вошли следующие органы: КРЧ управления генерал-квартирмейстера штаба главнокома; контрразведывательное отделение (КРО) отдела генерал-квартирмейстера неотдельной армии, штабов областей и военных губернаторов; КРП 1, 2 и 3-го разрядов; контрразведывательные посты³¹.

П.Н. Врангель провел реорганизацию военного управленческого аппарата, а также объединил органы военной контрразведки и политического розыска УВД в особый отдел во главе с бывшим директором Департамента полиции МВД Российской империи генерал-майором Е.К. Климовичем³².

Инструкция для ведения агентурного делопроизводства контрразведывательными органами устанавливала обязательный для всех КРО порядок его организации, направленный на обеспечение секретности, систематизацию, регулирование, учет розыскной работы³³.

В фонде имеются разведывательные сводки штаба главнокомандующего ВСЮР, свидетельствующие о том, что белогвардейская разведка постоянно следила за численностью и вооружением войск РККА на Южном фронте, перемещениями частей, знала месторасположение штабов, командный состав фронта и армий, а также располагала отдельными данными стратегического характера – об организации управления Красной армией, общей численности ее войск, экономическом положении советской России и т.д.³⁴

Документы о политических центрах Добровольческой армии отложились в фонде особого отделения отдела Генерального штаба военного управления при главнокомандующем ВСЮР³⁵. В докладах начальников центров изложены задачи стратегической и прифронтовой разведки, при их формировании представлены временные штаты, списки чинов особого отделения и КРЧ, а также другие документы, отражающие различные направления деятельности правительственной разведки (сводки сведений, агентурные записки, телеграммы). Весьма любопытная характеристика дана в сводке сведений из Москвы члену Реввоенсовета И.В. Сталину: «...старый партийный работник, образован, фанатик, необычно энергичен, крайне опасный человек»³⁶.

Незначительная часть материалов по разведке и контрразведке имеется в фондах штабов некоторых белогвардейских вооруженных формирований: Всевеликого войска Донского, Астраханского казачьего войска, Добровольческой и Донской армий, Добровольческой армии Одесского района, войск Новороссийской и Киевской областей, отдельных контрразведывательных пунктов.

Документы РГВА раскрывают процесс создания и развития разведывательных и контрразведывательных органов на территории «белой» Сибири. Поскольку до реорганизации органов управления в июне 1919 г. спецслужбы входили в состав Ставки ВГК, штабов армии, а также главного штаба Военного министерства, то процесс их создания, развития и функциониро-

вания отражен в приказах, временных штатах, положениях, разведывательных сводках, докладах, военно-политических обзорах, отчетах, хранящихся в фондах штаба верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (1918–1919 гг.) и главного штаба Военного министерства (1918–1919 гг.).

Нельзя обойти стороной крупнейшее собрание документов по вопросам строительства и функционирования контрразведывательных органов из фонда отдела контрразведки штаба верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, которое можно условно разделить на две части. К первой относятся административно-строевые приказы по отделу контрразведки; временное положение о военной контрразведке во внутренних округах; списки личного состава контрразведывательных подразделений; политические и агентурные сводки отдела контрразведки и военного контроля; доклады руководителей о деятельности органов контрразведки, настроении в войсках и среди населения, восстаниях против власти А.В. Колчака, подпольных организациях, неблагонадежности отдельных лиц; отчеты о деятельности военного контроля армий на Дальнем Востоке. Вторую часть составляют судебно-следственные документы: протоколы допросов и переписка о производстве дознаний и арестах военнопленных, обвиняемых в принадлежности к партиям большевиков, эсеров; материалы по обвинению военнослужащих соединений и частей, подозреваемых в антиправительственной агитации, шпионаже, распространении слухов; рапорты начальников контрольных пунктов об арестах и заключении лиц, подозреваемых в антиправительственной агитации, протоколы их допросов, розыскные листы.

Из документов следует, что задача белогвардейской контрразведывательной службы состояла «исключительно в обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебной деятельности против России и союзных с ней государств»³⁷. По сути контрразведка вела борьбу со шпионажем (советским, американским и японским), но главным образом – с большевистскими подпольными организациями, большинство которых ей удалось выявить и разгромить благодаря использованию агентуры.

Немало документов о деятельности колчаковских спецслужб рассредоточено по фондам штабов армий. Они значительно дополняют вышеназванные документные комплексы.

Тыловые военные округа представлены самостоятельными фондами, в которых также имеются документы по организации колчаковской агентурной разведки в сопредельных странах³⁸. В фондах управления Иркутского военного округа (1917–1920 гг.), штабов Омского (1918–1919 гг.) и Приамурского (1917–1920 гг.) военных округов сконцентрированы донесения и сводки о военно-политическом положении в Китае, Корее, Монголии и Японии, дислокации китайских и японских воинских частей на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. В процессе переписки в штабах военных округов откладывались разведывательные сводки штабов верховного главнокомандующего, Восточного фронта, Сибирской армии, некоторых корпусов, а также разведывательные сведения о боевом составе Красной армии, схемах расположения ее частей и т.д.

В фондах РГВА документы спецслужб белых армий по отдельным регионам представлены не одинаково: большая их часть относится к Востоку России, к военной администрации адмирала Колчака, меньшая – к Югу России, а источников по Северу, Северо-Западу совсем немного. Тем не менее приказы, временные штаты, положения из фондов штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте (1917–1920 гг.), штаба Северо-Западной армии (бывший штаб Отдельного корпуса Северной армии, штаб Северной армии, 1918–1920 гг.) раскрывают структуру спецслужб в этих регионах.

К большому сожалению, дела разведывательного и контрразведывательного отделений Северо-Западной армии по приказу Н.Н. Юденича в январе 1920 г. были уничтожены. Пока их не удалось обнаружить ни в Бахметевском, ни в Гуверовском архивах. Не упоминаются эти документы и «в описи дел Северо-Западной армии, отправленных в Америку»³⁹.

Завершая характеристику фондов ГАРФ и РГВА, необходимо отметить, что в этих архивах хранится значительный массив документов, позволяющий исследовать процесс формирования и развития разведки и контрразведки белогвардейских правительств и их армий на протяжении Гражданской войны. Приказы лидеров Белого движения и военачальников рангом ниже отражают все структурные и организационные изменения. Однако есть и существенные пробелы. Так, здесь отсутствуют источники, свидетельствующие о прекращении функционирования органов военного управления и, соответственно, подразделений разведки и контрразведки.

Документы контрразведывательных структур правительств и армий Юга России и Сибири представлены наиболее полно, что позволяет раскрыть все аспекты деятельности их органов безопасности.

В составе архивных коллекций крайне редки отчеты с анализом различных направлений деятельности разведывательных и контрразведывательных органов, составленные непосредственными или вышестоящими руководителями. Отсутствуют источники и по работе с агентурой. Вероятно, они либо уничтожены, либо вывезены за границу после разгрома белых армий. На наш взгляд, по той же причине незначителен по объему массив документов, отражающих деятельность разведки, особенно в советской России. Имеющиеся источники не позволяют однозначно говорить об устойчивой связи между разведывательными органами формирований А.И. Деникина, А.В. Колчака, Н.Н. Юденича и антисоветским подпольем в Москве, Петрограде, других городах.

Работа белогвардейских фронтовых разведывательных органов отразилась в инструкциях, разведывательных сводках, телеграммах, боевых расписаниях частей Красной армии. Однако по этим сведениям трудно судить, как повлияла добытая белогвардейской разведкой информация на результаты боевых действий.

В целом документы по истории спецслужб Белого движения имеют непреходящую научную ценность и являются важной составляющей Архивного фонда Российской Федерации, поскольку раскрывают события трагического этапа в истории России и значительно обогащают наши знания о Гражданской войне.

¹ http://www.garf.ru/fonds_3.htm

² Путеводитель по фондам белой ар-

мии / Российский государственный военный архив. М., 1998. С. 3.

³ *Кандидов Б.* Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на Юге в годы Гражданской войны. М., 1930.

⁴ *Какурин Н.* Как сражалась революция: В 2 т. М., 1925–1926; *Потрясов И.П.* Советская разведка в годы Гражданской войны и интервенции // Труды Военно-политической академии им. В.И. Ленина. М., 1939; *Рыбаков М.В.* Из истории Гражданской войны на Северо-Западе в 1919 г. М., 1958; Гражданская война в СССР. М., 1986. *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград. М., 2004.

⁵ *Софинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). М., 1960; Военные контрразведчики: Особым отделам ВЧК–КГБ 60 лет. М., 1978; *Клименко В.А.* Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920. М., 1978; *Остряков С.* Военные чекисты. М., 1979; *Голинов Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 4-е изд. М., 1986; *Смирнов М.А.* Ликвидация заговора в тылу фронта // О Михаиле Кедрове: Воспоминания, очерки, статьи. М., 1988; и др.

⁶ См., напр.: *Стишов М.И.* Большевицское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962.

⁷ *Бортневский В.Г.* Разведка и контрразведка Белого Юга (1917–1920 г.) // Новый часовой. 1995. № 3; *Он же.* Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5; *Греков Н.В.* Разведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского краеведческого музея. 1997. № 5; *Он же.* Формирование контрразведывательной службы адмирала Колчака // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1997; *Он же.* Разведывательная служба армии Колчака // Там же. 1999.

⁸ *Зданович А.А.* Свои и чужие – интриги разведки. М., 2002; *Кручинин А.С.* Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004.

Т. 1; *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007.

⁹ *Рец А.А.* Формирование и функционирование органов контрразведки, военного контроля, МВД антибольшевистских правительств Сибири (1918–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

¹⁰ *Корнева Е.А.* Контрразведка А.В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск. http://www.nivestnik.ru/2000_1/4.shtml; *Цветков В.Ж.* Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10; *Ильин В.Н.* Специальные службы в Гражданской войне на Севере России. 1918–1920 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год: Отечественные спецслужбы в послевоенные годы. 1945–1953 гг. М., 2002; *Тучков Д.И.* Контрразведывательные службы Мурманского края в годы Гражданской войны и интервенции 1918–1920 гг. // Наука и образование. 2005 (6–14 апреля 2005 г.): Материалы междунар. науч.-техн. конф.: В 7 ч. Мурманск, 2005. Ч. 1; *Цветков В.Ж.* С.Н. Ряснянский – основоположник спецслужб Белого движения на Юге России // Исторические чтения на Лубянке. 2004 год: Руководители и сотрудники спецслужб России. М., 2005; *Кирмель Н.С.* Разведывательные и контрразведывательные органы Белой армии. 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 1: Интернет-приложение. <http://www.mil.ru/info/1068/11278/11845/25231/15824/11842/index.shtml>; *Он же.* Борьба органов колчаковской контрразведки с военным и политическим шпионажем (1918–1919 гг.) // Вестник Военного университета. 2007. № 1; *Иванов А.А.* Военная контрразведка Белого Севера в 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11; и др.

¹¹ *Росс Н.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.

¹² *Сідак В.* Національні спецслужби в період української революції 1917–

1921 pp. (невідомі сторінки історії). <http://exlibris.org.ua/sidak>; Андриенко И. Секретные службы махновской армии // В мире спецслужб. 2004. № 1; Веденеев Д. Разведка его ясновельможности. Малоизвестное о спецслужбах гетмана Павла Скоропадского // Там же. № 4; Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1.

¹³ Исключение составляют первый том серии сборников документов «Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века», подготовленный специалистами Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки России (Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Так началось изгнание. 1920–1922. Кн. 1. Исход. М., 1998), а также мемуары белогвардейских лидеров и других участников Гражданской войны: Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж; Берлин, 1921–1926; Он же. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953; Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920) // Белое дело. Берлин, 1928–1929. Т. V–VI; Лукомский А.С. Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1922; Устинов С.М. Записки начальника контрразведки (1915–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 1990; Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М., 1998; Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 10; и др.

¹⁴ Цветков В.Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 годах. С. 129.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 14; Д. 606. Л. 42.

¹⁶ Там же. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 421. Л. 35–35 об.

¹⁷ Там же. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–18 об., 20 об.

¹⁹ Там же. Д. 50. Л. 42.

²⁰ Там же. Д. 1. Л. 56.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 24.

²² Там же. Д. 20. Л. 1–3 об.; Д. 51. Л. 5–7 об.

²³ Там же. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. Р-7490. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8, 30–33.

²⁵ Там же. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–16 об.

²⁶ Там же. Д. 26. Л. 1–2, 4, 9, 19.

²⁷ Там же. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 32. Л. 9; Д. 127. Л. 22–23, 89.

²⁸ Там же. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 11–15, 137–144, 153–155 об., 207–207 об., 232–247.

²⁹ Там же. Д. 313. Л. 186; Д. 316. Л. 98.

³⁰ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 136. Л. 60 а – 61, 84 об.; Д. 178. Л. 112; Д. 179. Л. 16.

³¹ Там же. Д. 136. Л. 60 в – 61, 84 об.; Д. 178. Л. 112.

³² Там же. Д. 179. Л. 16.

³³ Там же. Д. 115. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 51. Л. 143, 165, 167, 184, 185, 190, 191.

³⁵ Там же. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–10 об., 12, 51–55; Д. 20. Л. 1–2; Д. 23. Л. 38–38 об.

³⁶ Там же. Д. 51. Л. 17.

³⁷ Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 84.

³⁸ Там же. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 31. Л. 95–96; Д. 46. Л. 3, 10–10 об.

³⁹ Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 78–79, 383.

В.С. Христофоров

Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг.

Осенью 2003 г. в финских средствах массовой информации¹ началось открытое и заинтересованное обсуждение некоторых малоизвестных событий истории Финляндии периода Второй мировой войны. Речь шла о судьбах военнопленных и перемещенных лиц, которые по тем или иным причинам были переданы финнами в другие страны, в первую очередь в Германию.

В результате развернувшихся дискуссий канцелярия Совета министров Финляндии летом 2004 г. поручила Национальному архиву провести работы по исследовательскому проекту «Финляндия, судьбы военнопленных и интернированных в 1939–1955 гг.», основной целью которого стало расследование фактов «выдачи» военнопленных в Германию и Советский Союз², а также случаев их гибели. Сроки его реализации были определены с ноября 2004 г. по август 2008 г.

При этом у исследователей из Национального архива Финляндии большой интерес вызвали документы архивов органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации³, в которых заключена информация о бывших советских военнопленных, условиях и режиме их содержания, местах дислокации лагерей на территории Финляндии и Норвегии. По мнению Л.Вестерлунда и Ю.Линдстедта, сведения о некоторых бывших советских военнопленных, например о бойцах 3-го, а также 6-го отдельного батальонов⁴, возвращенных в Советский Союз, могут храниться только в Центральном архиве (ЦА) ФСБ России.

В действительности многие обстоятельства пребывания в лагерях на территории Финляндии и Норвегии советских военнопленных и их дальнейшую судьбу позволяют уточнить документы не только ЦА ФСБ России, но и архивов управлений ФСБ России по Республике Карелия, Белгородской, Курской, Ленинградской, Мурманской, Нижегородской и другим областям (далее – архивы территориальных органов безопасности), а также Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В ГАРФ находятся документы административного отдела Союзного контрольного комитета в Финляндии, раскрывающие деятельность по выполнению соглашения о перемии: докладные записки И.В. Сталину и В.М. Молотову, служебная переписка по вопросам репатриации советских военнопленных и насильно вывезенного из СССР населения, освобождения из тюрем политических заключенных, задержания военных преступников, приема советских военнопленных и гражданских лиц из Финляндии и интернированных из Швеции и др.⁵

В ЦА ФСБ России хранятся нормативно-распорядительные документы, регламентировавшие основные направления оперативно-следственной работы по госпроверке (филтрации) военнопленных: инструкции и приказы Главного управления контрразведки «Смерш» НКВД и отдела НКВД, а так-

же НКГБ СССР. Кроме того, в так называемых «особых папках» секретариатов этих ведомств находятся документы с обобщенной информацией, которая направлялась в высшие инстанции (Государственный комитет обороны, СНК СССР, Генеральный штаб, Главное политическое управление Красной армии и НКВД СССР) по вопросам обеспечения безопасности страны, в том числе и о фильтрации советских военнопленных.

Самостоятельную группу документов представляют тематические номенклатурные дела структурных подразделений контрразведывательных органов, которые содержат внутриведомственную переписку, в основном по розыску военнопленных, попавших в плен или перешедших на сторону противника. Кроме переписки по общим вопросам розыска к таким делам, как правило, приобщались копии протоколов допросов лиц, задержанных и арестованных по обвинениям в совершении государственных преступлений, показания свидетелей и трофейные документы.

В ЦА ФСБ России и архивах территориальных органов безопасности хранятся архивно-следственные дела на советских граждан, осужденных за преступления, совершенные ими в плену, а также проверочно-фильтрационные (учетные) дела на бывших военнопленных, заведенные во время прохождения ими госпроверки⁶.

Проверочно-фильтрационные дела, как правило, содержат анкеты и опросные листы, заполнявшиеся на проверочно-фильтрационных пунктах после репатриации бывших военнопленных; протоколы их допросов, составленные в отделах контрразведки «Смерш»; автобиографии и объяснительные записки об обстоятельствах пленения и пребывания в плену; постановления (заключения) проверочно-фильтрационных комиссий об освобождении из лагеря, демобилизации, о переводе на режим спецпоселения, направлении на работу с закреплением к определенным предприятиям, в Действующую армию, к месту жительства, о передаче командованию воинской части «для использования по нарядам» и т.п. По окончании фильтрации специальная комиссия выносила соответствующее заключение. Бывший военнопленный, в отношении которого не было получено данных о его преступной деятельности, направлялся в Действующую армию или по месту жительства. Если же выявлялись данные, содержащие признаки измены Родине, шпионажа, дезертирства, то подозреваемых арестовывали. На них заводили уголовные дела, которые представляли на рассмотрение Особого совещания при наркомате внутренних дел СССР, а после войны – при министерстве госбезопасности СССР (министерство ликвидировано в 1953 г.).

Документы архивно-следственных и проверочно-фильтрационных дел дают представление о процессе репатриации советских граждан: путях их возвращения на Родину, сроках и местах прохождения фильтрации, степени объективности органов внутренних дел и госбезопасности при вынесении заключения о наличии или отсутствии компрометирующих материалов, об отношении государства к гражданам, пережившим нацистский плен⁷. Анализ этих документов свидетельствует, что в процессе фильтрации порой давалась необъективная оценка полученной информации, происходила необоснованная передача материалов в суды, принимались несправедливые судебные решения. Многих бывших военнопленных незаконно осудили как изменников Родины только за то, что в плену они исполняли обязанности врачей, санитаров, старших барачников, переводчиков, поваров, кладовщиков.

Как известно, в 1941–1944 гг. в финском плену оказалось более 64 тыс. советских военнослужащих. Только на линии фронта в Петсамо (Печенега), Салла и Кестеньга немецкие подразделения взяли в плен примерно 9 тыс. советских военнослужащих. Погибло же около 19 тыс. (почти 30 %) советских военнопленных. Это очень высокий показатель смертности среди военнопленных, сопоставимый только с уровнем смертности в лагерях для военнопленных в Германии и Японии⁸.

Освобождение лагерей военнопленных в Северной Норвегии и Северной Финляндии началось в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции с 7 по 29 октября 1944 г., когда войска 14-й армии, 7-й воздушной армии и Северного флота СССР окружили и уничтожили группировку противника и освободили г. Петсамо. Войска вышли к государственной границе с Норвегией и завершили освобождение Заполярья⁹.

Проверкой освобожденных из лагерей занимались сотрудники отдела контрразведки «Смерш» 14-й армии и подчиненных ему подразделений в дивизиях и бригадах, а также оперативная группа отдела контрразведки «Смерш» Северного флота. Последняя должна была, захватив учреждения немецкой разведки, выявить официальных сотрудников немецких разведывательных и контрразведывательных органов и провести фильтрацию советских военнопленных, содержащихся в Петсамском и Паркинском лагерях, поскольку имелись сведения о наличии среди них немецкой и финской агентуры. Там, однако, обнаружили только 714 раненых и больных пленных, поскольку всех здоровых немцы отправили на север Норвегии¹⁰.

В составленных сотрудниками органов контрразведки в ходе допросов бывших советских военнопленных протоколах имеются сведения о том, как военнослужащие попадали в плен, относились к действиям командиров в момент окружения или пленения, работали в плену, получали продовольствие и медицинское обслуживание, пытались освободиться из плена и оказать посильное сопротивление врагу, а также об оперативной работе, проводимой с военнопленными иностранными спецслужбами. В проверочно-фильтрационных делах присутствуют схемы лагерей и сведения о системе их охраны, данные об администрации и сотрудничавших с ней военнопленных, о лицах, выступавших по радио с обращениями к бойцам Красной армии и подписавших различного рода воззвания, перебежчиках, военнопленных, вступивших в Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова и национальные воинские формирования финской армии. Этот документальный комплекс позволяет подробно представить структуру финских и немецких лагерей, назвать места их дислокации, численность находившихся там военнопленных, условия их содержания, использование, систему охраны лагерей и др. Однако именно эти архивные материалы до настоящего времени наименее изучены и не введены в научный оборот. В первую очередь имеются в виду документы отделов контрразведки «Смерш» 14-й армии и Северного флота, копии ведомственных нормативно-правовых актов, служебная переписка, протоколы допросов бывших советских военнопленных, различные трофейные документы¹¹.

Анализ документов Архива УФСБ по Мурманской области, архивов других территориальных органов безопасности, а также ГАРФ и ЦА ФСБ России свидетельствует, что на территории Финляндии, Норвегии и в ок-

купированных противником районах Карело-Финской ССР и Ленинградской области в период с июля 1941 г. по октябрь 1944 г. существовало более 400 лагерей для содержания военнопленных. Они контролировались как финским, так и немецким военным командованием.

На территории Норвегии самыми крупными были четыре лагеря: № 303 в Лиллехаммере, № 280 в Древя и Опдале, № 330 в Альта и Белифорде, № 322 в Эльвенесе. Осенью 1944 г. перед отступлением немецких войск в лагере № 322 были собраны все инвалиды и больные из других лагерей, а здоровых военнопленных немцы увели с собой.

В Финляндии и прилегающих районах оккупированной советской территории действовали два сортировочных лагеря: № 1 (для офицеров Красной армии) в местечке Каккури, № 2 в Наро-Ярви, а также 29 крупных лагерей (среди них № 6 в Выборге, № 7 на полуострове Ханко, а также в городах Медвежьегорске, Петрозаводске, Сортавала, Суомуссалми, Пьетарсаари и др.)¹². В лагере военнопленных в г. Лахти содержалось до 8 тыс. человек. Впоследствии их перебросили на строительство шоссейных дорог вблизи границы Норвегии и Швеции. Лагерь военнопленных (150–180 человек), образованный в конце лета 1941 г. на восточной окраине г. Рованиemi, представлял собой своеобразный полигон финских спецслужб. В городе дислоцировалась рота из разведывательно-диверсионного отряда «Отдельного партизанского батальона», занимавшаяся разведывательно-диверсионной работой в тылу Красной армии. Там же находилась рота, приданная Рованиемскому отделению разведки, формировавшая разведывательно-диверсионные группы численностью от 5 до 30 человек. В лагере военнопленных в Алакуртти (в настоящее время территория Российской Федерации) содержалось до 800 человек. Их использовали на восстановлении железных дорог, разминировании полей, разборе проволочных заграждений, захоронении убитых финских и немецких солдат, сборе трофеев.

Финская и немецкая администрации создали в лагерях военнопленных суровый режим содержания, особенно характерный для 1941–1942 гг. Международные нормы о положении военнопленных во всех лагерях на территории Финляндии и Норвегии нарушались грубейшим образом. До конца 1943 г. не были определены нормы питания военнопленных. Физически здоровых пленных использовали на работах в морских портах, на заготовке пиломатериалов и дров, торфоразработках, строительстве шоссейных дорог, их расчистке от снега, на сельскохозяйственных работах у крестьян и т.п. Военнопленные с ослабленным здоровьем трудились в швейных, сапожных и других мастерских на территории лагерей. Все, вне зависимости от воинского звания, пола и возраста, были обязаны выполнять физические работы. При этом техника безопасности не соблюдалась: за 1943–1944 гг. зарегистрировано 5572 несчастных случая, что составило 13 % от общего числа военнопленных. Формально с октября 1943 г. суточный пищевой рацион был определен в 2389 калорий, однако военнопленные такового не получали. Документы ГАРФ свидетельствуют о гибели в плену примерно 28 % советских военнопленных, что соответствует данным новейшей финляндской историографии¹³.

Сопоставляя различные источники из ЦА ФСБ России и архивов территориальных органов безопасности, можно убедиться, что советские воен-

нопленные с первых дней находились в поле зрения иностранных разведок. Тех, кто представлял интерес для военной разведки, направляли в центральный орган по допросу военнопленных. По инициативе отдела надзора финского Генштаба, ведавшего вопросами контрразведывательной службы, в системе лагерей были организованы штрафной лагерь № 24 и специальный лагерь № 3 с тюремным режимом. Контингент последнего лагеря, который состоял из политработников Красной армии и лиц, подозреваемых в партизанской или разведывательной деятельности, определял отдел надзора. Активность отдела подтверждают следующие цифры: за время войны из лагерей было отобрано 1410 человек; кроме того, 2136 человек, представлявших интерес для гестапо и разведки немецкой армии, передали немцам. Из 207 политработников, попавших в финский плен, к моменту перемирия осталось только восемь¹⁴.

Сотрудники военной разведки Финляндии выявляли среди военнопленных коммунистов, политработников, лиц, готовившихся к побегу из лагерей, недовольных режимом содержания или обиженных советской властью. Для этого подбирали и вербовали агентов из числа лиц финской и карельской национальностей, хорошо знавших районы Карело-Финской ССР; репрессированных органами НКВД или имеющих репрессированных близких родственников; из социально чуждых, уголовно-преступных элементов, изменников и предателей Родины. При вербовке учитывались обстоятельства сдачи в плен (сдался добровольно, сложив оружие), поведение при первичных допросах (выдал все известные ему данные или нет) и в лагере военнопленных (проявил себя как враждебный советской власти человек).

Архивно-следственные дела на советских граждан, осужденных за совершенные в плену преступления, и проверочно-фильтрационные дела свидетельствуют, что наибольший интерес для финских разведывательных органов представлял лагерь № 1, в котором содержалось около 2 тыс. военнопленных офицеров Красной армии¹⁵. В декабре 1941 г. сюда перевели бывшего командира 43-й дивизии генерал-майора В.В. Кирпичникова¹⁶, сидевшего там по 19 октября 1944 г., т.е. до возвращения в Советский Союз. Поскольку В.В. Кирпичников являлся старшим по званию и должности из всех взятых в плен во время войны с Финляндией офицеров Красной армии, он постоянно находился в поле зрения финского военного командования, военной разведки и армейского пропагандистского аппарата. По просьбе финской стороны он письменно изложил свои взгляды на факт разгрома 43-й дивизии под его командованием¹⁷. (Сотрудники финской военной разведки проводили широкомасштабный опрос военнопленных этого лагеря по различным направлениям деятельности Красной армии и военно-промышленного комплекса, побуждали их к написанию исторических очерков о воинских частях, промышленных и военных объектах и т.д.)

В лагерях велся тщательный учет военнопленных, на каждого заполнялись карточки установленного образца, в которые заносились фамилия, имя, отчество военнопленного, год, место рождения, должность, воинское звание, сведения о родственниках¹⁸. В настоящее время карточки хранятся в Военном архиве Финляндии. Финские архивисты активно используют их в своих исследованиях.

Анализ документов делопроизводства отечественных органов безопасности свидетельствует, что для подготовки агентов, забрасываемых в последующем в тыл СССР, финские спецслужбы создали разведывательные школы (в городах Петрозаводске, Рованиеми, Выборге)¹⁹. Агенты, под руководством инструкторов, в течение одного-трех месяцев проходили специальную подготовку: изучали способы сбора разведывательной информации, топографию, знакомились с устройством простейших взрывчатых веществ, учились выбирать объекты диверсии и уничтожать их. Индивидуально отработывались легенды пребывания в СССР, поведение на допросах в следственных органах и в населенном пункте, подбор квартир, особенности использования документов прикрытия, правила конспирации, способы связи с разведслужбами Финляндии²⁰.

После подписания 19 сентября 1944 г. перемирия между Финляндией и СССР администрация лагерей стала активно убеждать советских военнопленных не возвращаться в СССР, а остаться в Финляндии либо выехать в Швецию или США. При этом финские представители заявляли, что в Советском Союзе всех вернувшихся из плена ожидает смерть²¹.

По-разному сложились судьбы бывших советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. В октябре 1944 г. большую группу пленных доставили по железной дороге к советско-финской границе и через пограничный пункт Нурми передали советскому военному командованию. Бывшие военнопленные направлялись на сборный пункт в Выборге, а затем – на армейские специальные проверочные пункты, где в течение 5–10 дней их допрашивали и переводили в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД для дальнейшей проверки органами контрразведки «Смерш». С 5 по 13 ноября 1944 г. через Выборгский сборный пункт НКВД прошли 43 956 человек, в том числе 43 040 из Финляндии и 916 из Швеции; среди них – один генерал (В.В. Кирпичников), 1571 офицер, 4416 сержантов и 36 493 солдата²².

Несколько сотен бывших советских военнопленных различными способами пытались получить убежище на территории Финляндии, но не всем это удалось. После заключения перемирия между СССР и Финляндией 1037 человек бежали из лагерей, чтобы не возвращаться в СССР (они обоснованно боялись преследования из-за пребывания в плену); 693 человека из числа совершивших побег были задержаны финскими властями и переданы советской стороне; 1679 советских военнопленных не без помощи финской разведки выехали в Швецию. Их судьба осталась невыясненной²³.

Многие бывшие советские военнопленные после фильтрации поступали в распоряжение военных комиссаров, которые направляли их в части и соединения Красной армии. Вместе с тем органы контрразведки «Смерш» выявляли лиц, сотрудничавших с финскими и немецкими разведслужбами. В отношении их проводилось следствие, они привлекались к уголовной ответственности по ст. 58 п. 1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим). К сожалению, при рассмотрении данной категории уголовных дел военные трибуналы или Особое совещание НКВД не учитывали обстоятельств, при которых военнослужащие попадали в плен, причин, побудивших их дать согласие на сотрудничество с финской разведкой. Часто это было связано с тем, что советский военнослужащий, попав в ужасающие условия плена, стремился выжить любым доступным ему способом и

вырваться из плена, чтобы вернуться на Родину. Избравшие подобный путь, оказавшись на территории СССР, сразу обращались в правоохранительные органы с соответствующими заявлениями и оформляли явку с повинной. Несмотря на то что военнопленные не совершали реальных противоправных действий, наносящих ущерб безопасности государства, их, как правило, приговаривали судами военных трибуналов на 2–3 года заключения в исправительно-трудовых лагерях. Впоследствии в 1992–2005 гг. в процессе пересмотра уголовных дел такого рода дела были прекращены, а проходившие по ним лица реабилитированы²⁴.

Однако среди военнопленных были и те, кто осознанно пошел на сотрудничество с финской разведкой: они информировали финскую администрацию о лицах, готовившихся к побегу из лагеря, проводивших беседы с пленными о скорой победе Красной армии, убеждавших не вступать в национальные вооруженные формирования. К неблагонадежным военнопленным финская лагерная администрация применяла жесткие меры наказания (помещала в карцеры, снижала нормы питания, подвергала психологическому воздействию и т.п.).

Информаторы финской разведки из лагерей для военнопленных направлялись в разведывательные школы, после окончания которых оставались работать там же в качестве преподавателей и инструкторов. Попадая в тыл Красной армии с разведывательно-диверсионными целями, они не собирались являться в правоохранительные органы, а при их задержании советскими органами контрразведки материалы уголовных дел на них передавались в суды военных трибуналов, выносивших суровые приговоры, – лишение свободы до 25 лет или расстрел²⁵. В процессе пересмотра подобных уголовных дел органы военной прокуратуры и суда признали принятые решения обоснованными, а осужденных лиц – не подлежащими реабилитации.

В целом же архивно-следственные и проверочно-фильтрационные дела, другие материалы, хранящиеся в ГАРФ, ЦА ФСБ России, архивах территориальных органов безопасности, представляют обширный источниковый пласт для российских и зарубежных исследователей, позволяющий раскрыть некоторые неизвестные ранее события Второй мировой войны, понять историю через людские судьбы.

¹ Об этом см.: <http://www.kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/seminar.htm>

² В исследовательском проекте некорректно используется словосочетание «военнопленные, выданные в СССР». Более точным, по мнению автора, является определение «военнопленные, возвращенные в СССР».

³ Более подробно о составе документов о советских военнопленных см.: *Христофоров В.С.* Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16.

⁴ В декабре 1942 г. финские военные власти сформировали из 987 советских военнопленных 3-й батальон «Хеймо». В декабре 1943 г. переданный финскому командованию 644-й немецкий батальон «ОСТ», сформированный из 659 военнопленных и проживавших в оккупированных районах СССР советских граждан, был реорганизован в 6-й отдельный батальон финской армии. 3-й батальон «Хеймо» и 6-й отдельный батальон, в нарушение Гаагской конвенции 1907 г., в июне–июле 1944 г. участвовали в боевых операциях против Красной армии. После заключе-

ния перемирия финские военные власти распустили 6-й отдельный батальон, снабдив личный состав документами на право жительства в Финляндии. Для 3-го батальона «Хеймо» создали условия, при которых около половины военнослужащих дезертировали, поскольку из-за страха перед наказанием за измену Родине не желали возвращаться в СССР. Часть военнослужащих, бежавших из батальона «Хеймо» и объявленных в розыск, получила от полиции документы на право жительства в Финляндии.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 67, 97.

⁶ См.: *Молодова И.Ю.* Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49–56.

⁷ См.: Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Часть пятая. Т. 1. Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену 1941–1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской обл.): Сборник документов. Пермь, 2007.

⁸ *Коваленко В.Г.* Новейшая финляндская историография о советских военнопленных в Финляндии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 158–160.

⁹ Подробнее см.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Сборник военно-исторических карт. М., 2006. Ч. 3. С. 87–93.

¹⁰ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. М., 2005. С. 275–276.

¹¹ См.: Архив УФСБ по Мурманской области. Д. 123.

¹² См.: ЦА ФСБ России. Ф. АУД. Д. Н-20490; Архив УФСБ по Белгород-

ской области. Д. 13134; Архив УФСБ по Курской области. Д. 15252; Архив УФСБ по г. Москве и Московской области. Д. 48410.

¹³ *Коваленко В.Г.* Указ. соч.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 54–55.

¹⁵ См.: Архив УФСБ по г. Москве и Московской области. Д. 48410.

¹⁶ Кирпичников Владимир Васильевич (1903–1950), командир 43-й дивизии (1939–1941), в финском плену с 1 сентября 1941 г. по 19 октября 1944 г., по возвращении в СССР обвинен в измене Родине, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 28 августа 1950 г. расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁷ См.: *Христофоров В.С.* «Попав в плен, я был морально подавлен» (о некоторых политико-правовых аспектах уголовного дела генерал-майора В.В. Кирпичникова) // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 28–30; № 9. С. 27–30.

¹⁸ См.: Архив УФСБ по Белгородской области. Д. 13134.

¹⁹ См.: *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 97.

²⁰ Архив УФСБ по Белгородской области. Д. 13134. Л. 12–19.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. АУД. Д. Н-20490. Л. 58–62.

²² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 300; Д. 97. Л. 49–51.

²³ Там же. Д. 97. Л. 50.

²⁴ См.: Архив УФСБ по Нижегородской области. Д. П-23955.

²⁵ См.: ЦА ФСБ России. Д. 0459730; Архив УФСБ по г. Москве и Московской области. Д. 48410; Архив УФСБ по Курской области. Д. 15252.

**«Они... представляются населению
в роли завоевателей»**

**Отчет белогвардейского офицера о японской
интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке.
1919 г.**

Иностранная интервенция на Дальнем Востоке началась 5 апреля 1918 г. В этот день во Владивостоке со стоявших на рейде кораблей военно-морских сил Японии и Великобритании высадились две роты японских пехотинцев и полурота английской морской пехоты. На следующий день десантировался отряд из 250 японских моряков, к октябрю их было 73 тысячи. Не встречая никакого сопротивления, они захватили опорные пункты города, остров Русский с его крепостными укреплениями, артиллерийскими батареями, военными складами и казармами¹. К концу года общая численность войск интервентов, включая чехословацких легионеров, поднявших мятеж против советской власти, и американских рейнджеров, возросла до 150 тысяч².

Начало высадки интервентов послужило сигналом белоказачкам атаманов Семенова³, Калмыкова⁴ и Гамова⁵ для возобновления боевых действий. В течение короткого времени объединенными усилиями им удалось разгромить и отбросить за Урал немногочисленные отряды красногвардейцев и части создававшейся Красной армии. Семеновцы, поддерживаемые японскими войсками, совместно с белочехами 1 сентября 1918 г. захватили г. Читу, отрезав всю Восточную Сибирь и Дальний Восток от европейской части России⁶. Но успокоения и умиротворения на, казалось бы, полностью контролируемых ими территориях не наступило. И причиной тому была вовсе не деятельность РКП(б) по организации сопротивления классовым врагам революции и международного империализма, как утверждалось в советской историографии⁷, а в первую очередь кровавый беспредел и беззастенчивый грабеж, чинимый семеновцами, калмыковцами и им подобными, и нежелание большинства населения этих регионов подчиняться диктату японских и других интервенционистских сил. Многие из партизанских отрядов, объединившихся впоследствии в армии (только в Амурской области ее численность в январе–марте 1919 г. колебалась от двух до восьми тысяч человек)⁸, сначала возникли как группы самообороны жителей населенных пунктов от набегов воинских формирований казачества и японцев, широко применявших практику самоснабжения и реквизиций. Все стихийные попытки оказания сопротивления насилию безжалостно пресекались карателями. При этом зверства, которые они с садистской изощренностью творили по отношению к мирным жителям, вызывали недоверие даже у более «цивилизованных» партнеров по борьбе с большевизмом – американцев.

Между тем в последнее время в СМИ и ряде научных изданий стали появляться утверждения, оправдывающие действия интервентов и перекладывающие вину за военные преступления против мирного населения с японских карателей на их жертвы. При этом основной причиной развала экономики на

занятой иностранными войсками территории указывалась не хищническая эксплуатация японцами природных ресурсов и коммуникаций края и повальный грабеж населения, а война «без правил», которую развернули сибирские и дальневосточные партизаны в 1918–1922 гг.⁹

Однако документы отечественных архивов опровергают подобные выводы. Ярким тому свидетельством является отчет о командировке в Благовещенск сотрудника военно-статистического отделения окружного штаба Приамурского военного округа капитана Муравьева. Документ отложился в фонде штаба округа, хранящемся в Российском государственном военном архиве. Он составлен в двух вариантах: полном и сокращенном. (Читателям предлагается полный текст.) Отчет был отмечен командованием как «ценный материал для уяснения положения в Амурской области, а особенно для характеристики взаимоотношений русских и японцев»¹⁰. В силу важности документ направили командующему Сибирской армией генерал-майору П.П. Иванову-Ринову, а также в миссию генерал-лейтенанта Романовского¹¹.

Автор источника – образованный кадровый офицер, знавший японский язык, до Октябрьской революции 1917 г. служил в контрразведке штаба Приамурского военного округа. Невольным свидетелем военного противостояния партизанских отрядов японским войскам и белогвардейским частям в Амурской области Муравьев оказался случайно. Он был послан с секретным пакетом к начальнику гарнизона в Благовещенске из штаба округа, находившегося во Владивостоке. Поручение выполнил, но выехать назад не смог ввиду начавшихся военных действий против восставшего населения. Свое вынужденное пребывание в мятежной области капитан использовал для ознакомления с ходом военных действий, личных наблюдений, «опроса русских... и путем беседы с японцами, участниками военных действий»¹².

События же в Амурской области разворачивались следующим образом. В начале января 1919 г. в ответ на насилие японцев поднялись крестьяне зажиточного села Мазаново. Их поддержали жители соседнего села Сохатино. Вслед за ними представители 24 окрестных деревень, собравшиеся на свой съезд в Сохатине, призвали односельчан поддержать восставших. Со всех сторон из ближайших деревень и сел стали подтягиваться отряды самообороны, объединившиеся вскоре в повстанческую армию. Японским оккупационным силам удалось подавить это крестьянское выступление. Однако в феврале 1919 г. оно вспыхнуло вновь, перекидываясь от одного селения к другому¹³. 11 февраля 1919 г. на съезде представителей 18 волостей области было принято обращение к командованию войск интервентов с требованием покинуть территорию. В нем также отмечалось, что «мирное население приступило к сводке военных отрядов в единую народную армию для сопротивления преступным действиям карательных отрядов»¹⁴. На этот раз попытки японцев подавить восстание натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Интервенты несли потери. Столкнувшись с поистине народной войной, они не смогли взять ситуацию под контроль. Вскоре практически вся линия Амурской железной дороги оказалась в эпицентре ширококомасштабных боевых действий. К середине марта 1919 г. партизанские отряды стали стягиваться к Благовещенску, рабочие которого были готовы выступить против интервентов и белоказakov. Только разгром подпольного штаба не дал осуществиться тогда этим планам¹⁵.

Подробно описывая ход боевых действий, развернувшихся вдоль Амурской железной дороги, Муравьев уделяет большое внимание агрессивному поведению интервентов и их союзников из числа амурского казачества. Он указывает на массовое недовольство практически всех слоев общества, способствовавшее росту большевистских настроений как в городе, так и в сельской местности. Стремясь объективно оценить ситуацию, автор подводит командование к следующему выводу: партизанская война против японских оккупантов развернется с новой силой летом–осенью 1919 г. и никакие карательные дей-

ствия в отношении партизан и поддерживающего их населения не смогут ее остановить. Они только подливают масло в пламя народного гнева и способствуют втягиванию в кровавый круговорот все новых масс. Справедливость данной оценки косвенно признало и командование Приамурского военного округа, указав на то, «что сведения, добываемые таким путем, важнее газетных, и должны стоять на первом месте по сравнению с переводами»¹⁶.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии
Н.А. МЫШОВА.

¹ Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 269.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 230.

³ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – генерал-лейтенант (1919 г.). Из казаков. Окончил Оренбургское военное училище (1911 г.). Участник Первой мировой войны. С июня 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию добровольческих частей. С ноября того же года развернул вооруженную борьбу против советской власти на Дальнем Востоке и в Сибири. В мае 1918 г. возглавил Временное Забайкальское правительство. С сентября 1918 г. командир отдельного корпуса Временного Сибирского правительства. В начале 1919 г. объявил себя атаманом Забайкальского казачества, 30 июля назначен помощником командующего войсками и главного начальника Приамурского края генерала С.Н. Розанова, 24 декабря – главкомом всеми белогвардейскими силами в тылу (с подчинением ему командующих военными округами). 4 января 1920 г. получил всю полноту военной и государственной власти «на территории Российской восточной окраины». Тесно сотрудничал с японскими интервентами, пользуясь их всемерной поддержкой. В сентябре 1921 г. эмигрировал из России. 30 августа 1946 г. казнен по приговору Верховного суда СССР.

⁴ Калмыков Иван Павлович (1890?–1920) – подьесаул (1917 г.), генерал-майор (1918 г.), атаман Уссурийского казачества (с января 1918 г.). Участник Первой мировой войны. В Белом движении с 10 марта 1918 г. Отряды Калмыкова были разгромлены советскими войсками 20 августа 1918 г. Однако с помощью японских оккупационных войск

ему вместе с частями генерала Дитерихса удалось подавить сопротивление большевиков и установить свою власть в Приморье. С марта 1919 г. командир Уссурийского особого отряда, с сентября Уссурийской отдельной бригады, с января 1920 г. Сводной Уссурийской отдельной дивизии. В феврале 1920 г. после ряда поражений от партизанских отрядов и частей Красной армии, наступавших на Хабаровск, войска атамана были разгромлены окончательно, и он бежал в Маньчжурию. В марте 1920 г. расстрелян китайцами в г. Гирине после предъявления ему обвинения в бессудном расстреле представителя шведского Красного Креста Хедблумма и обстрела артиллерийским огнем китайской канонерской лодки на Амуре, в результате которого было несколько убитых и раненых. (Подробнее см.: *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.)

⁵ Гамов Иван Михайлович (1887–1952?) – из казаков. С 1913 г. член IV Государственной думы от Амурского и Уссурийского казачьих войск. С апреля 1917 по февраль 1919 г. председатель войсковой управы и войсковой атаман Амурского казачества. В 1920–1925 гг. учитель в школах Северо-Маньчжурской железной дороги, в 1925–1945 гг. заведующий русскими школами Северной Маньчжурии. До 1944 г. входил в состав правления Русского учительского общества. Являлся членом Союза Амурского казачьего войска в Маньчжурии. Состоял в Военно-казачьем союзе. В 1946 г. принял советское гражданство.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР... С. 230.

⁷ См.: *Ильюхов Н.К., Самусенко И.П.* Партизанское движение в Приморье. 1918–1922. М., 1962; *Агеев А.В.* Амур-

ские партизаны: Очерк по истории партизанского движения в Амурской области (1918–1920 гг.). Благовещенск, 1974; *Нелюбин А.Е.* Из истории партизанского движения в Прибайкалье. Улан-Удэ, 1974; и др.

⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 434.

⁹ См.: *Мартынов А.* «Японский городской против кузькиной матери» // Независимая газета. Ex Libris: Ежедневное приложение к «Независимой газете». 2005. 24 ноября. № 44 (345); *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 164, 173–177; *Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б.* История Японии. XX век. М., 2007. С. 79–82.

10 РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 63. Л. 157.

¹¹ Романовский Иван Павлович (1877–1920) – генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны, первый генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем. Участник Корниловского мятежа. С февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, с января 1919 до начала апреля 1920 г. начальник штаба Вооруженных сил на Юге России. После отставки Деникина эмигрировал в Турцию. Убит офицером-белогвардейцем 20 апреля 1920 г.

¹² РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 63. Л. 157.

¹³ Амурская правда. 2007. 30 марта.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. 6 апреля.

¹⁶ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 63. Л. 157.

Отчет о командировке сотрудника военно-статистического отделения окружного штаба Приамурского военного округа капитана Муравьева в г. Благовещенск с 4 по 31 марта 1919 г.

3 апреля 1919 г.

I. К характеристике японских военных операций вдоль линий Амур[ской] ж[елезной] д[ороги]

Японские войска в настоящее время расположились вдоль линии Амурской ж[елезной] д[ороги], охраняя станции, мосты и проч[ие] ж[елезно]д[орожные] сооружения от нападения и порчи их большевиками. Главной базой японцев является Благовещенск, где сосредоточены их силы в составе одной бригады под командой генерала Ямада¹. В его распоряжении имеется также два бронированных поезда и восемь аэропланов. В случае необходимости для борьбы с большевиками отсюда выделяются отряды, посылаемые в требуемые пункты. По станциям же расположены небольшие части, не превосходящие взвода, за исключением более важных пунктов, как-то: Алексеевск и Бочкарево, где расположены более крупные войсковые единицы.

Охранная служба на линии ведется в достаточной мере аккуратно и внимательно, хотя не исключает возможности таких случаев, как поджоги и подпилка деревянных мостов.

Японцы в последних боях и стычках с большевиками в начале марта месяца понесли большие потери, благодаря их самонадеянности и небрежности, вызвавшейся в посылке малых отрядов там, где большевики имели

в распоряжении до 2–3 тысяч. Так было в боях у станции Ледяной (в 49 верстах от Алексеевска), где посылались три раза небольшие отряды японцев, которые целиком уничтожались большевиками, здесь же у японцев пропало несколько орудий и пулеметов и был уничтожен разведывательный отряд. Большевики, празднуя временный успех у Ледяной, торжественно вырядились в японскую форму, снятую с убитых. У селения Павловка было много убитых японских офицеров, благодаря их небрежности, где они открыто, на виду у большевиков, расположились для обсуждения способа наступления. После этих неудач японцы страшно ожесточились. Захватив как-то в плен 50 мадьяр и привезя их в Благовещенск, они жестоко с ними расправились, отрезав им уши и выколол глаза. А взятые в плен отряды красных уничтожались целиком.

13 марта из Благовещенска на ст. Завитую был отправлен броневик, состоящий из четырех орудий морского типа со щитами. Эти орудия помещались на полуоткрытых платформах. Навстречу ему большевиками был пущен паровоз без машинистов. Все же броневику удалось вернуться с полыманным паровозом. В тот же день большевики перерезали путь между ст. Бочкарево и Завитой, захвативши ст. Екатеринославку в 70 верстах от Бочкарево, затем сожгли все мосты и приблизились 14 марта к вечеру к ст. Бочкарево, где находился в то время и я. Мне пришлось быть свидетелем осады и бомбардировки большевиками ст. Бочкарево.

С утра 15 марта большевики повели наступление с трех сторон, но главные силы их наступали с трех сторон*. В это время японцы и казаки расстреляли в нескольких шагах от станции 35 латышей. Эти латыши были собраны в Алексеевске для комплектования латышских войсковых организаций. Ими заведовал офицер бывшей русской службы. Но, получив разрешение на организацию от иностранных консулов, они совершили ошибку, не взяв такового от японцев. Японцы, заподозрив их в чем-то незаконном, арестовали их, направив в Благовещенск. Но движение поездов было прекращено, и в Бочкарево с ними непоцеремонились и расстреляли ввиду приближения большевиков. По разговорам этот расстрел был оправдан тем, что у латышей были найдены какие-то компрометирующие документы и расписки на денежные суммы. При расстреле они падали убитыми, держа паспорта в руках. Этот расстрел сразу взволновал жителей и служащих станции, создавши страшную панику; наспех был составлен поезд, и на нем уехали, оставив свои посты, начальник станции и несколько служащих, а также некоторые пассажиры, но на вокзале оставалось много женщин и детей. Потом все возмущались подобным бегством служащих, усилившим еще более панику и без того нервно настроенной публики.

Для защиты местечка от наступающих большевиков выступил отряд милиционеров, несколько казаков и взвод японцев, которые рассыпались в цепь и открыли огонь по наступающим. Японцы же в количестве около 200 человек под командой капитана Суемацу² сосредоточились в окруженном изгородью пункте. Большевики повели наступление цепью и перебежками с трех сторон, испортив предварительно путь на Алексеевск. Выход для поездов оставался только на Благовещенск, и то не являлся безопасным**.

* Так в документе.

** Так в документе.

В это же время большевиками начался орудийный обстрел из орудий, стоявших в верстах трех от станции. Один из снарядов попал в депо, разрывом которого было сразу убито 12 человек рабочих и несколько ранено. Два снаряда упали вблизи вокзала, шагах [в] 10–20, в то время когда публика скопилась там же, но, к счастью, пострадавших не было. Всего красными было выпущено около 10–15 снарядов. Орудия, находившиеся в распоряжении красных, были захвачены у японцев в боях у Ледяной. Часов около четырех ружейные выстрелы уже раздавались с самого вокзала. Японцы решили оставить станцию, снявши флаги и уйдя на соседний пункт. На вокзале оставались только несколько милиционеров. Поселок очутился в руках большевиков. Но при наступлении сумерек стрельба постепенно прекратилась. Сообщили об идущих со ст. Завитой по пятам большевиков японских эшелонах, погруженных на крестьянских санях. И, действительно, в 7 часов вечера появились японские батальоны при четырех орудиях и русская офицерская рота. Большевики спешно эвакуировали поселок. Началась посылка карательных отрядов. Пришедшие войска расположились у костров, которые ярко пылали на фоне темной ночи, что создавало фантастическую картину. Ночь прошла спокойно. На утро с шумом поднялись два японских аэроплана, посланных на разведку. И уже днем 16 марта в Бочкареве сосредоточились до 4000 японцев.

Большевиков, действовавших при осаде Бочкарева, было до 2000, среди них находилось [много] китайцев. Нужно отдать справедливость, что японский гарнизон в Бочкареве действовал нерешительно, выделивши так мало для подкрепления цепи милиционеров и казаков, защищавших подступ к станции. После отступления большевиков началось возмездие виновным: в течение следующих трех дней японцами и казаками было расстреляно из поселка более 30 человек (в том числе одна беременная женщина). И уже только через неделю все трупы убитых числом около 70 вместе с расстрелянными латышами были сложены в одну общую кучу, предварительно раздеты, покрыты дровами и сожжены. Русская публика выражала некоторое недовольство сожжением вместо погребения и зарытия в землю. Затем карательные отряды японцев обшарили все соседние деревни вблизи Бочкарево. В одной из них они наткнулись на группу китайцев-большевиков, человек 20–25, захватили их без сопротивления и расстреляли. Найденные 12 000 рублей аккуратно поделили между всеми участниками, также были захвачены лошади, которые пошли тоже в пользу японцев. Вообще, нужно заметить, у японцев установилось правило делить между солдатами найденные деньги и вещи большевиков.

Большевики при своем отступлении успели сжечь десять мостов до Екатеринославки и затем двенадцать на запад от г. Алексеевска. Дней через десять после бочкаревского наступления японцам и русским отрядам удалось окончательно разогнать большевистские шайки, отобравши у них захваченные орудия, и поймать главарей.

II. Отношение японцев к русскому населению в Амурской области

При рассмотрении этого вопроса получается весьма мрачная картина – населению приходится переносить много неприятностей и даже насилий со стороны японцев, созданных условиями текущего момента борьбы с большевиками.

Даже офицерство не гарантировано от оскорблений со стороны японских войск. На моих глазах на ст. Благовещенск комендант станции, уже пожилой подполковник, раненный в ногу на войне, был бесцеремонно толкаем японскими солдатами, которые чуть его не били, чтобы остановить при проходе его на вокзал. А между тем комендант имел белую повязку с надписью на яп[онском] языке, указывающую на его должность. Вообще японцы с русскими офицерами мало церемонятся, так же как и со всем населением. При проезде в г. Алексеевск из Благовещенска 3–4 японских штабных офицера занимали громадный вагон международного о[бщест]ва. Но тут же рядом более 20 русских офицеров Амурского пех[отного] полка должны были мучаться и не спать, скученные в одной теплушке. Военная форма не спасает от оскорблений и даже иногда побоев. Так, какого-то военного чиновника нещадно избili японские солдаты в поезде за то, что он осмелился им возражать.

Японцы с пассажирами, приехавшими на ст. Благовещенск, обращались как со скотом, грубо загоняя их на вокзал, то обратно в вагоны.

Крестьяне страшно страдают при теперешнем положении в области. С одной стороны, большевики делают у них реквизиции и поборы, когда же приходят японцы, то тоже сжигают деревни и имущество крестьян, при этом страдают даже женщины и дети.

В отношении японцев приходится держаться чрезвычайно осторожно: малейшая шутка или неосторожное слово грозят серьезными последствиями. Примеров тому масса. В одной из теплушек ехала компания русских, человека четыре, и громко обсуждала грубое поведение японцев, с ними случайно находилась одна японка, [про] которую считали, что она не знает русского языка; на следующей станции эти четыре человека были расстреляны по доносу японки. В отношении женщин они так же грубы как с мужчинами, употребляя ругань, а также приставая к ним с похабными словами. Шутки японцев весьма мрачного характера: например, в нашем вагоне ехал один зауряд-прапорщик, который начал примерно прицеливаться, все женщины моментально убежали из вагона. Подобные шутки иногда кончаются весьма печально, но все проходит безнаказанно. В отношении расстрелов японцы тоже не церемонятся. В Благовещенске около станции был расстрелян один русский военнопленный, затем – бывший милиционер за то, что вышли ночью с вокзала (японцы не позволяют пассажирам уходить с вокзала ранее шести час[ов] утра).

Японская жандармерия и охранные войска, благодаря незнанию русского языка, часто руководствуются только внешними признаками при определении лиц, причастных к большевизму. Так, один японский фельдфебель на ст. Завитая был очень ценим своим начальством за способность только по одному выражению лица находить большевиков. Ему было достаточно пройти два раза по поезду или перрону станции, чтобы определить большевиков и арестовать их. Подобных случаев было повсюду немало.

Таково отношение японцев здесь, в Амурской области, где они уже представляются населению в роли завоевателей, и даже наши офицерские и казачьи отряды не смеют иметь свой национальный флаг, а всегда носят японские значки и подчиняются японскому командованию, что должно быть очень обидно для нашего национального самолюбия. Фактически вся власть, как военная, так и гражданская, находится в руках японцев.

III. Русские войска (казачество и амурская пехота)

Репутация амурских казаков, по крайней мере в глазах японцев, стоит невысоко. Японские солдаты заявляют, что казаки в бою часто находятся сзади и не соблюдают договора взаимной помощи. По внешнему виду создается впечатление, что они мало дисциплинированы, о соблюдении формы и отдании чести уже и не приходится говорить. За глаза ругают своих офицеров, говоря, что они сидят в тепле, а их заставляя нести лишения и терпеть холод. Отношение казаков к населению во время карательных экспедиций ужасно. Так, говорят казаки: «Если деревня, в которую мы приходим, встречает нас хлебом-солью, то мы все же для острастки всыпаем небольшую порцию шомполов (вместо розог казаки употребляют ружейный шомпол) крестьянам по нашему выбору. Если же деревня встречает казаков без знаков внешнего почтения, то порка производится почти чуть ли не поголовно».

Кроме казаков в Благовещенске существует так называемый Амурский пехотный полк, который под давлением японского командования превращен после ухода полковника Шемелина³ (Семеновский отряд), просто в батальон (вероятно, японцы не доверяли атаману Гамову).

Офицерский состав этого полка невозможен – вечное пьянство, кутежи, драки, стрельба. Городское население возбуждено против офицеров, которые даже дошли в своем поведении до того, что выпороли старшин общественного собрания. Начальник гарнизона г. Благовещенска слезно молит о замене и присылке кадровых офицеров для занятия ответственных должностей в этом полку. Офицерский вопрос здесь, действительно, требует самого серьезного отношения к себе.

В заключение нельзя не упомянуть о роли семеновских карательных отрядов, посылаемых из Читы в Амурскую область. Газета «Амурская жизнь» № 63 от 28 марта говорит: «Вместо живого слова в деревне начали применяться карательные отряды (начало положил полк[овник] Шемелин), которые начали выпускать живую кровь из первопопавшихся...» Кроме безобразных расстрелов и порок начались безобразия и насилия над женщинами и девушками, которые ни в чем не повинны. А уже этого достаточно, чтобы возмутилось все население. Это я говорю про чистые факты.

При мне на станции Бочкарево находился казачий отряд из Читы смешанного состава (офицеры и солдаты), человек около 20, который должен был проследовать в Благовещенск. Офицеры этого отряда заранее хвастались, что они займут все выгодные штабные вакансии в Благовещенске, сместив местных офицеров. Все офицеры указанного отряда уже побывали в Благовещенске вместе с полк[овником] Шемелиным и теперь снова туда возвращались, все повышенные на один чин атаманом Семеновым за заслуги, которые они проявили в Амурской области, участвуя в карательных экспедициях. После отражения большевиков на Бочкарево этот отряд отправился в соседнюю деревню, находящуюся в пяти верстах, и казаки начали там производить расстрелы и порки, попутно ограбивши несколько домов и изнасиловавши женщин (по указанному делу ведет расследование комендант ст. Бочкарево). Тот же самый отряд, попавши затем в Благовещенск, устроил в первую же ночь крупный дебош. Японцы хотели арестовать их, но они воспротивились, после чего даже японское командование хотело их

расстрелять, но русские власти их спасли, выслав обратно всех в 24 часа из Благовещенска. За время короткого пути до г. Алексеевска они успели кое-кого тоже ограбить (все указанное сообщил комендант ст. Бочкарево).

IV. Большевизм в области

Положение здесь представляется подобно нахождению на вулкане, где снаружи кажется более или менее спокойным и большею частью умиротворенным, но внутри кипит стихия, готовая каждую минуту прорваться наружу. Так, большевизм здесь внешне успокоен, но готов с новой страшной силой затопить область, если бы представилась к тому малейшая возможность. Отдельные вспышки и выступления против японцев как нельзя более характеризуют это настроение. В Благовещенске все предместья и слободки затаили ненависть против теперешнего положения вещей. Сл[обода] Бурхановка, населенная преступным элементом, является вооруженным лагерем большевиков. Там в течение предпоследнего месяца было произведено контрразведкой и японцами до 500 арестов. Также была найдена штаб-квартира большевиков, где имелись списки начальников, планы города для атаки, некоторое количество оружия и т.п. После этого было арестовано 30 главарей. Благовещенская контрразведка действовала весьма успешно, захвативши Мухина⁴ и многих других комиссаров. Контрразведка ликвидировала не только многих большевиков, но часто помогала уголовному розыску. В составе контрразведки имеется несколько евреев. После смерти Мухина снова увеличились случаи нападения и оскорбления офицеров из-за угла. В Благовещенске даже появились на заборах прокламации, призывающие к избиению буржуазии и, главным образом, офицеров, как террор, объявляемый за казнь Мухина.

Большой вред в борьбе с большевизмом приносил русским сахалинский дао-инь* (в настоящее время сменен). Он за большую мзду помогал многим большевикам и мадьярам бежать в Китай и унести с собой крупные суммы денег и золота. Англичанин, заведовавший китайской таможней в Сахалине, сообщил, что указанный дао-инь нажил на этом до 3–4 миллионов рублей.

Теперешнее выступление большевиков почти ликвидировано японцами, но весной и летом снова можно ожидать дерзких нападений на японские отряды и порчи линий железной дороги.

Капитан Муравьев

РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 47. Л. 31–36. Подлинник.

¹ Ямада Сиро – генерал-майор, командир 12-й бригады японской оккупационной армии в Приамурье. Издал приказ об уничтожении всех сел и деревень, жители которых заподозрены в связи с партизанами. В его исполнение в марте 1919 г. японцы «зачистили» села и деревни Круглое, Разливка, Черновская, Красный Яр, Павловка, Андреевка, Васильевка, Ивановка и Рождественская. Так, в Ивановке карателями расстреляно, заколото штыками и заживо сожжено в своих домах свыше 200 человек, большинство из которых составляли женщины и дети.

² Суемацу – капитан, командир японского карательного отряда.

* Начальник пограничного китайского округа г. Сахалин.

³ Шемелин И. – полковник из окружения атамана Семенова, в октябре–декабре 1918 г. командующий войсками Амурского казачьего войска, наделенный правами особого начальника по охране государственного порядка и спокойствия в области. Впоследствии командир 2-й Забайкальской казачьей дивизии.

⁴ Мухин Федор Никанорович (1878–1919) – рабочий. Из крестьян. Член РСДРП(б) с 1904 г. С января 1918 г. председатель Благовещенского Совета, Амурского облисполкома, с апреля председатель СНК Амурской трудовой социалистической республики, с сентября руководитель партийного подполья в Приамурье. В феврале 1919 г. один из руководителей вооруженного восстания в Приамурье. 9 марта 1919 г. казнен белогвардейцами в г. Благовещенске.

«Русский показывает нам пример, как нужно организовывать длительное сопротивление» **Дневник немецкого артиллериста. 1941–1942 гг.**

Значение дневниковых записей периода Великой Отечественной войны велико. Следует напомнить читателю, что военные дневники – особый жанр. Для человека, заведомо находящегося в экстремальных условиях, когда гибель возможна чуть ли не ежеминутно, короткие строки в блокноте – это всегда проявление естественной потребности быть как никогда откровенным. Несомненно, данное обстоятельство придает им особое звучание. Самым ценным в военных дневниках является то, что они показывают войну в человеческом измерении, обогащая источниковую базу истории войн уникальными подробностями и свидетельствами, чаще всего не отраженными в документах военных штабов.

Интерес к этим документам непреходящ. Однако в отечественной археографии примеров публикаций военных дневников красноармейцев и командиров Красной армии периода Великой Отечественной войны очень мало – сказался строгий запрет на ведение дневников в Действующей армии. За неимением собственных растет интерес к такого рода документам противной стороны¹.

Внимание читателей представляется дневник немецкого артиллериста Ойгена Зайбольда. Документ хранится в фонде писателя и общественного деятеля В.П. Ставского Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)². Возникает вопрос: как попал туда фронтовой дневник немецкого офицера?

Сначала дневник Ойгена Зайбольда оказался у работников 7-го отдела политуправления Западного фронта, занимавшихся пропагандой в войсках противника (его и переводила работник этого отдела). Разведчиков он, видимо, не заинтересовал: какие такие серьезные сведения о противнике можно почерпнуть из дневника артиллерийского унтера?

В штабе Западного фронта либо политработники, либо сам командующий войсками фронта генерал армии Г.К. Жуков передал копию перевода дневника военному журналисту и писателю, бригадному комиссару В.П. Ставскому. Об этом человеке, благодаря профессиональному интересу которого мы можем сейчас познакомиться с дневником Зайбольда, хочется рассказать подробнее. Сейчас о Владимире Петровиче Ставском (это его литературный псевдоним, а настоящая фамилия Кирпичников) уже мало кто помнит.

Он родился в Пензе в 1900 г. Несмотря на молодость, воевал в Гражданскую, в 18 лет стал большевиком. Был известен в довоенном СССР книгами очерков о Гражданской войне и коллективизации на Юге России, являлся литературным функционером. Достаточно сказать, что Ставский в течение нескольких лет возглавлял печально знаменитую Российскую ассоциацию пролетарских писателей, а несколько позже – Союз советских писателей, являлся депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва от Чечено-Ингушской АССР. Штрихом к его политической характеристике может служить и избрание в 1934 г. членом Комиссии партийного контроля.

В предвоенные годы В.П. Ставский побывал почти во всех «горячих точках» того времени – на войне в Испании, Халхин-Голе в Монголии, Карельском перешейке. Его военные очерки печатались на страницах «Правды» и других центральных газет. Надо сказать, что Ставский – единственный из советских писателей, кто был до войны дважды награжден орденом Красного Знамени. Еще один боевой орден вручили ему монголы. На передовой писатель и журналист вел себя достойно, да и в личном мужестве ему ни откажешь.

С началом Великой Отечественной войны Владимир Петрович вновь отправился военным корреспондентом на фронт. Его очерки о войне и ее героях достаточно часто появлялись в центральной и фронтовой печати, в разных издательствах выходили составленные из них книги. Работал Ставский так же, как всегда, постоянно бывая на передовой. 14 ноября 1943 г. и случилось то, что обычно случается на войне: в бою у деревни Турки-Перевоз под Невелем Владимир Петрович Ставский был убит. Похоронили его с почестями в Великих Луках и даже посмертно наградили орденом Ленина. Как бы ни оценивать литературную и политическую деятельность Ставского до войны, его военная биография, несомненно, заслуживает уважения.

Неизвестно, использовал ли писатель какие-либо сюжеты из дневника. С текстом он работал, но разыскивать в газетных очерках 1942–1943 гг. отдельные извлечения из документа – дело безнадежное. По крайней мере ясно, что Ставский оценил этот документ и сохранил его в своем архиве. Может быть, предполагал использовать позднее.

Вместе с другими документами, хранившимися в его московской квартире, дневник попал в ЦГАЛИ СССР (ныне – РГАЛИ). Архив передавался вдовой писателя О.А. Соловьевой с 1949 по 1964 г. Последнее крупное поступление произошло в 1969 г. после ее смерти. Фонд составляет 1012 дел за 1905–1975 гг. (Оп. 1–4) и содержит, кроме документов писателя, материалы его жены и родственников. Источники отражают основные этапы жизни и деятельности В.П. Ставского. В фонде хранятся документы Северо-Кавказской и Российской ассоциаций пролетарских писателей, СП СССР,

В.П. Ставский. Конец 1930-х гг. РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 4. Д. 71. Л. 37

переписка с писателями, читателями, избирателями, личные документы (дневники, записные книжки, записки), фотографии, газетные вырезки, документы о Гражданской войне, коллективизации на Кубани, боевых действиях в районе реки Халхин-Гол, советско-финляндской войне, воспоминания участников Великой Отечественной войны, дневники и письма немецких солдат и офицеров, протоколы допросов военнопленных, письма свидетелей и документы о гибели Ставского. Среди них и находится дневник О.Зайбольда. Суть событий, им запечатленных, можно определить двумя словами – «триумф и трагедия». Хотя эти слова давно стали расхожим штампом, но нам кажется, что они оказались наиболее подходящим определением для характеристики отображенных автором дней, неделя, месяцев войны.

Несколько слов о самом авторе – ефрейторе, а затем унтер-офицере Ойгене Зайбольде. Мы ничего не знаем о нем, кроме того, что он сам считал нужным сообщить. Не знаем даже, погиб он или жив. Последняя запись в дневнике, за 16 января 1942 г., начинается загадочными словами: «Пишу последний раз». Почему «последний», осталось неизвестным... Может быть, Зайбольд предчувствовал свою смерть, а может, его часть переводили или он попал в плен?

Очевидно, он был еще молод, наблюдателен и, безусловно, образован. Скорее всего, географ, может быть, учитель географии. Дневник свидетельствует, что Ойген – человек любознательный, потому что уже в 1941 г. не только понимает украинский и русский, а и может объясняться, особенно с украинскими и русскими женщинами. Его записи скупы, но отчетливо характеризуют ситуацию в каждом конкретном случае. К войне, на которую он пошел добровольцем, относился своеобразно. Для него она была возможностью не только посмотреть далекие страны (о политических целях войны он явно не задумывался), но и испытать некие необычные чувства. Недаром своему дневнику он предпослал эпиграф из произведения Эрнста Юнгера, чей фронтовой дневник Первой мировой войны «В стальных грозах», опубликованный в 1920 г.³, был популярен среди интеллигенции послевоенной Германии. В немалой степени эта популярность проистекала из юнгеровской идеи о глубоком жизненном переживании, которое дает человеку война. О целях и средствах войны, ее цене для народа и страны недавним фронтовикам лучше было не думать...

Страницы дневника не позволяют точно определить, в какой части служил Зайбольд. Из записи автора от 18 ноября 1941 г. о награждении его Железным крестом ясно, что часть входила в состав 40-го моторизованного корпуса (при переводе с немецкого он почему-то назван танковым). Скорее всего, это была часть корпусного подчинения, – Зайбольд ни разу не упоминает о «своей» дивизии.

Дневник Ойгена открывается записью от 12 сентября 1941 г. (кстати, это его третья книжка с начала Второй мировой войны) во время прорыва войсками вермахта обороны Красной армии. Немецкие войска неудержимо двигались по тылам Юго-Западного фронта, и до падения Киева и образования грандиозного котла оставались считанные дни. Потом был не меньший по масштабам котел под Вязьмой, и последний этап блицкрига – рывок к большевистской столице. Разве это не триумф германской военной мощи?

А оборотная сторона этого триумфа – неизмеримая никакой мерой трагедия советских солдат, устилавших бесчисленными телами украинские и русские поля, многотысячными колоннами тянущихся в гибельный плен или расстреливаемых эсэсовцами прямо после пленения у каких-то сараев.

Лишь на последних страницах дневника перед нами предстает иная картина: сильное сопротивление русских, отступление, жалобы на голод и холод, все учащающиеся упоминания фамилий погибших товарищей Зайбольда.

Нет, разгром под Москвой – еще не подлинный триумф Красной армии, он наступит гораздо позже. Да и для автора дневника неожиданное отступление от Москвы, похоже, все еще кажется эпизодом в порядке надоевшей войне. Он еще не видит в этих событиях трагедии. Но дневник, быть может, помимо воли автора, наглядно свидетельствует о том крутом повороте в войне, который произошел под Москвой.

Нужно отметить, что 40-й корпус входил в состав 4-й танковой группы генерал-полковника Э.Гёпнера. Его дивизии сыграли большую роль в октябрьском разгроме Западного и Резервного фронтов под Вязьмой и в ноябрьском прорыве вермахта к Москве⁴. В самом конце декабря 1941 г., и это тоже отражено на страницах дневника, 40-й корпус стал основой так называемой группы Штумме, сумевшей организовать достаточно прочную оборону на Гжатском и Можайском направлениях и приостановившей наступление 16-й армии К.К. Рокоссовского и 20-й армии А.А. Власова⁵. Между прочим, в эти же декабрьские дни 1941 г. Э.Гёпнер очень высоко оценил роль артиллерии 4-й танковой группы в развернувшихся в Подмоскovie оборонительных боях: «Артиллерия... является единственной защитой измотанных боями войск»⁶.

Мы не будем повторять интересные детали или комментировать те или иные записи из дневника. На наш взгляд, они говорят сами за себя. Следует лишь отметить, что автор являлся свидетелем событий, происходивших в ближайшем тылу германских войск, – ведь артиллеристы не всегда располагались непосредственно на передовой. Это обстоятельство представляется нам существенным для понимания многих мест дневника, в том числе таких жутких, как описание полевого лагеря военнопленных в Борисполе под Киевом.

Нужно сказать, что дневник О.Зайбольда привлек внимание историков давно. Еще в 1966 г., к 25-летию Московской битвы, Н.И. Родионов опубликовал ряд записей из дневника, относящихся к боям под Москвой⁷. При этом без всяких оговорок нещадно вымарано все, что относилось к взаимоотношениям немцев с местным населением, подробности быта немецких солдат на фронте, оценки автором дневника поведения красноармейцев в бою.

Представляется полезным для обогащения источниковой базы подготовить серьезную большую публикацию военных дневников периода Великой Отечественной войны, в том числе немецких, собрав их по фондам российских архивов и музеев. Если столь масштабная работа найдет своих исполнителей (и спонсоров!), то дневник Зайбольда должен, как нам кажется, занять в ней свое законное место.

Мы надеемся также, что его публикация на страницах журнала «Отечественные архивы» будет способствовать отысканию подлинника в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации в Подольске.

В заключение отметим, что при подготовке дневника к изданию, пожалуй, наибольшую проблему создали наименования населенных пунктов. Зайбольд записывал их, видимо, со слуха, поэтому они довольно часто существенно отличаются от тех, которые нам удалось обнаружить на современных географических картах. При переводе в 7-м отделе политуправления Западного фронта переводчица Троицкая, естественно, не могла пользоваться картами Украины и поправить Зайбольда. Более того, она не сумела даже полностью перевести на русский одно показавшееся ей совсем уж необычным название, так и оставив его в смешанном виде – Новый Bassany (запись от 18 сентября 1941 г.). Правильное название этого черниговского села — Новая Басань. Другой пример: в записи от 15 сентября 1941 г. упомянута деревня Кобищи – семи километров в длину и пяти в ширину. На самом деле это, скорее всего, село Кобыжча, расположенное в северной части современного Бобровицкого района Черниговской области Украины, с соседствующей с ней железнодо-

рожной станцией с несколько иным названием – Кобыжчи, в представлении автора объединенные в одно целое.

Таких уточнений удалось сделать много, хотя некоторые населенные пункты на современных картах найти уже нельзя. Исправления топонимов в тексте нами не оговариваются.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **Т.В. ДОМРАЧЕВОЙ** и **С.Д. МЯКУШЕВА**.

¹ Недавно был частично опубликован военный дневник обер-ефрейтора Г.Гафнера, хранящийся в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации. Его автор, молодой образованный человек, служил в артиллерии. Дневник относится к позднему периоду Великой Отечественной войны. (См.: *Кожин С.В.* «...Россия, безграничная страна! Когда же ты нас отпустишь?» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 134–141.)

² РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 645. Л. 1–16.

³ *Юнгер Э.* В стальных грозах. СПб., 2000.

⁴ О составе этой танковой группы, а потом танковой армии в период с октября 1941 г. по январь 1942 г. см.: *Самсонов А.М.* Москва, 1941 год: От трагедии поражений – к великой победе. М., 1991. С. 259–263.

⁵ *Исаев А.В.* Краткий курс истории Великой Отечественной войны: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 94–95.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ *Родионов Н.И.* Великая битва под Москвой // Советские архивы. 1966. № 6. С. 57–58.

Дневник немецкого ефрейтора, позже унтер-офицера Ойгена Зайбольда (пс. 18860)*

12 сентября 1941 – 16 января 1942 г.

Если мы здесь чему-нибудь и учились, так только тому, что дело превосходит все остальное. Это мы перенесем в мирное время, ибо времена кровавой борьбы бывают редко. Человек же должен всегда отдаваться тому, во что он верит.

Эрнст Юнгер¹. Лесочек

1941 г.

12 сентября

Я начинаю свой третий по счету военный дневник**. В моем последнем дневнике я описал многие места, через которые прошел. Берлин, Ренн, Париж, Орлеан, Брюн, Женевское озеро, Вена, Бреславль, Варшаву, Люблин я описал в беглых заметках². Такими же небольшими штрихами я обрисовал поход в Россию. Мое желание – продолжать в этой тонкой тетради свое путешествие по географической карте. Я поставил себе целью создать все предпосылки для «Описания поверхности земли». Так этого требует ремесло географа.

* Заголовок документа. В скобках, по-видимому, номер полевой почты.

** Предыдущие дневники в РГАЛИ не обнаружены.

14 сентября

Вчера мы переправились, наконец, через р. Десна. Эта река очень сильно разветвлена. Вся долина 4–5 км ширины. Из-за болот и песков машины продвигаются очень медленно. Мы продвигаемся по Украине. *Отступление русских, вопреки ожиданиям, проходит по хорошо разработанному плану и заранее продуманным маневрам**. Пересекаем каменную дорогу и идем от Киева на северо-восток. Наконец прибыл долгожданный обоз. Есть слухи, что нас включают в состав передового отряда. С трудом передвигаемся по болотистой местности. Около 3 часов измученные падаем в палатке, чтобы немного отдохнуть, а назавтра встать пораньше и снова продолжать путь.

15 сентября

Рано утром я подвел часового к высокому стогу соломы, с которого хорошо видна вся д. Кобыжча. Эта деревня занимает примерно 7 км в длину и 5 км в ширину. В ней насчитывается 3500 домов с 20 000 жителей. Бросаются в глаза характерные названия хлебозаводов: «Большевик» и, прежде всего, «Партизан».

Выступление. Идем на юг. По дороге нас «осыпали» собственные бомбардировщики. Возможно, это словаки. Дорога идет по чернозему**. Вправо и влево от нас – противотанковые рвы и доты. Это сооружение не достроено, но задумано в широком масштабе. В Новом Быкове нас ввели в состав передового отряда. Мы идем сумасшедшим темпом до Згуровки, население удивленно смотрит нам вслед. Километровые столбы служат в качестве измерения. Слева и справа – болота, грязь, вода. На ровной местности ни одного укрепленного пункта, ни одной линии прежней ж[елезной] д[ороги]. Справа – деревня, в северном направлении видны брошенные грузовики, обозы, лошади, плетутся штатские. Справа виден всадник с винтовкой. Впереди – пожар. Позади – огневые позиции. Даем два залпа по дер. Туровка. Истребители танков врываются в деревню и занимают ее.

17 сентября

Продвигаемся дальше на юг, до ж[елезнодорожной] линии Киев – Харьков, южнее Яготина. Передовой отряд захватил там в плен командира полка вместе со штабом. Едем на вокзал что-нибудь «организовать». Все тут напоминает Францию. Можно даже найти пудру. Многие характерные черты города, в том числе радиостанция, указывают на то, что есть еще другая Россия. В Яготине имеются даже такие заводы, как сахарный, пивоваренный и др.

18 сентября

Через Новый Быков – Новую Басань и Бобровицы мы возвратились в наш дивизион. Наша машина испортилась, и мы прибыли в батарею только перед вечером. Этот край производит довольно приятное впечатление. Чистые улицы, хорошие сады. Мы идем в направлении д. Басань, в которой остаемся до 19 сентября.

Люди очень приветливы, частично из страха, прежде всего девушки, которые немного робки, но все же доверчивы. У меня навсегда останутся в па-

* Здесь и далее В.П. Ставским при чтении документа фразы подчеркнуты и отчеркнуты на полях слева двойной чертой красным карандашом. Далее подчеркнутые фразы выделены курсивом, отчеркнутые – оговорены в примечаниях.

** Фраза отчеркнута двумя чертами простым карандашом.

мяти самые лучшие воспоминания об отличных блинах*. Продвигаемся дальше на запад через болота, пески, сосновые леса, колхозы до Гоголева, где поздно вечером мы заняли огневую позицию. Ночью было ужасно холодно. Лишь только под одеялами и соломой мы смогли немного согреться. Около 6 часов мы дали первый залп, что содействовало успеху наших войск, введенных в бой. Пять русских вышли с белым флагом, они получили свою долю. 2-й дивизион 154-го артиллерийского полка стрелял по той же цели. Дивная картина. Ко всему прочему мы узнали, что пал Киев³. Жаль, что мы далеко. С большим удовольствием приняли бы мы участие в его падении.

23 сентября

В Борисполе. По тому же пути, где мы стреляли последний раз, продвигаемся дальше, на юг, до железной линии Киев – Харьков, которая нам уже знакома. По дороге большое количество брошенных грузовиков, обозные повозки, разбросанные переметные сумы, убитые лошади, батареи, которые вместе с тракторами были оставлены на огневой позиции. На север отправляются первые поезда с пленными. Для нас не было никакой работы, так как город был оставлен, все бежали**. Напротив, нужно было обработать несколько трофейных поездов. Еще 21 сентября я имел возможность осмотреть Борисполь. Город представляет незабываемую картину войны. Пути отступления русских были атакованы немецкими пикировщиками, и мы видим здесь страшное опустошение: сотни машин; одни наполовину сожжены, другие полностью взорваны. Валяются части тела лошадей, а между воронками, образовавшимися от взрывов бомб, – горы трупов. Мы спим в бывшей казарме для парашютистов, которая очень хорошо оборудована.

Ночь с 23 на 24 сентября проводим на аэродроме и охраняем пленных, которых было 18 000. Русские спали в ангаре, а мы под открытым небом. Они представляли собой пеструю картину: все рода войск, начиная с пехотинцев, саперов, артиллеристов, до людей, одетых в летную форму и черную форму железнодорожников, и кончая матросами, которые прибыли, вероятно, из Киева. Среди них можно найти также штатских. Партизанки и санитарки снабжают их водой, которую жадно выпивают***. *Хотя многие русские пленные длительное время участвовали в боях, обмундирование на них было в хорошем состоянии.* В большинстве случаев обмундирование было даже новым. Особенно бросалась в глаза чистота нижнего белья. Все в сапогах, причем из хорошей кожи и с высокими голенищами. Русские шинели толще, на теплой подкладке, хорошо защищают от холода, с которым мы пробовали справиться при помощи костров. Головные уборы чрезвычайно пестрые. Можно видеть ушанки, фуражки, кубанки и пилотки. Женщины одеты большей частью в ту же форму, что и мужчины, и только бюст указывает на принадлежность их к женскому полу. Большинство из них молодые, воодушевлены своей работой. Впрочем, большинство из них производят такое впечатление, как и женщины Монмартра. *С нескрываемым наслаждением мучили евреев.***** Была взята часть пленных, которая сильно

* Фраза отчеркнута двойной чертой простым карандашом.

** Далее до конца абзаца текст отчеркнут волнистой линией простым карандашом.

*** Далее текст от выделенного курсивом до слов «при помощи костров» отчеркнут простым карандашом.

**** Фраза отчеркнута тремя чертами красным карандашом.

действующими средствами должна доказать свое арийское происхождение. Директора одного киевского завода раздевают до рубашки, он вынимает пачку денег и в отчаянии бросает ее, но это не приносит ему никакой пользы. Он срывает с себя даже рубашку и остается в желто-синем купальном костюме и шерстяном одеяле. Эгоизм в самой грубой форме. *Много ненужного делается лишь по глупости или из животного инстинкта.*

Эту толпу (10 наших на 3500 русских) мы сопровождаем в Бровары, недалеко от Киева. Ужасный марш. Идем через бесконечные равнины и небольшие деревушки. Все бросаются пить воду из вонючих луж. Такова участь пленных. Надеемся, что нам не придется испытать подобные вещи.

25 сентября

Наконец нас направили к новой армейской группе. Солнце озаряет Киев. Часть города горит. Дорога на Чернигов находится в хорошем состоянии, хотя явно заметны следы войны. Женщины собирают картофель. Кругом пески, болота, леса. Около четырех часов перешли реку Десну у Чернигова. Видим чистые берега реки. Этому противостоят сожженные дома. Моему взору представляются четырехэтажные здания, часть из них совершенно новые. Однако все дома разрушены.

СС соединения вместе с нами, пехотой и артиллерией должны продвигаться на север. Ночь проводим на фабрике и читаем долгожданную почту.

26 сентября

Продвигаемся дальше на север. Местность у дороги ужасна. Охарактеризовать ее можно только двумя словами: болота, лес, лес, болота, лес, пески. Дорога чрезвычайно плохая. По ней непрерывно движутся колонны в северном направлении. Селений больше не видно. 12 км едем по хорошей дороге. Справа и слева – одноэтажные деревянные домики. Мы переезжаем через речушку. Мост взорван. Фабрики, целые кварталы сожжены, возможно, даже русскими. На вокзале стоит большое количество товарных вагонов и много новых танков. Переночевали в Уваровичах, в районном городке, в школе, которая резко выделяется среди деревянных избышек.

27 сентября

Круто поворачиваем на восток. До Черикова ехали 180 км. Безотрадная картина: болота, лес, бесконечные поля. Одна колонна за другой проходит по дороге.

28 сентября

В Черикове мы ожидаем прихода цистерны. Здесь тоже должна быть школа парашютистов, так как недалеко, на равнине, возвышается парашютная вышка. Я нашел учебник по немецкому языку с отрывками произведений Гейне и Томаса Манна. Первая страница этого учебника посвящена гимну Сталину*.

До Кричева ни одного населенного пункта. Мы едем по узкой дороге, через высокоствольный лес, который немного напоминает Шварцвальд. То здесь, то там видны маленькие домишки с соломенными крышами, построенные плотно друг к другу. Временами попадаются почтовые станции, обнесенные каменной стеной, с готическими башнями, вероятно, еще со времен царизма. Это заставляет меня думать о Пушкине.

* Абзац отчеркнут двойной линией простым карандашом.

Сам Кричев в центре полностью разрушен. Переправы взорваны. После некоторого времени был возведен деревянный мост, и мы переправились на другой берег. По подобной местности путь продолжается дальше*.

Временами встречаются изумительные места, все же везде пустынно и глухо. Вот так до Рославля, который целиком сожжен; в центре остались лишь печи и камины. Печь – центр и единственное культурное свидетельство блокаузов**. На ней спят, варят, стирают, пекут. Вокруг этой печи протекает вся жизнь.

1 октября

Ходят слухи о каком-то воззвании. Они становятся бьюлю, когда перед строем объявляют официальное воззвание. Причина этого очень грустная. Она вдвойне неприятна потому, что такое воззвание стало действительно необходимым. Речь шла о грабежах и о пресечении их драконовскими методами. К сожалению, хорошее воспитание часто забывается настолько, что могут случиться такие подобные вещи. Поздно ночью мы опять пекли замечательные блины***.

2 октября

Поздно ночью, в страшный холод выступление. На протяжении всего пути можно видеть, что все подготовлено к наступлению. Везде укрепленные мосты, строители работают по восстановлению дорог. Привал в Белом. Медленно едем вместе с др[угими] колоннами вдоль разрушенной ж[елезно]д[орожной] линии до наступления ночи. Мы проезжаем мимо зенитных орудий, танков, мотоциклистов, разведотрядов. С восьми часов вечера до следующего утра продвинулись вперед на целых 2 км.

3 октября

Находимся перед рекой Десна. Это та же самая река, через которую мы переправлялись у Чернигова. Русские соорудили доты (частично бетонированные) и противотанковые рвы. Ничего не может приостановить продвижение танков. Ландшафт: широкие холмы, достигающие иногда значительной высоты – 50 м; хлебные поля со стогами соломы; обширные леса (береза, сосна, ель). Очень редко попадаются блокаузы и колхозы. Большею частью одному из небольших домов принадлежит одиноко стоящий сарай и конюшня. Село располагается часто у ручья, на долине – колодцы. Марш продолжается до ночи. Пленных отправляют в тыл.

4 октября

Мореный ландшафт. Березовые рощи частично выжжены. Этот край немного напоминает Финляндию. Мы едем вместе с полевой кухней между бегущими впереди стрелками. Над нами кружится разведчик. Сумасшедшая война. Задерживаемся у переправы через ручей. Особенно эффективно действует здесь авиация. Часто в воздухе жужжат до дюжины самолетов. Один раз я насчитал 29 штук. Мы беседуем с товарищами из соседних колонн. Каждый что-нибудь знает. Рассказывают эпизоды из прошедших событий. Пересекаем ж[елезно]д[орожную] линию Смоленск – Тула. Ночуем в школе.

* Абзац отчеркнут простым карандашом.

** Так в документе. Das Blockhaus – оборонительное сооружение (воен.). Значения этого слова – «сруб» или «рубленный дом» переводчица дневника, видимо, не знала.

*** Текст за 1 октября отчеркнут волнистой линией красным карандашом.

5 октября

Бесконечные болота, колонны, пробки. В Глазово нам удалось хорошо побриться (сегодня воскресенье). Мы попытались завязать разговор с одной крестьянкой, муж которой тоже солдат. Она дала приют рабочим из Казани, которые находились на принудительных работах (земляные работы). Они, как и все, ругали комиссаров, плохое питание и тряпье, в которое они были одеты. Действие немецкой авиации приостановлено. Местность лесиста. Желтые березы, темные сосны представляют дивную картину. Ночь с 5 октября на 6 октября провели в холодной машине. Без малейшего сопротивления продвигаемся вперед через романтические долины, пашни, возвышенности, леса до Тиханово, поселок с 31 семейством. Сначала женщины боязливо смотрели на нас. Страх их пропал при виде нашего приличного обращения. Они подали на стол огурцы, хлеб, молоко, вскипятили чай в русском самоваре и были рады, что мы отказались от подушек, которые они положили нам на сено. Нам бросилось в глаза, что 25-летие большевиков не способствовало удалению икон из переднего угла комнаты. Как мне рассказывали женщины, в этом отношении была проведена большая пропагандистская работа.

7 октября

Прошли большое расстояние. Несколько километров шли по замечательному шоссе Рославль – Москва, до Юхнова. От Юхнова мы повернули вместе с двумя танковыми дивизиями на северо-запад. Расквартирование в Климовом Заводе. Дорога шла большей частью через леса. У рек Ресса и Угра простираются живописные долины.

8 октября

Продвигаемся дальше. За облаками слышен воздушный бой. Вообще, авиация действует очень активно. Справа и слева от дороги остались следы, которые свидетельствуют о работе авиации. Мы узнали, что в районе западнее Вязьмы окружено 36 дивизий. Разведдозор доложил, что все леса заполнены русскими. Мы заняли огневую позицию у Алексеевского, 10 км южнее Вязьмы. Дорога к железнодорожному узлу находится в ужасном состоянии.

Немецкие танки полностью уничтожили вражескую колонну с боеприпасами. У сожженной зенитной батареи валяются трупы. Изнуренные пленные устало плетутся назад. Небольшой отдых. На командном пункте батареи печем блины.

9 октября

Русские пытались прорваться на грузовиках целой колонной. Мы открыли по ним уничтожающий огонь. Долгое время стреляют зенитки, противотанковые орудия.

Впереди, наверное, большое количество русских. Даем несколько залпов по данной цели. Каждый луг, каждая дорога, каждая деревня взяты на мушку. Противник отступает на север; мы переносим огонь на д. Бачево*, недалеко от Вязьмы. Всю ночь на 9 октября мы обстреливали деревню. Я разговорился с одним солдатом, который охранял пленных.

Вдруг над нами прошумели две ракеты. Пленные подняли шум. Несмотря на ужасный холод, мы спали до утра. Я стоял на наблюдательном пункте

* Деревню на карте найти не удалось, возможно, Бобово.

и мог хорошо наблюдать, как немецкие зенитки обстреливают русскую колонну. Деревня, из которой мы корректировали огонь, полностью сожжена. Обугленные трупы свидетельствуют о том, что на этой высоте происходил бой.

11 октября

Находимся на огневой позиции. Русские не наступали, так что мы могли спокойно выстроить дот. Зато ночь была ужасной. Стрельба продолжалась полчаса – час, так как русские пытались прорваться. Спереди, сзади, слева, справа мелькали красные, зеленые, белые трассирующие пули. Кругом стрельба из пулеметов, зениток, винтовок. Ко всему этому наша батарея дает залпы. Находящиеся перед нами солдаты меняют позицию. Сзади нас обстреливают из пулеметов. Нам приказали отойти в тыл, мы были очень рады, что избавились от этого пекла.

12 октября

Расположились в Сергеевке. В квартире страшная теснота и спертый воздух. В небольшой комнатухе 4х5 м живут 13 мужчин, 10–11 детей, 3 или 5 женщин и 1 старик.

14 октября

Мы выезжаем через Вязьму⁴ на север, на шоссе Минск – Москва. Город переполнен войсками. Шоссе 10–15 м ширины представляет собой землю, булыжник или асфальт. В Царево-Займище – привал в крестьянском доме, в котором висит портрет Пушкина. Продвигаемся на восток, расположились в Сорокине. Домишки окрашены в разные цвета. Наша хозяйка – старая вдова*. В первую очередь она срывает со стены портрет Сталина (она, конечно, опасается за свою жизнь), но все же через некоторое время она предлагает нам, прежде всего, горячий чай, огурцы, помидоры, грибы, лук. Да, на прощанье она нам сказала, чтобы после захвата Москвы мы снова возвращались к ней. Мы замечательно провели две ночи. В то время как на улице бушует метель, мы спокойно спим в тепле. Утром выступление.

16 октября

У Ельни**, на холме, мы заняли огневую позицию. На северо-восток открывается прекрасный вид; за лесом видны чистые деревянные домики. Страшная ночь. Собачий холод. Ледяной ветер. А в такую погоду еще стоять на посту! Мы сидим в воронке, так как в ней нет снега, и разговариваем. Ясное, чистое, звездное небо. Как бы пришлось по вкусу такой «ночной курорт» нашим нытикам, находящимся в тылу? Вспоминаем старые времена.

17 октября

Смена позиций. По ту сторону леса находится противник. СС соединения рассказывали, что впереди русские обстреливают из «органа смерти», или «адской трубы»***⁵.

Во время обеденного перерыва мы были вынуждены отойти поближе к шоссе, так как кухня не могла приблизиться к передовой. Мы видели, как

* Далее конец абзаца отчеркнут простым карандашом.

** Речь идет о деревне Ельня на шоссе Минск – Москва, ныне Можайский район Московской области.

*** Так немецкие солдаты называли советские реактивные минометы, более известные как катюша. Абзац отчеркнут двойной чертой красным карандашом.

зенитная артиллерия подавила русский танк; в воздухе много пикирующих самолетов. Опять смена позиций.

Идем пешком. Проводим ночь под открытым небом. Снег, русские зенитки, русская артиллерия, холода, мы строим укрытие, пехота продвигается вперед, с огневой позиции трещат пулеметы. Так продолжается до утра 18 октября. Над нами кружат 9 пикировщиков. Мы стреляем трассирующими пулями, машем знаменами со свастикой, и товарищи понимают. Жестокий холод. Товарищи все переносят на 25 октября, так как надеются, что будут в этот день сменены. Мы опять оставляем нашу позицию, ни разу не выстрелив. Все же севернее шоссе, перед Можайском опять стоим перед передовой линией. Через час справа от нас проходят СС соединения и вскоре наталкиваются на сильное сопротивление противника. С передовой позиции слышна оружейная стрельба. Наконец, послышались два залпа. У меня всегда появляется странное чувство, когда вычисляем расстояние до цели. Цель – центр города.

19–20 октября

Мы ночуем вместе с эсэсовцами. Страшно тесно. Ночью русские командиры и младший командный состав атаковал деревню. Атака отбита. Один танк стреляет в нашей деревне. Оттепель. Идти очень трудно.

21 октября

Мы в Можайске, на огневой позиции⁶. Наша батарея не стреляет, потому что на позицию вывели большое количество батарей. Кроме того, стреляет наш конкурент*. Убиты унтер-офицер Гиттер и адъютант полка. Африканская дивизия проезжает на машинах, окрашенных под цвет болота⁷. Это либо плохой признак, либо признак того, что мы все же преодолеем оставшиеся до Кремля 100 км. Смена позиций. Стоим в городе, так как на дорогах пробка. Вечером заняли огневую позицию у Пушкино**. *Часть танков стреляет, часть – охраняет, другие же налетели на минное поле и вышли из строя.* Ночь провели под открытым небом.

22 октября

Заняли огневую позицию в Шаликово, у вокзала. За нами заняли позицию 210-мм мортиры. Ночью стреляют три орудия. В воздухе 36 советских пикирующих бомбардировщиков. *Русский показывает нам пример, как нужно организовывать длительное сопротивление.* Небольшое количество танков, противотанковых орудий, минометы и воздушные силы и, прежде всего, искусно заложенные мины сдерживают весь наш аппарат. *Уже были слышны радостные восклицания: «Русский ослаб!» Факты говорят о совершенно другом.*

23 октября

Русские обстреливают нашу огневую позицию, но безуспешно. *Минометный огонь русских оказывает большое действие даже тогда, когда мины ложатся неточно.* Огневая позиция находится в Смоленске***. Даем по

* Автор имеет в виду советскую артиллерию.

** Имеется в виду д. Пушкино Кожуховского сельского округа Можайского района. Далее конец абзаца отчеркнут красным карандашом.

*** Так в документе. На современных картах эта деревня не обозначена.

этой деревне несколько залпов. Контрнаступление русских отбито. Во второй половине дня батарея занимает огневую позицию в Шелковке. Я измеряю болотистую местность.

24 октября

Разбужен налетом русских бомбардировщиков. Осколок пробил дверку машины, через которую я хотел выбежать. Я только почувствовал, что что-то горячее течет по виску. Смотрю, на шапке дыра; чувствую кровь. Выступил пот; в голове шум. Этот утренний подъем нельзя считать приятным. Но это было лишь началом. Через несколько часов на бреющем полете налетели штурмовики. В этот раз тяжело ранен командир батареи: один осколок попал в голову, другой – в легкое. Его отправляют в госпиталь. В воздухе хаос. Все перемешалось. Ничего не понять. Батарея получила нового командира*.

25 октября

Мы отдыхаем, несмотря на непрерывный обстрел деревни русской артиллерией. «Громыхающая Мария»** пускает ночью целый сноп огня – настоящий фейерверк. Ночью чуть не сгорел наш дом. Отвратительная погода. Грязь. Харьков стал немецким городом.

26 октября

Наша огневая позиция в Шелковке проходит у шоссе. Перед уходом с этой позиции даем несколько залпов из крупнокалиберных орудий. Идем в северо-западном направлении. Переправляемся через реку Москву. В этом месте ширина реки достигает всего 20 м. От ее берегов простираются долина и холмы, покрытые лесом. Несмотря на отвратительную дождливую погоду, здесь много отдыхающих***. Проехав несколько километров, мы достигли г. Руза (где протекает река, имеющая название тоже Руза).

1 ноября

Все еще находимся на окраине г. Руза. Я всем «пресыщен», ибо из шести прошедших дней четыре дня я находился в полевом карауле. Идет дождь, снег, пурга, мороз – все вместе. В свободное от караульной службы время мы заняты служебными планами и воззваниями. Хлебный рацион непрерывно уменьшается. Почты нет уже шесть недель. Спать нет почти никакой возможности. Счастье, что командир батареи сам заботится о еде****.

В такой ужасной обстановке я вступаю в третий год войны. *Все разговоры вертятся вокруг вопроса, останемся ли мы здесь, и скоро ли наступит конец войне.* Эти разговоры всегда кончаются бранью и ругательствами. Редко найдешь человека, с которым можно было бы поговорить о другом. Просто горе, что ни с кем нельзя поддержать близких отношений и поговорить о серьезных вещах. Надеюсь, что к зиме произойдут какие-либо изменения.

Другие вопросы, которым год тому назад я придавал большое значение, например производство в чин, теперь меня совершенно не интересуют.

* Текст за 24 октября отчеркнут красным карандашом.

** Речь идет о реактивном миномете катюша.

*** Так в документе.

**** Абзац отчеркнут волнистой линией красным карандашом.

К сожалению, [поздно] приходишь до этого, хотя я и добровольно пошел на войну. Так в своих мыслях обрушиваются на гражданский долг, на частную жизнь. Какую пользу приносят в это время планы и надежды?..*

5 ноября

В один из прошедших серых дней мы выслали разведдозор по «организации» свиней (швайн-шпетрупп) в район севернее Рузы.

Низменная местность покрыта большей частью глиной и водой. Долины многих ручьев и сама р. Руза покрыты водой, местами – болотами. Леса украшают картину. Дивные сосны и ели сменяются березовыми рощами. Большой частью это высокоствольные деревья. Лес растет без всякого ухода, благодаря прекрасной плодородной почве, и оставляет незабываемое впечатление. Через него проходит шоссе и побочные дороги. В нем расположены селения с маленькими домиками, с небольшим количеством людей. Имеющиеся здесь свободные от деревьев места отведены для лугов и пашен. Здесь преобладает скотоводство, так как этому способствуют благоприятные климатические условия и богатая почва. По обеим сторонам дороги построены домики, похожие на скворечники. Это так называемые самостоятельные хутора (по 10 и больше домов каждый), расположенные на некотором расстоянии друг от друга. Они неоднородны, но в общем типичны. Отмечается зажиточность, правда, нет сравнения с зажиточностью деревень на Украине. Поражаемся чистоплотностью. Оконные рамы и ставни окрашены в разные цвета. Любимые цвета: светло-коричневые доски, белые окна и красная крыша. Лишь в единственном доме стены спальни и кухни обиты досками. В некоторых домах можно увидеть на окнах занавески, кроватей мало.

Народ очень гостеприимный, охотно отдает нам то, чем он владел, возможно, для того, чтобы быстрее избавиться от нас. Проведена коллективизация, но не так строго, как на Украине**.

16 ноября

Воскресенье. За прошедшую неделю ничего существенного не произошло. Два раза получали почту, которую встречали всеобщим восторгом.

18 ноября

Мы находимся в новом исходном районе в дер. Матвейцево, 20 км севернее Рузы, в 30 км от Истры. В концерте самодеятельности принимало участие 78 человек. «Веселая цыганская жизнь» (чрезвычайный доклад командира батареи и подобные шутки). Наши хозяева очень привыкли к нам, не хотят нас отпускать. За три недели, которые мы прожили у них, установились замечательные отношения. Местность, на которой мы остановились, холмиста. На ней преобладает ель. Деревни зажиточны, дома художественны. После обеда сегодня командир батареи наградил меня Железным крестом II класса. У меня мелькнула мысль: «Ты пойдешь так же далеко, как и твой отец». Документ подписан генералом, командующим 40-го танкового корпуса. Я предполагаю, что эту награду дали мне за дни, проведенные на шоссе к Вязьме. Возможно, за артиллерийские измерения.

* Абзац отчеркнут волнистой линией красным карандашом.

** Абзац отчеркнут волнистой линией красным карандашом.

19 ноября

Занимаем огневую позицию у Лысково. Страшные холода. Пронизывающий ветер. В полдень не потеплело. Вдруг просвистел снаряд, который разорвался в дер. Слобода, недавно занятой нами. Ночь провели вместе с эсэсовцами в дзотах.

20 ноября

Утром разведывательная команда заняла новую позицию. У ручья мы провели линию охранения. Цель, обстреливаемая нами, располагалась на возвышенности. Наш огонь был очень эффективным. На поле остались убитые. Напрасно мы заняли огневую позицию № 34 у имения Бородёнки. Цель была достигнута*, кажется, без сопротивления. Хороший и одновременно плохой признак. Переночевали в имении.

26 ноября**

Наконец я пришел «в память». Повод к тому был очень печальный: Курт Кюне – шеф-повар – убит осколком мины, Супп Тухе, Сонни-бой, тоже нет в живых. Что произошло со времени выступления из Бородёнок?***

Уже 22 ноября идем дальше через бесконечный лес. Селения расположены большей частью в долинах. Мы, как разведывательная команда, едем впереди и видим, как СС пошли в наступление. Противотанковые орудия, танки и пехота. Много молодых лиц, на которых не видно отпечатка происходящих событий, даже у командиров. Значит – эрзац-части. Рассказывают различные небылицы. С огневой позиции № 87 у Троицы выпустили 36 выстрелов.

Устройство квартир представляет много трудностей. Ужасная ночь.

23 ноября

Днем заняли позицию у Веретенек. Наступление развивается дальше. Русские застигнуты врасплох, но они продолжают упорно стрелять своими ракетами. Невыносимый холод. Вместо ног у людей какие-то ледяные глыбы, которые они попеременно бьют о землю. Я ловко устраиваюсь на командном пункте СС. Командир СС с восторгом рассказывает о Брюсселе, Париже, Бискайском заливе и прочих «рыболовных походах» по винным подвалам Франции. Я лег на печку и молниеносно погрузился в глубокий сон****.

24 ноября

Как разведывательная команда идем впереди через лес до Горок. Заняли позицию на ферме. Маленькие, веселые домики тают на глазах, так как прожорливый огонь съедает один домик за другим. Ночь опять холодная. Утром, когда я размягчал молотком сапоги, они глухо звенели. В течение дня дивизион переправился за реку, двинулся в направлении Глебово, но позиции не занимал. Несмотря на это мы все время стреляли. Кажется, СС возлагают на нас большое доверие и всякий раз требуют нашего действия, когда в какой-либо деревне противник оказывает сильное сопротивление. Жаль только квартиры. Мы уже видели достаточно плохих примеров*****.

* Далее до конца предложения текст вписан над строкой.

** Так в документе. Вероятно, запись сделана 22 ноября.

*** Абзац отчеркнут красным карандашом.

**** Текст за 23 ноября отчеркнут красным карандашом.

***** Далее конец абзаца отчеркнут красным карандашом.

От перегрева опять сгорела печь, что сократило нам ночной отдых. Поздно вечером узнали, что наша цель – Истра – взята⁸. Что будет дальше?

3 ноября*

Прошедшую неделю провели в земляном блиндаже. 27 ноября проехали через г. Истра, находящийся в 30 км от Москвы. Этот город представляет из себя прямоугольник, застроенный деревянными постройками. Единственное достопримечательство, заслуживающее внимания, – это монастырь, расположенный высоко над рекой⁹. Русские сосредоточили в нем крупнокалиберные орудия; мы находимся по ту сторону понтонного моста в состоянии боевой готовности. Каждый поспешно окапывается на песке. Располагаемся в комфортабельной квартире портного. На стенах картины, написанные масляными красками, изображающие Альпы и русского пастуха, стоящего перед горящей хижинкой. Общее настроение определяется событием, происходящим за нашим домом. *Эсэсовцы непрерывно расстреливают одного пленного за другим. Отвратительное ремесло! С холодным спокойствием русские один за другим подходят к сараю, становятся к стене, как будто ничего особенного не происходит, и дают себя расстреливать. Такого стального, преданного фатализма** я еще никогда не видел! Только один из пленных что-то просит, но его не понимают и расстреливают***.*

28–[30] ноября

Мы остаемся на позиции и, как всегда, стреляем на восток. Русский крупными силами бомбит Истру. Возникает много пожаров, продолжающихся до ночи. Артобстрел, навешение**** авиации и холод – вот вехи сегодняшнего дня. Рано утром 29 ноября продолжаем марш до Павловского. Мы вместе с командиром первые занимаем позицию и оборудуем роскошный дот с печью. К сожалению, во второй половине дня снова смена позиций. Тащим батарею через овраг. Мы беседуем с СС, которых должны отвести в тыл. Они не сомневаются в этом. 30 ноября заняли огневую позицию у Манихино, здесь нашли тоже прекрасный дот. В комнате страшная теснота.

1–[3] декабря

Сегодня, как и в прошлом году, день памяти павших героев. Меня производят в унтер-офицеры. Ровно год тому назад меня произвели в ефрейторы. Искренне рад своему повышению, хотя к знакам различия отношусь равнодушно. Ночью представился командиру батареи. Он был в хорошем настроении и напомнил мне, чтобы я копил средства для празднования этой даты в Германии. Ледяной холод (–23°). Уже не ново. Привыкаешь ко всему! 2 и 3 декабря проводим на огневой позиции. Изредка стреляем. *Очевидно, наступление развивается не особенно бурно. У меня такое чувство, как будто мы очень осторожно подкрадываемся к лакомому куску*****.*

* Так в документе. Вероятно, запись сделана 27 ноября.

** Так в документе. Возможно, фанатизма.

*** Подчеркнутый текст отчеркнут красным карандашом двойной чертой, отмечен знаком «NB», также подчеркнутым двойной чертой.

**** Так в документе. Имеются в виду налеты.

***** Текст за 1 декабря отчеркнут волнистой линией.

4 декабря

Переносим огневые позиции на несколько километров вперед; между Крюково и Ленино строим дот. Ничего существенного не произошло. Ночь страшно холодная; сильная стрельба. Беседую с помощником командира батареи (он помещик) о крестьянстве в частности и о сельском хозяйстве вообще.

5 декабря

Утро. Узнаю о ранении Рау, помощника командира батареи. Спустя некоторое время даем два полузалпа. Начинается день «отдыха» в дер. Крюково. Моемся, бреемся и убиваем маленьких животных. Все удивляются, что несмотря на мороз (ночью было 38°), боевые действия продолжаются. Вечером имели возможность видеть Рау. Он все еще лежит на командном пункте дивизиона. Жаль, что мне приходится расставаться с ним*.

6 декабря

Целый день проводим на огневой позиции. Узнаю, что добродушный ездовой Рольте тяжело ранен. День у нас, во втором эшелоне, проходит вяло. *Но впереди – настоящий ад. Русские наступают, не считаясь с потерями.* Ночью наша артиллерия приостанавливает наступление противника. Огонь перемещен на деревню (Рождествено). Из русского батальона в 500 человек могли выйти из-под огня 50 человек. За передней линией сопротивления весь склон покрыт бесчисленными дотами, блиндажами, рядами колючей проволоки и другими полевыми укреплениями. Наше командование решило отойти к линии главного сопротивления. Говорят, что мы оставим даже Истру, которая находится [в] 10 км западнее от нас. Мы дали последний выстрел и пошли спать. Рано утром 7 декабря нас разбудили обозники. Все рады, что предстоит так называемый «перенос огневых позиций назад». Интересен, между прочим, транспортный вопрос. Одна батарея второго дивизиона примерзла к месту, так что утром ни одно орудие невозможно было пустить в ход. Мы едем назад. Ночь проводим в Санниково**.

8 декабря

В два часа ночи нас разбудили. В плохом настроении двинулись дальше. Сломался рычаг переключения передач. Пробуем действовать молотком и ключом. Проезжаем несколько километров в направлении на Истру. Сломалась лебедка. Ни назад, ни вперед! Мы заговорили с саперами № 48***, которые строили и подрывали мосты. Досада! Какой-то паршивый тягач с плохим водителем подвез нас за девять часов на 40 км. На промежуточной остановке слушали радио: Япония объявила войну США, и ее авиация уже активно действует на Тихом океане¹⁰. Два линейных корабля, авианосцы, 50 самолетов и т.д. показывают Рузвельту, что его страна поставлена на карту. Утром 9 декабря проследовали через Волоколамск в [Большое] Никольское, где обоз уже закрепил за нами квартиры.

10 декабря

Едем на окончательную квартиру в Нелидово. Ничего особенного она из себя не представляет.

* Текст за 5 декабря отчеркнут волнистой линией.

** Текст за 6 декабря отчеркнут волнистой линией.

*** Так в документе.

11 декабря

В послеобеденное время слушали правительственную декларацию. Фюрер совместно с Италией и Японией объявил войну США. Большое впечатление произвели на меня, прежде всего, высказанная идея о совместной борьбе и историческое развитие этого факта. Разрыв дипломатических отношений с Рузвельтом и его «супругой» – шедевр политических дел. *Я был удивлен необычно малой цифрой наших потерь на Востоке. Всего около 200 000 человек.* Товарищи встретили эту речь единственным вопросом: «Насколько все из-за этого затянется?» И все-таки каждый понимает необходимость этого мероприятия.

17 декабря

Наши хозяева являются образцами гостеприимных людей. Они принесли воды, дрова, затопили печь, хотя мы и не требовали этого. Маленький сын хозяйки показал себя с хорошей стороны. Хотел научиться говорить по-немецки, но не мог произнести «ö» и «ü». В служебное время мы рисовали карты и писали сочинения. 12 декабря устроили вечер самодеятельности. Собрали 500 марок в кассу батареи.

Результаты хорошие, не правда ли?

23 декабря

Нас, артиллеристов, послали в качестве пехоты на подкрепление дивизии СС «Райх». Обороняем Рузу. Были в Добвицкой, переехали в Иваново, которое бешено обстреливается противником. Все время в ходу пароли. Фюрер взял на себя командование центральной армейской группировкой. Тобрук делает успешные вылазки. *Геббельс попросайничает: «Дайте зим-*

Немецкие захоронения. 1941–1943 гг. РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 4. Д. 78. Л. 10

ние вещи». Но настроение наше все же сносное. Сойдет! Рождественский праздник встретили в доте! Никогда не забуду*.

29 декабря**

Наконец имею возможность написать. Незабываемое Рождество 1941 г. уже позади. Сочельник застал нас в доте, у костра: сыро, холодно, сидим скрючившись, *кушать нечего. Нет ни хлеба, ни напитков, ни света, а есть только сознание того, что будет наступать русский.* Лейтенант Гейдель убит. Только принесенный мне милый пакетик «Неизвестному от неизвестной девушки» озаряет наши мрачные лица. Даю каждому по одной папиросе. Хороший запах одурманивает нас. *Мы мурлычем старые песни «о мире на земле», который еще так далек.*

Ранним утром 25 декабря посылаю разведдозор к соседней роте. Ясное зимнее небо; стрельба. Лейтенант Ладендорф с пятью товарищами пал во время разведки. 12 человек ранено.

26 декабря

Перестраиваем дот, который слишком мал. Стащил печную трубу, при этом захватил русского, удивленно смотревшего на меня, и привел на командный пункт роты. Самая страшная ночь была на 27-е. Я команду строительными работами, строим доты. Днем пробуем уснуть сидя. Ночью – патрулирование, проверка и пр. Ветер метет в потрескавшееся лицо острые как бритва снежные кристаллы. Ужасная зубная боль. В деревне ломаем сарай для постройки блиндажей***. По глубокому снегу (достигает выше колен) тащим балки на расстояние 500 м в лес. Ночь коротаем под артиллерийским и минометным огнем противника. Некоторые из моих ребят просто свалились в снег. Они, так же как и я, давно по-настоящему не спали ни одной минуты. Так проходит день за днем. Продолжаем строить доты. Мой левый глаз распух, но прекращать работу нельзя. Ее нужно закончить.

1942 г.

6 января

Снова пробую записать сразу за несколько дней. Новый год прошел спокойно. Получили плитку шоколада. Ночью, в 11 часов, русские открыли стрельбу, в 12 часов – мы. Какая-то бессмыслица. Так мы вступили в новый год, совершенно не выпив ни капли водки. Памятное событие!****

Дни проходят однообразно. Сидим в дотах, спим, высылаем разведдозоры. *Рабочие команды получили хорошую пищу. Многие приписывают это личным заботам со стороны Адольфа. Я этому не верю. По-моему, просто подвоз стал лучше работать.*

Русские наступают каждый день безудержно, храбро. При этом они показывают, как они мало обучены. Они открыто передвигаются по обеим сторонам р. Руза и удивляются, что являются жертвой наших пулеметов. Целыми днями они ведут по нам артиллерийский и минометный огонь. На нашей стороне потерь нет. *Атаки русских проводятся без всякой системы и*

* Текст за 23 декабря отчеркнут волнистой линией.

** Так в документе. Видимо, запись сделана 25 декабря.

*** Далее до конца абзаца текст отчеркнут волнистой чертой.

**** Далее до конца записи за 6 января текст отчеркнут волнистой чертой.

редко подготовлены. В полутора километрах от нас – в дер. Шульгино – за-
сели 150 сталинских учеников, которые, переодевшись в гражданское пла-
тье, пытаются поодиночке вести разведку. Все они были поставлены к стен-
ке*. Все они стойко держатся до самой смерти.

14 января

Я указываю четырем минометам на важнейшие цели, находящиеся
в предполье. У всех на устах опять разные девизы. Сам командир бригады,
рыцарь, энергичный человек, предсказывает нам, что через несколько не-
дель такой отвратительной жизни наступит конец.

16 января

Пишу последний раз. Нам предстоит поход назад, как «настоящей» пе-
хоте с разведдозорами и арьергардами. Деревня сожжена. У меня ужасные
зубные боли. Прошедшие дни были такими тяжелыми! Удивительно. Чело-
век может привыкнуть ко всему. Пришла почта. Какая радость! Есть наде-
жда на будущее, это очень, очень важно. Меня очень тронула смерть одно-
го лейтенанта. Еще недавно он говорил о прекрасном будущем. Сообщил
его жене. Надеюсь, что мои строки немного утешат ее.

Перевела: переводчик 7-го отдела п[олит]у[правления]

Запфронта техник-интендант 2-го ранга

29 апреля [19]42

Отп[ечатано] в 3-х экз.

Троицкая

РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 645. Л. 1–16. Перевод с немецкого подлинника.

¹ Юнгер Эрнст (1895–1998) – немецкий писатель. В Первую мировую войну вое-
вал на фронте, офицер, удостоен высоких наград за храбрость. Оставался в армии до
1923 г. Пережитое на войне отобразил в книге «В стальных грозах» (1920 г.). В сбор-
нике эссе «Авантурное сердце» (1929 г.; новая редакция 1938 г.) дал развернутое из-
ложение своих взглядов: гуманистические ценности и убеждения иллюзорны; постро-
енная на них жизнь нереальна, действительность состоит из «трений и столкнове-
ний»; в их вольном противостоянии и участии человек обретет полноту бытия. Под-
линной и осмысленной является лишь жизнь искателя приключений и авантюриста.
Политические выводы из этой философии «героического реализма» сделаны в кни-
ге «Рабочий» (1932 г.), аллегорическом романе «На мраморных утесах» (1939 г.).
Книга «Мир» (1948 г.), законченная в 1943 г. и распространявшаяся тайно, свиде-
тельствует о поразительном обращении автора в некий одушевленный религией гу-
манизм. Дневник времен Второй мировой войны «Лучи» (1949 г.) показывает будни
штабного офицера Юнгера во Франции. Автор утопического романа «Гелиополис»
(1949 г.), путевых заметок «Атлантическое путешествие» (1947 г.) и «Сарацинская
башня» (1955 г.), «Книги песочных часов» (1954 г.), произведений «Стеклянные пче-
лы» (1957 г.), «Стена времени» (1959 г.), «Мировой порядок» (1960 г.), «Числа и бо-
жества» (1974 г.) и других, в которых подверг критике современное общество «тех-
нической цивилизации». В России вышли его книги: «Рабочий; Господство и геш-
тальт; Тотальная мобилизация; О боли» (СПб., 2000); «Гелиополь: Ретроспектива го-
рода» (СПб., 2000); «В стальных грозах» (СПб., 2000). (См.: *Карельский А.В.* Станции
Э.Юнгера // *Иностранная литература.* 1964. № 4.)

² Правильная передача иностранных географических названий в дневнике О.Зай-
больда была, судя по всему, для переводчицы нелегкой задачей. «Женевское озеро» она,

* Предложение вписано чернилами на левом поле страницы.

похоже, просто пропустила и ей пришлось вписать это название в машинописный текст чернильным карандашом. Тем же карандашом она «исправила» первоначальное название «Бреслау» на Бреславль – такое название старинного польского города Вроцлава, соответствующее древнеславянскому, часто употреблялось в СССР до и во время войны. Но что имел в виду автор дневника под «Ренне»? Может быть, это французский Рен в Бретани. Но если Зайбольд на своем военном пути побывал и в Дании, то это название должно читаться как «Рёнен». С таким названием в Дании два городка – один на острове Борнхольм, другой в Ютландии. Точно так же Брюн может быть небольшим городком Брюне около норвежского Ставангера, а может и Брюнном – так по-немецки называется чешский Брно. Названия уточнялись по: Иллюстрированный атлас мира. Лондон; Нью-Йорк; Монреаль; Москва, 2002. С. 66, 68, 78.

³ Официальная дата оставления Киева – 19 сентября 1941 г., когда части 37-й армии ушли на левый берег Днепра, взорвав за собой все мосты. (См.: Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 331, 334.) Либо О.Зайбольд записал слух о взятии украинской столицы, уже циркулировавший среди немецких солдат, либо объединил в записи под 18 сентября 1941 г. события нескольких дней.

⁴ В ходе Вяземской операции 1941 г. советские войска 7 декабря оставили город. Гитлеровцы превратили его в мощный укрепленный пункт. Город был освобожден 12 марта 1943 г. в ходе Ржевско-Вяземской операции.

⁵ Работы над реактивными снарядами (РС) начали в Газодинамической лаборатории Н.И. Тихомиров и В.А. Артемьев еще в 1921 г. В 1929–1933 гг. проходили испытания различных типов РС и установок для их запуска. Доводка РС проводилась в Ракетном НИИ под руководством Б.С. Петропавловского и Г.Э. Лангемака. В 1937 г. РС калибром 82-мм (БМ-8) были приняты на вооружение ВВС СССР. В 1938–1941 гг. в этом же институте был создан многозарядный станок для запуска РС, смонтированный на грузовом автомобиле. Эта установка под обозначением БМ-13 была принята на вооружение накануне войны, использовала 132-мм реактивные снаряды. Боевое крещение БМ-13 произошло 14 июля 1941 г. Батарея капитана И.А. Флерова дала залп по железнодорожной станции Орша. Вырываясь со своей батареей из окружения, капитан Флеров погиб, личный состав подорвал боевые машины, чтобы врагу не досталось секретное оружие. (Великая Отечественная война... С. 605–606.)

⁶ Бои на подступах к Можайску начались 12 октября 1941 г. После упорных и продолжительных боев 18 октября советским войскам пришлось его оставить. В Можайске был установлен жесткий оккупационный режим, создано несколько концлагерей для военнопленных. С началом контрнаступления под Москвой войска Красной армии 20 января 1942 г. взяли город штурмом.

⁷ Почему О.Зайбольд называет дивизию «африканской», неясно. Нет никаких сведений о переброске уже в 1941 г. каких-либо дивизий из Африканского корпуса Э.Роммеля на Восточный фронт. Скорее всего, эта дивизия когда-то готовилась к отправке в Африку, но вместо этого угодила под Москву.

⁸ В ходе Московской битвы 1941–1942 гг. Истринский район был ареной ожесточенных боев. 27 ноября 1941 г. Красная армия оставила город. Истра освобождена 11 декабря 1941 г. в ходе Клинско-Солнечногорской наступательной операции.

⁹ Имеется в виду Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, основанный в 1656 г. патриархом Никоном в качестве резиденции. Соборный храм обители освящен в честь Воскресения Христова. Задуманный как копия Иерусалимского, он выстроен в 1658–1685 гг., закрыт в 1918 г. С 1920 г. в его помещениях работал художественно-исторический и краеведческий музей. 10 декабря 1941 г. немецко-фашистские войска взорвали собор, колокольню, крепостные башни и стены. Пожар уничтожил все постройки. После войны начались восстановительные работы. 18 июля 1994 г. монастырь возрожден.

¹⁰ Во Вторую мировую войну США вступили после нападения японцев на американскую военную базу Перл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г. Уже 11 декабря США объявили войну Японии и ее союзникам – Германии и Италии.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 2. Первая половина XIX века / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост.: Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 720 с. – 800 экз.

Выход в свет данного справочника – одно из самых заметных событий последних лет в области российской историографии. Это наглядное воплощение в жизнь давно созревшего в Археографической комиссии РАН замысла, последовательно реализуемого С.О. Шмидтом и его сотрудниками¹, который, бесспорно, еще долго будет вызывать благодарность историков, коих нить исследовательского поиска неизбежно приводит в архивохранилища.

В выпуск включены развернутые описания более 300 личных фондов, находящихся в десятках разбросанных по России и ближнему зарубежью хранилищ и принадлежащих 181 российскому историку, не говоря уже о весьма ценной библиографической информации. Здесь приведены сведения об архивах не только историков, но и археологов, этнографов, фольклористов, археографов, архивистов, библиографов, собирателей рукописных и прочих древностей, музейных работников, краеведов. Очевидно, такой подход продиктован самим уровнем специализации, достигнутым российской наукой в первой половине XIX в., и позволяет уловить типичные для того времени, но непривычные сего-

дня формы и способы бытования исторического знания. Можно только приветствовать включение в каталог описаний фондов таких литераторов, как В.А. Жуковский и П.А. Вяземский, чье участие в историографическом процессе, как правило, обходят стороной. Но не совсем понятно, почему за пределами рецензируемого издания остались личные фонды автора «Истории Пугачевского бунта».

Большой заслугой создателей каталога следует признать их стремление не ограничиваться характеристикой творческих материалов, которые традиционно занимают главное, если не исключительное, место в историографических штудиях. Между тем обильно представленные и часто очень подробные аннотации служебных и биографических документов, эпистолярного наследия творцов исторической науки позволяют увидеть обычно ускользающие от внимания исследователей, но немаловажные аспекты историографической ситуации указанного периода. Так, переписка, даже не всегда хорошо сохранившаяся, порой дает возможность судить и о вовлеченности того или иного ученого в жизнь научного сообщества, и даже о степени оформленности последнего, его появляющихся и исчезающих центрах притяжения. Поэтому можно лишь сожалеть, что в каталоге не нашлось места сколько-нибудь развернутому описанию обширного эпистолярного наследия М.П. Погодина из его фонда в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, тогда как, к примеру, обзор полученных его соратником по журналу «Москвитянин» С.П. Шевыревым писем от 558 корреспондентов содержит перечень пример-

но трети их имен, что, несомненно, упрощает предварительное знакомство с материалами его переписки.

Что же касается биографических и служебных документов, то даже поверхностного знакомства с их описанием достаточно, чтобы понять, насколько важную роль в исторических изысканиях первой половины XIX в. играло любительское начало. По беглым подсчетам, по крайней мере, для двух третей из представленных в данном издании исследователей занятия историей не были источником основного и относительно постоянного дохода. Очевидно и то, что деятельность большинства из них протекала вне руслу тех направлений и школ, поисками которых, главным образом, и занимались историки отечественной исторической науки. Словом, материалы каталога заставляют заново задуматься о принципах организации российского историографического пространства в ту эпоху, отнюдь не сводимого, как выясняется, к магистральному пути от Н.М. Карамзина к В.О. Ключевскому.

Трудно не согласиться с одним из программных тезисов издания о неизбежной условности деления историков на две группы: первой и второй половины XIX в., особенно когда в силу выступают соображения объема томов². И все же, думается, выбранный составителями критерий – смерть исследователя до или после 1880 г. (С. 3) – отчасти можно было бы скорректировать с учетом принадлежности его к тому или иному поколению. Во всяком случае, не включенные в данный выпуск П.И. Мельников (Печерский) (1818–1883) и Н.Н. Мурзакевич (1806–1883) смотрелись бы на его страницах более органично, чем П.П. Пекарский (1827–1872) или А.П. Щапов (1831–1876). Тем более что иногда, как, скажем, для С.Г. Строганова (1794–1882) и А.М. Кубарева (1796–1881), составителями были сделаны исключения.

Впрочем, менее всего каталог заслуживает упрека в неполноте. Скорее, следовало бы говорить о превышении его заранее объявленной программы, согласно которой «круг историков ограничивался лицами, жившими и работавшими в России, в советское время – на территории СССР»³. Так, в рецензируемом выпуске можно найти описания фондов галичан, поданных Австрийской империи – Д.И. Зубрицкого и И.Н. Вагилевича. Но, без сомнения, подобные «излишества» встретят только признательность со стороны тех, кто будет обращаться к каталогу. Самое ощутимое упущение составителей – отсутствие в нем описаний фондов А.Д. Черткова (1789–1858) и С.В. Ешевского (1829–1865), хранящихся в отделе письменных источников Государственного исторического музея (Ф. 445, 312). Однако эти единичные пробелы выглядят на фоне в целом очень добросовестной работы всего лишь как досадные, но вполне поправимые недоразумения.

Не так заметно отсутствие в каталоге описания материалов Н.А. Елагина из семейного фонда. Имя составителя «Белевской вивлиофики», конечно, не относится ни к первому, ни ко второму ряду историков своего времени, и его историческое наследие сравнительно невелико. Но, думается, обзор материалов еще одного автора-провинциала не был бы лишним в этом справочном издании, где москвичи и петербуржцы, что называется по определению, должны были оказаться в привилегированном положении. Представители провинциальной историографии первой половины XIX в. и их наследие могли получить полноценное отражение в каталоге только при наличии специального внимания к ним. Без этого декларируемое намерение по возможности фиксировать «все сведения о комплексах материалов и даже об отдельных документах данного историка в составе

других фондов»⁴ неосуществимо. Яркий пример тому – судьба бумаг священника из Нерехты Костромской губернии М.Я. Диева, чье имя лишь однажды встречается в рецензируемом издании, что едва ли соответствует той роли в историографическом процессе 1830–1850-х гг., которую исполнил сей усердный поставщик местных материалов для изданий М.П. Погодина, И.М. Снегирева, Общества истории и древностей российских. Обращение к фонду последнего, а также к собранию А.А. Титова в отделе рукописей Российской национальной библиотеки могло хотя бы отчасти компенсировать отсутствие личного фонда этого по-своему интересного историка и археолога.

По сравнению со столицами условия российской провинции, как правило, весьма мало благоприятствовали сохранности материалов местных историков, тем более образованию на их основе личных фондов. Поэтому реконструкция их архивов даже в виде сводки упоминаемых в литературе сведений о рукописях, по всей видимости, слишком трудоемкая задача для столь немногочисленного авторского коллектива. Однако самая общая информация о степени сохранности различных фондов существенно помогла бы в последующих историографических поисках. Иначе существует опасность, что исследовательские усилия сосредоточатся на освоении наследия тех немногих, чьи собрания отличаются обширностью и полнотой, в ущерб многочисленным историкам, личные фонды которых сохранились лишь фрагментарно либо не уцелели вовсе. Эти последние, вероятно, также заслуживали упоминания в предисловии. В первую очередь речь идет даже не о представителях провинции, чьи материалы время от времени всплывают в исследованиях современных специалистов по региональной истории и в работах краеведов. Больше всего рискуют остаться в забвении истори-

ки, и без того уже давно оказавшиеся на далекой периферии исследовательского внимания, но без которых картина развития российской историографии обречена оставаться неполной. Это и автор «Повествования о России» Н.С. Арцыбашев (Арцыбышев), и казанский и дерптский профессор русской истории Н.А. Иванов, и умерший молодым историк-славянофил Д.А. Валуев, и один из крупнейших в свое время историков Церкви Филарет (Гумилевский), и специалист в области хронологии П.В. Хавский, и многие другие.

Следы невольного пренебрежения к этим фигурам можно обнаружить и на страницах каталога. Так, в именном указателе Филарет, епископ Рижский, и Филарет, епископ Харьковский, приводятся как разные лица наряду с Филаретом (Гумилевским), тогда как все это различные ипостаси одной и той же исторической личности. Наверное, можно было бы уточнить, хотя бы с помощью известного словаря «Русские писатели. 1800–1917», инициалы надворного советника Макарова, автора письма о сооружении памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле⁵. Вместе с тем совершенно очевидно, что подобные недочеты объясняются скорее состоянием научной разработанности всего колоссального массива историографических источников, архивная часть которого впервые представлена в таком объеме в каталоге, чем недобросовестностью составителей. В то время как большинство даже опубликованных исторических сочинений еще не стало предметом изучения, пожалуй, только справочник об отечественных историках, аналогичный упомянутому словарю, позволил бы свести неизбежные потери к минимуму. А поскольку в современных условиях приходится рассчитывать не столько на избежание ошибок, сколько на возможность вносить поправки по мере их обнаружения, такой справочник осуществим разве что в форме

доступной многим исследователям и постоянно пополняемой электронной базы данных, о которой пока остается лишь мечтать.

Впрочем, независимо от высказанных соображений можно быть уверенным, что каталогу суждено надолго стать настольной книгой для тех, кто занимается историографическими

проблемами первой половины и середины XIX в. Благодаря этому своеобразному путеводителю по кабинетам русских историков времен Н.М. Карамзина, М.П. Погодина и С.М. Соловьева существенно облегчается решение множества задач, стоящих сегодня перед историей отечественной исторической науки.

¹ Первый выпуск, посвященный XVIII в., увидел свет в 2001 г.

² См. также: *Афиани В.Ю., Мироненко М.П.* К изданию первого выпуска «Каталога личных архивных фондов отечественных историков: XVIII век» // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 43.

³ Там же. С. 41.

⁴ *Шмидт С.О., Афиани В.Ю., Мироненко М.П.* Справочник об архивах отечественных историков XVIII–XX вв. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции 25–26 февраля 1999 г. М., 1999. С. 57.

⁵ Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 3: К – М. М., 1994. С. 468.

В.В. БОЯРЧЕНКОВ

Раздорский А.И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916): Сводный каталог и указатель содержания / Ред. В.В. Антонов. СПб.: РНБ, 2007. – 960 с. – 1000 экз.

Ценность историко-статистических описаний епархий как источников по регионалистике России хорошо известна ученым и библиографам начиная с времен В.И. Межова и братьев В.П. и П.П. Ламбиных. Вместе с тем такой полный и подробный указатель епархиальных описаний, включающий не только публикации, но и рукописи, выходит впервые. В нем 54 описания 40 епархий, изданных самостоятельно; шесть описаний пяти епархий, выявленных в журналах, газетах и сборниках; три опубликованных «Материала» для историко-статистических опи-

саний двух епархий; 25 рукописных описаний или их частей 13 епархий, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

В «Предисловии» автор уделит должное внимание как разработкам своих предшественников, так и методике сбора сведений об описаниях, сохранившихся в отечественных и зарубежных хранилищах. Самостоятельный интерес представляют результаты его исследований по истории описания епархий: начало этой работы Раздорский связывает не с особым определением Синода от 19 мая 1850 г.¹, как принято считать, а с инициативой на местах. Это характерно и для губернских памятных книжек, которые стали издаваться примерно в то же время². Однако есть и отличия: если губернские памятные книжки издавались официальными организациями (губернскими статистическими комитетами и правлениями, редакциями

губернских ведомостей), то первые историко-статистические описания епархий – частными лицами, обычно не занимавшими руководящего положения в епархиях. Так, в Олонецкой епархии (1832 г.) этим занимался местный архиерей Игнатий (Семенов), в Могилевской (1832 г.) – протоиерей Калужского кафедрального собора Семен Зверев, в Оренбургской (1836–1839 гг.) – протоиерей Иоанн Бреев, в Казанской (1845–1848 гг.) – бакалавр местной духовной академии, впоследствии известный публицист Г.З. Елисеев. Все перечисленные описания, находившиеся в разной степени завершенности, остались в рукописи; первыми публикациями были «Историко-хронологические описания церковной епархии Херсонской и Таврической» (Одесса, 1848), составленные епископом Гавриилом (Розановым), и «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» (М.; Харьков, 1852–1858), работу над которым харьковский епископ Филарет (Гумилевский) начал в 1848 г. по собственной инициативе (С. 14–16).

Координирующая роль Синода в составлении подобных описаний сохранилась недолго (с 1850 по 1868 г.); впоследствии они издавались по инициативе местных консисторий, правлений духовных семинарий, редакций церковных ведомостей, церковно-археологических обществ и др. А.И. Раздорский приводит общий итог издательской деятельности в этой сфере с 1848 по 1916 г. – 60 историко-статистических описаний 42 из 68 епархий и одного экзархата на 1917 г. (С. 28).

В основной части справочника – «Сводном каталоге» – приведены общие для большинства описаний элементы содержания, включающие историю распространения христианства на территории епархии, а также сведения об иерархах, монастырях, историко-статистические описания приходов. Во многих из них встречаются реалии, выходящие за пределы церковной ис-

тории. Так, в «Историко-статистическом описании церквей и приходов Волынской епархии», составленном преподавателем Волынской духовной семинарии Н.И. Теодоровичем (Почаев, 1888–1903), дана информация о медико-санитарном состоянии местности, народных обычаях, численности пьяниц и сифилитиков, количестве водяных мельниц, пожаров, еврейских синагог и молелен, списки представителей флоры, фауны и т.д. (С. 75–81). В выполненном Филаретом (Гумилевским) «Историко-статистическом описании Черниговской епархии: общий обзор» (Чернигов, 1861) отражены события как церковной, так и гражданской истории XVII – первой половины XIX в.

Судя по сиглам, к числу редких учтенных изданий относится сохранившееся только в Институте научной информации по общественным наукам РАН и в Санкт-Петербургской духовной академии «Историко-статистическое описание С.-Петербургской епархии» (без обозначения места издания), датируемое А.И. Раздорским 1860-ми гг. Большинство других сохранилось, по крайней мере, в нескольких экземплярах. Отметим также, что целый ряд описаний епархий (Владивостокской, Владикавказской, Гродненской, Литовской, Омской, Таврической, Черниговской) отсутствует в региональных хранилищах, и сведения об их местонахождении принесут большую пользу исследователям.

Одним из достоинств «Сводного каталога» является атрибуция авторства ряда анонимных текстов. Вместе с тем жаль, что в справочнике не нашли отражения известные составители по многочисленным источникам³ рецензии на учтенные им издания: во многих из них имеются ценные уточнения.

Не меньший интерес представляют приложения. В первом («Описания епархий, опубликованные в журналах и сборниках и не издававшиеся от-

дельными книгами. Роспись содержания») учтены публикации в Воронежских, Вятских, Подольских и Саратовских епархиальных, Черниговских губернских ведомостях и сборнике «Воронежская старина»; во втором («Материалы для историко-статистических описаний епархий, изданные отдельными книгами. Роспись содержания») – издания о Екатеринославской и Тульской епархиях; в третьем («Рукописные описания епархий в РГИА (Ф. 834. Оп. 2). Роспись содержания») – описания Владимирской, Кавказской, Кишиневской, Оренбургской, Пензенской, Подольской, Полоцкой, Санкт-Петербургской, Симбирской и Смоленской епархий, причем наибольший интерес представляет самая ранняя: «Сведения или описания церкви Могилевской епархии, учиненные Калужского кафедрального собора протоиереем Симеоном Зверевым» (ок. 1832) (С. 535–545)⁴. О желательности введения этого ценного источника в научный оборот еще в начале прошлого века писал П.С. Горючко, критикуя первый выпуск книги «Могилевская епархия: историко-статистическое описание» (Могилев, 1905)⁵.

В приложениях 4 – 6 опубликована подборка документов 1850–1869 гг. РГИА и Госархива Курской области, отражающих роль Синода, местных органов церковного управления и отдельных лиц в составлении историко-статистических описаний епархий и подтверждающих выводы составителя справочника. В приложении 7 («Сборники биографических сведений об архиереях Русской православной церкви») помещен аннотированный список изданий второй половины XIX – начала XX в., где содержится поименная роспись иерархов 28 епархий и документов, связанных с их деятельностью. Приложение 8 («Дополнения и исправления в сводном каталоге "Справочные издания епархий Русской православной церкви. 1861–

1915"»⁶) включает сиглы вновь выявленных мест хранения изданий, учтенных в «Сводном каталоге», однако особый интерес вызывают росписи содержания 16 книг, известных в одном-двух экземплярах.

Переходя к характеристике указателей, нельзя не пожалеть, что в них не отражены приложения 4 – 8 там, где это уместно; в целом же они удобны для читателя. Если же говорить о деталях, то бросается в глаза объем аннотированного именного указателя, включающего около трех с половиной тысяч позиций. Отсутствие дат жизни, принятых в аналогичных указателях в издании «Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указатель содержания» (СПб., 2002–2003. Т. 1–2), где Раздорский – один из составителей, здесь вряд ли кого-нибудь смутит из-за малой известности персоналий. Кроме того, биографии целого ряда почитаемых в православии лиц, включая даты жизни, лежат за пределами научной критики.

Специфику издания отражает «Указатель названий монастырей», где «учтены названия, которые прямо упоминаются в росписях» (С. 42). Вместе с тем по отсылкам в указателе очевидно, что составитель правильно представляет проблему вариативности названий монастырей в источниках. Ее рецензенты видели еще во времена В.В. Зверинского⁷.

В справочный аппарат входят также указатели заглавий историко-статистических описаний и статей, иллюстраций, портретов, карт, планов и чертежей, географических названий, издателей, типографий и наличия изданий в библиотеках, архивах и музеях.

Поскольку «в перспективе автор планирует подготовить также указатель содержания трудов епархиальных церковно-археологических обществ и комитетов и завершить тем самым создание своего рода библиографической трилогии об основных печатных источниках книжного типа по региональ-

ной церковной истории России XIX – начала XX в.» (С. 14), было бы правильным приложить к упомянутому указателю список рецензий на вошедшие в трилогию издания, что расширит ее информационные возможности.

¹ Выпись, датируемая 12 октября 1850 г., опубликована в рецензируемой книге (С. 581).

² Об истории этого типа изданий см.: *Левин Д.Э.* Памятные книжки губерний и областей в системе книжной культуры дореволюционной России // *Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указатель содержания.* СПб., 2002. Т. 1: Европейский Север. С. 17–50.

³ В их числе неопубликованная работа С.А. Слуцкой «Краеведческая издательская и библиографическая деятельность Русской православной церкви (середина XIX в. – 1918 г.)»: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1993. С. 12.

⁴ Об этой рукописи см.: *Раздорский А.И.* Рукописные описания Могилевской епархии XIX в. в РГИА // *Белорусский сборник: Ст. и материалы по истории*

и культуре Белоруссии. СПб., 2005. Вып. 3. С. 152–155.

⁵ Рецензия опубликована без подписи в кн.: Прибавление к церковным ведомостям. 1906. № 17. С. 1028–1029. Авторство установлено по ее содержанию на 3-й выпуск той же книги. (Там же. 1907. № 32. С. 1356. Подп.: «Платон Горючко».)

⁶ Здесь имеется в виду кн.: *Раздорский А.И.* Справочные издания епархий Русской православной церкви. 1861–1915: Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2002.

⁷ Об этом см.: *Левин Д.Э.* Православные монастыри Российской империи в трудах В.В. Зверинского // *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 2005. С. VI–XIV. 1-й паг.

Д.Э. ЛЕВИН

Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 440 с.: ил. – 1000 экз.

Эта книга вышла в свет благодаря сотрудничеству Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Российской Федерации при финансовой поддержке РГНФ. Руководителем проекта и составителем выступил д-р ист. наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ докумен-

тальных публикаций федеральных архивов РГАСПИ А.В. Репников, который также осуществил подготовку к изданию предисловия, комментариев и примечания.

Автор дневника Л.А. Тихомиров (1852–1923) начал свою революционную деятельность, будучи студентом Московского университета: являлся одним из активных участников народнического движения, кружка «чайковцев». Продолжил пропагандистскую работу в Петербурге, где в ноябре 1873 г. был арестован и более четырех лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения; в 1877 г. проходил

по «делу 193-х». Освободившись в начале 1878 г., он перешел на нелегальное положение. После убийства Александра II и разгрома партии в 1882 г. уехал за границу, направив перед этим Александру III открытое письмо исполнительного комитета «Народной воли» с угрозами в адрес императора. В эмиграции Тихомиров возобновил революционную деятельность, но затем в его взглядах произошел серьезный перелом. В 1888 г. в Париже небольшим тиражом вышла его брошюра «Почему я перестал быть революционером», которая подвела черту под его революционным прошлым.

В Россию он вернулся в 1889 г. убежденным монархистом. Жил в Петербурге, Новороссийске, Москве, Сергиевом Посаде. Занимаясь публицистической деятельностью, сотрудничал с журналом «Русское обозрение», газетой «Московские ведомости» (в 1909–1913 гг. возглавлял ее) и др. Со временем Тихомиров становится одним из ведущих публицистов монархического лагеря. Наиболее фундаментальными его работами являются историко-философское исследование «Монархическая государственность» (1905 г.) и второй по значению труд – «Религиозно-философские основы истории» (1997 г.), работа над которым велась начиная с 1913 г. в течение пяти лет. На склоне лет основной заботой Тихомирова стало написание воспоминаний. Объединенные под общим названием «Тени прошлого», они были изданы лишь через 77 лет после его смерти.

Дневниковые записи Тихомирова за 1883 г. – 16 октября 1917 г. хранятся в ГАРФ в его личном фонде (Ф. 634). Это переплетенные тетради (27 ед. хр.) в плотных обложках с наклеенными на лицевую сторону бумажными ярлыками, на которых указаны номер тетради, начальная и конечная даты записей. В большом по объему дневнике встречаются вклейки

вырезок из газет, адресованных Тихомирову писем, квитанций.

Почерк мемуариста весьма неразборчивый, требующий немалых усилий для расшифровки текста. Характерно, что в нем совсем немного помарок и исправлений, а если какие-то строки по причинам личного или идеологического характера вымараны, то сделано это настолько тщательно, что прочитать их уже нельзя. А.В. Репников отмечает такие места и по мере возможности восстанавливает вычеркнутые фрагменты. Еще одну особенность дневника составляет значительное количество выделенных Тихомировым слов и предложений (в основном подчеркнутых), что воспроизведено и в публикации.

Отрывки из дневника за 1883–1895 гг. были обнародованы в книге «Воспоминания Льва Тихомирова» (М.; Л., 1927), а за период Первой русской революции – в журнале «Красный архив» в 1930-е гг. К сожалению, часть этих публикаций имеет неотмеченные купюры, и относиться к ним следует осторожно. Политическая и идеологическая подоплека (Тихомиров был заклеен как ренегат, изменивший революционному движению) тоже негативно сказалась на комментариях. В начале 2000-х гг. в различных сборниках появились новые публикации фрагментов из дневника, подготовленные непрофессиональными историками и практически не содержавшие научных комментариев. В них также встречались искажения текста, на что в предисловии справедливо указывает А.В. Репников (С. 30–31, 418 и др.).

Таким образом, рецензируемое издание можно считать первой научной публикацией интереснейшего источника по истории России, органично вписавшегося в контекст уже известной мемуарной литературы. Конечно, хотелось бы увидеть напечатанными все дневниковые записи, но, по мнению составителя, «вряд ли когда-ни-

будь удастся опубликовать весь дневник Тихомирова, поскольку это требует многолетней кропотливой работы и значительных материальных затрат» (С. 31). Учитывая данное обстоятельство, выбор для издания записей именно за 1915–1917 гг. кажется нам весьма оправданным, так как они отражают особенности и специфику общественно-политического развития страны в начале XX в., в том числе в предреволюционный период, и важны не только для изучения жизни и деятельности Тихомирова как личности, но и для понимания кризиса консервативной идеологии в самодержавной России.

В дневнике упоминаются государственные и политические персоны (Александр III, Николай II, Н.И. Астров, С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкин, А.И. Гучков, В.Ф. Джунковский, А.Ф. Керенский, Г.Е. Львов, Н.А. Маклаков, П.Н. Милюков, В.К. Плеве, К.П. Победоносцев, П.А. Столыпин и др.); представители консервативной мысли и правых организаций (И.И. Восторгов, В.А. Грингмут, А.С. Суворин, Н.Н. Тиханович-Савицкий, Г.А. Шечков, А.А. Ширинский-Шихматов и др.),

науки и культуры (А.А. Александров, В.М. Васнецов, С.А. Петровский, П.Ф. Якубович и др.); военачальники (М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.Н. Куропаткин, С.Н. Мясоедов, Ф.В. Сиверс, А.Е. Эверт и др.); религиозные философы (С.Н. Булгаков, А.Д. Самарин, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский и др.); церковные деятели (С.Н. Дурылин, Иларион (Троицкий), Никон (Рождественский), М.А. Новоселов, И.И. Фудель), со многими из которых Тихомиров был знаком лично.

Большой интерес представляют помещенные вслед за текстом дневника «Комментарии и примечания» публикатора, касающиеся в основном малоизвестных лиц и отдельных периодических изданий. Книга снабжена именным указателем и иллюстрациями, в том числе фотографиями автора дневника. Научно-справочный аппарат издания дополняют данные Тихомировым характеристики крупных событий Первой мировой войны и фактов обыденной жизни Москвы и Сергиева Посада, где он проживал. Все это позволяет в полной мере представить интеллектуальный ландшафт эпохи и историю повседневности.

А.Ю. МИНАКОВ

Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. – 232 с. – 1000 экз.

Новая книга С.Б. Филимонова, выпускника МГИАИ, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, академика

Крымской академии наук¹, посвящена малоизвестным источникам по истории интеллигенции Крыма в эпоху «великой русской смуты». Это многочисленные, но все еще малоизученные крымские газеты 1917–1920 гг., в том числе «Великая Россия», «Время Бор. Суворина», «Голос жизни», «Заря России», «Крымская мысль», «Крымский вестник», «Русская правда», «Русское дело», «Святая Русь», «Таврические губернские ведомости», «Таврический голос», «Царь-коло-

кол», «Юг России», «Южные ведомости», «Ялтинский вечер», «Ялтинский голос», «Ялтинский курьер» и др.² В предисловии «Несколько вводных слов» отмечается, что «газеты эти, в большинстве своем имевшие ярко выраженную антибольшевистскую направленность, со времен красного террора в Крыму 1920–1921 гг., когда за их хранение («за хранение контрреволюционной литературы») грозил расстрел, стали чрезвычайной библиографической редкостью. Лишь в нескольких библиотеках, архивах и музеях России и Украины удалось выявить подшивки (далеко не полные) этих изданий. Хуже того: газеты эти долгие годы содержались в спецхранах указанных хранилищ и лишь недавно рассекречены» (С. 5). Примечательно, что основной массив обнаруженных и использованных Филимоновым источников хранится в библиотеках архивов: научной библиотеке ГАРФ (г. Москва), Государственной научной архивной библиотеке Украины (г. Киев), библиотеке Госархива Автономной Республики Крым (г. Симферополь).

Ознакомление с крымскими газетами периода Гражданской войны позволило автору характеризовать их как ценный малоизвестный источник по истории отечественной интеллигенции, науки и культуры. В 1917–1920 гг. в Крыму наряду с многочисленными научными и культурными центрами, существовавшими еще с дореволюционной поры (Таврическая ученая архивная комиссия – ТУАК, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и др.), возникли и энергично заработали новые: в Симферополе – Таврическая научная ассоциация, Таврический университет, Крымский центральный архив, Крымское библиотечное общество, Общество распространения коммерческого и экономического образования, Религиозно-философское общество, в Алуште – Крымский госу-

дарственный природный заповедник, в Бахчисарае – Ханский дворец-музей тюрко-татарской культуры, в Евпатории – Общество для изучения Евпаторийского уезда, в Керчи – Боспорский университет, в Севастополе – Юридический институт, Крымская филармония, Народный политехнический институт, Религиозно-философское общество, в Феодосии – Народный университет, в Ялте – Народный университет, Народная консерватория, Библиотечное общество, Литературное общество им. А.П. Чехова, Медицинское общество, Религиозно-философское общество, художественно-артистический кружок, Художественное общество Южного берега Крыма, Юридическое общество им. Н.А. Приселкова.

В годы Гражданской войны в деятельности крымских вузов, научных и культурных учреждений и организаций наряду с представителями местной интеллигенции участвовали и крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров России и Украины. В крымских газетах и других изданиях того времени С.Б. Филимонову удалось обнаружить не только неизвестные материалы о деятельности указанных выше учреждений и организаций, но и публикации таких корифеев отечественной науки и культуры, как философ и богослов священник Сергей Булгаков, ученый-энциклопедист академик В.И. Вернадский и его сын знаменитый историк Г.В. Вернадский, академик историк Б.Д. Греков, академик филолог и литературовед Н.К. Гудзий, член-корреспондент Петербургской академии наук историк И.А. Линниченко, многолетний председатель ТУАК классик крымоведения А.И. Маркевич, классик русской литературы И.С. Шмелев и др.

В книге помещено несколько очерков (об одном из старейших крымских изданий – газете «Крымский вестник»; о научных коллективах ТУАК, а также научных обществ при Таври-

ческом университете и религиозно-философских обществ; о персоналиях), частично напечатанных в крымских и ряде киевских, московских и парижских изданий. Большинство очерков имеют приложения, где автор публикует сделанные им документальные находки.

В рецензируемой книге весь ранее опубликованный материал не только собран воедино, но и дополнен новыми сведениями, многие из которых следует признать сенсационными. Так, очерк о С.Н. Булгакове основан на выявленном в архиве Главного управления Службы безопасности Украины в Крыму так называемом судебном-следственном деле. Однако ни следствия, ни суда не было: Булгакова выслали в декабре 1922 г. за границу «бессрочно», выполняя лишь предписание московских властей. В приложении к очерку помещены материалы ранее неизвестных докладов и лекций Булгакова на заседаниях крымских религиозно-философских обществ – «Духовные корни большевизма», «Трое (о единой России)», «Родина или интернационал?», «Религия и школа». Еще пример. В своем дневнике за 19 апреля (2 мая) 1920 г. академик В.И. Вернадский оставил следующую запись: «Заходил редактор «Юж[ных] зап[исок]» – сообщил о смерти Тимирязева. Просил статью. Может б[ыть], дам – обещал ответ завтра». Издатели дневника, комментируя эту запись, указали: «Такая статья написана не была»³. Однако С.Б. Филимонов установил, что статья «Памяти профессора Климента Аркадьевича Тимирязева» была написана В.И. Вернадским и напечатана в симферопольской газете «Южные ведомости» за 22 апреля (5 мая) 1920 г.

С.Б. Филимонов установил также, что Г.В. Вернадский в 1918–1920 гг. был не только профессором Таврического университета (преподавал русскую историю нового времени), но и членом-учредителем, а также предсе-

дателем Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, товарищем (заместителем) председателя симферопольского Религиозно-философского общества, членом ТУАК и заведующим ее архивом, научным сотрудником учрежденного 22 мая 1919 г. Крымского центрального архива, возглавляемого коллегой и близким другом Г.В. Вернадского Б.Д. Грековым. В сентябре 1920 г., за два месяца до прихода в Крым большевиков, Г.В. Вернадский принял приглашение П.Н. Врангеля и занял должность начальника отдела печати в его правительстве. Справедливо полагая, что с приходом красных он будет немедленно расстрелян, 12 ноября 1920 г., за три дня до вступления в Севастополь частей Красной армии, Г.В. Вернадский с семьей на пароходе «Рион» навсегда покинул Родину, впоследствии вспоминая, что в Крыму в период Гражданской войны «был расцвет умственной и религиозной жизни».

В 1975 г., два года спустя после кончины Г.В. Вернадского, тогда профессора Йельского университета, в Нью-Йорке вышел список его трудов, подготовленный к печати Н.Е. Андреевым (Кембридж). Георгий Владимирович успел просмотреть его за месяц до своей кончины и признал «исчерпывающим». Однако С.Б. Филимонову удалось обнаружить в симферопольской газете «Таврический голос» за 1919–1920 гг. девять отсутствующих в вышеупомянутом списке статей: «Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского», «Памяти С.Ф. Платонова» (статья эта была вызвана поступившей в Крым из Петрограда информацией о кончине академика Платонова, оказавшейся ложной, – как известно, Платонов умер в ссылке в Самаре в 1933 г.), «Столетие военных поселений», «Дар Екатерины (К восстановлению памятника императрице Екатерине)», «Советский социализм и крепостное право», «Национальное

творчество русского народа», «Английская революция в XVII веке», «Против солнца», «Французская книга о русской революции».

Помещенный в книге очерк о Б.Д. Грекове содержит уникальные сведения о жизни и деятельности ученого в 1918–1921 гг. Оказывается, в Симферополе Греков был не только профессором Таврического университета (преподавал по кафедре русской истории древнюю историю) и вторым (вслед за А.Н. Деревицким) деканом историко-филологического факультета, но и товарищем (заместителем) председателя ТУАК, организатором и первым заведующим Крымским центральным архивом. В приложении к этому очерку автор поместил неучтенные в библиографических указателях трудов Б.Д. Грекова и малоизвестные его статьи «Задачи университетского преподавания», «Назревший пересмотр некоторых общих понятий в исторической науке», «Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Да-

нилевского», напечатанные в симферопольских изданиях 1919 г.

Книга С.Б. Филимонова – весомый вклад в разработку практического историкоисследования истории и историографии отечественной интеллигенции, науки и культуры; вместе с тем это своеобразный компас, указывающий путь дальнейших изысканий в архивохранилищах России, Украины, стран Западной Европы и США, хранящих газетную и журнальную периодику 1917–1920-х гг. Замечание самого автора о наличии оснований для продолжения работы по выявлению литературного наследия Г.В. Вернадского крымского периода его творческой биографии (С. 100) правомерно в отношении многих других деятелей отечественной науки и культуры, оказавшихся в Крыму в 1917–1920 гг. Именно об этом думал В.И. Вернадский, перечитывая газетные статьи и заметки сына, посвященные А.С. Лаппо-Данилевскому, С.Ф. Платонову и другим российским историкам и мыслителям.

¹ См.: Сергей Борисович Филимонов: Библиографический указатель. Симферополь, 2007.

² См.: Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Периодические издания Крыма (март 1917 – ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. Симфе-

рополь, 2001. № 7. С. 267–288; Филимонов С.Б. К вопросу о составе и содержании периодических изданий Крыма 1917–1920 годов // Там же. 2002. № 8. С. 257–259.

³ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921: январь 1920 – март 1921. Киев, 1997. С. 152.

М.П. МОХНАЧЁВА

К 90-летию государственной архивной службы

В Выставочном зале федеральных государственных архивов

К 90-летию государственной архивной службы России здесь прошла серия историко-документальных экспозиций, подготовленных Росархивом при участии ГАРФ, РГАЭ, РГАДА, РГАСПИ, РГАНИ, РГАЛИ, РГАКФД, РГАФД, РГВА, РГВИА, РГАНТД.

14–30 марта состоялась выставка **«Возрожденные документальные сокровища федеральных архивов»**, где были представлены отреставрированные за последние годы уникальные, особо ценные, а также кино-, фото- и фонодокументы. Среди них – духовные грамоты Ивана Калиты 1339 г., Судебник Ивана Грозного 1550 г., автограф Серафима Саровского XVIII в., грамоты Екатерины II Войску Донскому 1773 г., дневник сподвижника и военного наставника Петра I П.Гордона, масонский диплом декабриста П.И. Пестеля, подлинник Декларации и Договора об образовании СССР 1922 г., рисунки С.М. Эйзенштейна «Воспоминания об Акапулько», «Прокофьев дирижирует», фильмы «Потсдамская конференция 1945 г.» и «Ноябрьская демонстрация 1945 г.». Наиболее ранними документами являются древнейшая церковнославянская рукопись Евангелия XI в. («Саввина книга») и договор князя Ярослава с Великим Новгородом XIII в., а необычным – долгое время считавшийся утраченным огромный (2,5×3,2 м) план Парижа 1739 г. с изображением зданий с высоты птичьего полета.

На пресс-конференции, посвященной открытию выставки, представители Росархива, федеральных государственных архивов, реставраторы обратили внимание на необходимость восстановления значительного массива документальных памятников, в котором уже сегодня нуждаются около 330 тыс. ед. хр. В этом важном деле с архивистами сотрудничают профессионалы из Государственного НИИ реставрации, Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря и других учреждений. В последние годы благодаря федеральной целевой программе «Культура России» процесс консервации архивных документов заметно активизировался. Только федеральные архивы ежегодно восстанавливают около 2 тыс. ед. хр. уникальных документов.

Отвечая на вопросы журналистов, архивисты и реставраторы рассказали об особенностях работы по возрождению документальных памятников: процесс длится от нескольких недель до нескольких месяцев и включает комплекс научных исследований. После возвращения документов на архивную полку они требуют особых условий хранения, в том числе изготовленных из специальных материалов футляров и коробок, которые, как правило, в федеральных архивах имеются.

* * *

9–13 апреля прошла выставка **«Рассекречивание архивных документов и публикационная деятельность архивов. 1992–2007»**. Она отразила важнейший процесс, способствовавший коренным переменам в обществе и мас-

совом сознании граждан в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Благодаря рассекречиванию огромных пластов документальных источников активизировалась публикационная деятельность архивных учреждений, получившая в науч-

ной литературе образное название «археографический взрыв».

На пресс-конференции в честь открытия экспозиции руководители Росархива, ГАРФ, ЦА ФСБ России, научных учреждений, СМИ, издательств, других организаций, занимающихся подготовкой и выпуском документальных, отметили колоссальную работу, проделанную за последние 15 лет в этом направлении: общее количество вышедших в свет сборников, в которых представлены рассекреченные документы, составило около 2 тыс. названий, включая документальные серии. Все большее распространение получают электронные издания. Некоторые рассекреченные документы и крупнейшие документные комплексы выставлены в Интернете, например «Архив Коминтерна».

Руководитель Росархива В.П. Козлов, говоря о трудной ситуации, сложившейся для отечественной археографии в начале 1990-х гг., назвал основные факторы, которые помогли с ней справиться в условиях экономического кризиса: принятие ФЦП «Культура России», поддержка со стороны научных фондов (РФФИ, РФГФ), а также спонсоров, сотрудничество с зарубежными партнерами, подчеркнув при этом, что важнейшую роль сыграл энтузиазм самих архивистов и их творческие контакты с научными организациями, прежде всего РАН, и др.

Помощь в публикации документальных источников ученым и архивистам оказали и государственные структуры, о чем напомнил академик РАН А.А. Фурсенко, пожелавший, чтобы рассекречивание архивных документов стало необратимым процессом и, однажды «от-

крытые», они не оказались вновь недоступными для исследователей.

О расширении источниковой базы исторической науки посредством рассекреченных документов говорили директор ГАРФ С.В. Мироненко и начальник управления регистрации и архивных фондов ФСБ России В.С. Христофоров, назвав документальные издания и серии последних 15 лет. К сожалению, тиражи этих книг небольшие.

На выставке демонстрировались крупнейшие документальные издания, а также отдельные рассекреченные документы из федеральных государственных архивов. Так, ГАРФ представил сборники «История сталинского ГУЛАГА» и «Советская военная администрация в Германии», серию каталогов «Особых папок» И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, В.М. Молотова и других крупных советских государственных деятелей. Из фондов РГАНИ рассекречены и изданы «Черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС (1954–1964 гг.)», которые вел заведующий отделом ЦК КПСС В.Н. Малин, а также материалы, вошедшие в сборники «КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг.», «Большой спорт и большая политика».

Среди других крупнейших изданий последних лет – «Накануне. Западный округ» (1941 г.), «Зимняя война. Работа над ошибками» (РГВА); «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1901–1963», «Россия и США: экономические отношения. 1917–1941» (РГАЭ) и др. Всего было выставлено свыше 300 изданий и около 70 документов.

В.М. Осин

* * *

22 апреля открылась выставка **«Приумножая архивное богатство современной России. Новые поступления архивных документов. 1992–2007»**, где демонстрировались исторические источники, принятые на постоянное хранение в федеральные государственные архивы за указанный период.

ГАРФ представил документы Верховного Совета Российской Федерации, вы-

везенные из Белого дома, в частности постановление о распаде СССР, стенограмму последнего заседания Верховного Совета (т.н. заседания «при свечах»); документы Совета министров СССР, находившиеся в спецхране в Сибири; эмигрантские материалы (дневники, переписка, рукописи члена ЦК партии кадетов, ближайшей помощницы П.Н. Милова А.В. Тырковой-Вильямс и др.).

РГАНИ обнародовал материалы из личного фонда директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г.Л. Смирнова, его воспоминания о работе в аппарате ЦК КПСС «Маленькие секреты большого дома»; документы из личных фондов Н.С. Хрущева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, Г.М. Маленкова; материалы по истории Карибского кризиса 1962 г., полученные от Центра Вудро Вильсона (США); документы, связанные с событиями 1968 г. в Чехословакии (шифрограммы из посольства ЧССР в августе 1968 г. и др.), переданные в архив рядом чешских научных центров.

РГАСПИ экспонировал наиболее ценные материалы КПСС, поступившие после 1991 г. в основном из Архива Президента Российской Федерации, в том числе из личных фондов Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, В.М. Молотова и других партийных и государственных деятелей СССР; из фондов современных политических партий и общественных организаций (ДПР, ЛДПР, КПРФ и др.), молодежных объединений (в том числе международной благотворительной организации «Мужество и гуманизм»), а также из личных фондов Н.С. Хрущева, Н.И. Рыжкова, Н.Г. Егорычева, А.А. Зиновьева, В.Л. Шейниса; деятелей молодежного движения и др.

РГАНТД демонстрировал документы по истории развития отечественной космонавтики и ракетной техники, фо-

тоальбомы, в том числе посвященные полетам КК «Союз-12» и «Союз-13»; альбом с фотографиями – портретом В.М. Мясищева и самолетов, разработанных в возглавляемом им КБ; рабочие материалы к книге «Королев. Факты и мифы» (Б.Е. Черток, рукопись); памятные знаки в честь запусков ОС «Мир» и КК «Союз-Т»; РГАЭ – комплекс документов Госплана СССР (приказ об экспертизе предложений по рациональному расселению крымских татар и развитию социальной сферы Крымской области. 1990 г.) и Минвнешторга СССР («Современная конъюнктура капиталистического хозяйства и положение на основных товарных рынках». Материалы к докладу на коньектурном общеминистерском совещании. 1981 г.); фотоальбом «Американская промышленность помогает советской промышленности» и др.

РГАЛИ показал документы о представлении к награждению Ленинской премией в области литературы А.И. Солженицына, а также из фондов А.Рыбакова, М.Плисецкой, Н.Коржавина, Л.Шепитько; РГАКФД – альбом «Московская духовная академия» (1908–1912 гг.) из личного архива Р.Скарфоне, «Лики земли Псковской» Б.С. Скобельцына из личного архива автора; подлинные фотографии исторических событий XX в.; видеоролики о процессе съемок известных документальных и игровых фильмов и уникальном собрании киножурналов.

Н.А. Буравченко

Конференции, совещания, семинары

Пресс-конференция, посвященная Дню архивов

Она состоялась 6 марта в помещении Пресс-центра «РИА-Новости» (Москва) с участием руководителей Федерального архивного агентства (В.П. Козлов) и ряда федеральных архивов (экономики – Е.А. Тюрина, военного – В.Н. Кузеленков, древних актов – М.Р. Рыженков, литературы и искусства – Т.М. Горяева), которые осветили актуальные вопросы деятельности

государственной архивной службы, стоящие перед ней проблемы и пути их решения.

Говоря о нынешнем положении архивной службы, В.П. Козлов обратил внимание аудитории на то, что с включением в структуру Минкультуры России в процессе административной реформы 2004 г. существенно понижен ее статус. Характеризуя многоуровневую структу-

ру (федеральные, региональные, муниципальные архивные учреждения, архивы организаций), он отметил, что в последнее время все активнее популяризируют архивные документы даже такие «закрытые» ведомства, как ФСБ, публикуя и экспонируя прежде секретные документы, а МИД одним из первых издал путеводитель по своим дореволюционным фондам. В последние годы благодаря помощи местных администраций и субвенциям со стороны губернаторов заметно активизировали свою деятельность муниципальные архивы, количество которых составляет свыше 2 тыс.

Что касается истории отечественной архивной службы, то ее основы были заложены еще в XVI в. Иваном Грозным, по приказу которого в Москву свозились документы из различных княжеств, формируя, таким образом, единый царский архив. Однако централизованная система государственных архивов была создана лишь декретом СНК РСФСР в 1918 г.; ее 90-летие российские архивисты широко отмечают в текущем году.

Отвечая на вопросы представителей СМИ, руководители Росархива и федеральных архивов констатировали современные тенденции архивного дела. Несмотря на возрастающее применение во всех сферах деятельности информационных технологий, традиционные документы с бумажной основой должны сохраняться, и для них нужны новые здания.

Другой приоритетной задачей остается использование архивных документов для защиты социальных прав граждан. Весьма востребованы документы, содержащие информацию об экономике социалистического строительства и современном развитии страны, истории населенных пунктов, по генеалогии. С высокой нагрузкой работают читальные залы государственных архивов: в них действует уведомительный, а не разрешительный принцип доступа к фондам, включая и рассекреченные документы, в том числе вывезенные после Второй мировой войны из Германии, Франции, Голландии и других государств (бывший Особый архив).

Имеются и проблемы. Так, в отличие от музеев, которые на аукционах приобретают будущие экспонаты благодаря спонсорам, архивы могут рассчитывать лишь на государственные субсидии. Высокий спрос на антиквариат, включая автографы, рисунки, несет угрозу сохранности архивных фондов.

В завершение пресс-конференции В.П. Козлов выразил желание когда-нибудь увидеть в наших архивах то, что ему однажды довелось наблюдать в муниципальном архиве г. Гронингена (Нидерланды): читальный зал был заполнен как пожилыми, так и молодыми людьми, увлеченными поисками сведений по истории своих родов.

В.М. Осин

В Бурятии обсуждены итоги работы архивистов в 2007 г.

Они были подведены 13–14 февраля на совещании-семинаре архивных учреждений республики, в которых трудятся свыше 100 человек. Начальник Управления по делам архивов РБ Л.Я. Баранникова в своем докладе отметила, что их работа была направлена на реализацию принятых в 2006 г. законов «Об архивном деле в Республике Бурятия», «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований государственными полномочиями по хра-

нению, комплектованию, учету и использованию архивных документов, относящихся к государственной собственности», а также на обеспечение сохранности документов, укрепление материально-технической базы архивов.

В 2007 г. принято в эксплуатацию новое, соответствующее современным требованиям здание архивного отдела МО «Тарбагатайский район» площадью 150 кв. м, расширены площади архивных отделов муниципальных образований

«Джидинский район» и «г. Северобайкальск». В целом уровень упорядоченности документов в организациях – источниках комплектования муниципального звена превысил 98 %. Активизировалась работа по организации использования документов. Архивисты участвовали в мероприятиях в рамках международной встречи старообрядцев мира «Путь Аввакума», совместно с учеными Бурятского педуниверситета издали буклет «Старообрядцы Забайкалья в документах Национального архива Республики Бурятия». Национальный архив РБ подготовил и провел презентацию документов фонда «Ольхонская степная дума» и акцию по передаче архива редакции газеты «Судьба» на постоянное хранение, а Управление по делам архивов РБ – «круглый стол» по взаимодействию с отделением ПФР по РБ.

Участники совещания присутствовали также на презентации фонда НАРБ «Кударинская степная дума», осмотрели выставку документов. Ее организовали Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям Народного хурала Республики Бурятия (В.Р. Булдаев), Комитет по международным отношениям и развитию гражданских инициатив администрации Президента и Правительства Республики Бурятия (А.А. Елаев). Открыла встречу Л.Я. Баранникова. С научным докладом по истории Кударинской степной думы выступила главный специалист

НАРБ Б.Д. Жалсанова. Большой интерес вызвали выступления заместителя председателя Правительства Республики Бурятия Б.Г. Бальжирова, потомка Кударинского землячества, выразившего признательность архивистам за воссоздание документальной истории своих предков, а также д-ра техн. наук, преподавателя Восточно-Сибирского госуниверситета М.Е. Заяханова, потомка главного тайши Кударинской степной думы Заяхана Хамаганова, д-ра пед. наук, профессора С.М. Бабушкина и др.

Второй день совещания прошел в архивном отделе МО «Прибайкальский район». Заместитель главы муниципального образования Т.Л. Молчанова рассказала о перспективах развития района как туристско-рекреационной особой экономической зоны. После знакомства с архивом опытом работы по использованию документов поделились заведующие архивными отделами МО «Баргузинский район» (Г.М. Шадрина), «Еравнинский район» (Д.Ц. Цыбикова), «Хоринский район» (А.С. Жамбалова), «Прибайкальский район» (А.С. Темникова), а также главный редактор газеты «Вестник Прибайкалья» А.К. Затеев, рассказавший о взаимодействии с архивным отделом МО «Прибайкальский район».

Участники совещания посетили местный интернет-центр, краеведческий музей, Прибайкальскую межпоселенческую библиотеку; участвовали в деловой игре, организованной Управлением по делам архивов РБ.

Н.К. Сафонова

Форум архивистов Якутии

17–18 марта в «столице алмазного края» г. Мирном на базе муниципального архива состоялось первое выездное республиканское совещание работников архивных учреждений Якутии, в котором участвовали представители администрации МО «Мирнинский район», муниципальных архивов и архивов организаций республики. Открывая встречу, глава местной администрации В.В. Ефремов от-

метил, что в районе уделяется должное внимание проблемам архивного дела и муниципальный архив по праву занимает лидирующие позиции среди архивов других муниципальных образований.

На совещании обсуждались итоги развития архивного дела республики за 2007 г. и задачи органов управления архивным делом и архивных учреждений на 2008 г. С основным докладом высту-

пил председатель Комитета государственной архивной службы Республики Саха (Якутия) Н.Р. Константинов, в котором проанализировал современное состояние отрасли в условиях реформирования местного самоуправления и пенсионного законодательства. Он отметил, что наряду со значительным улучшением материально-технической базы большинства муниципальных архивов за счет субвенций, выделяемых республиканским бюджетом для исполнения государственных полномочий в области архивного дела, происходит неуклонное сокращение отдельных видов архивных работ из-за постоянного увеличения количества запросов социально-правового характера.

Собравшиеся получили информацию о нормативно-методической базе архивного дела республики, в том числе о законе «Об архивном деле в Республике Саха (Якутия)» от 27 февраля 2008 г. и представлении на рассмотрение Парламента республики проекта закона «О внесении дополнений в закон Республики Саха (Якутия) от 15 апреля 2004 г. “О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по комплектованию, хранению, учету и использованию документов Архивного фонда Республики Саха (Якутия)”», предусматривающего выделение целевых субвенций из республиканского бюджета на оплату труда дополнительных штатных единиц архивных

работников, исполняющих переданные государственные полномочия в области архивного дела.

Собравшиеся приняли рекомендации, где отмечена необходимость действенных мер по обеспечению сохранности Архивного фонда, популяризации архивных документов и внедрению новых информационных технологий, упорядочению и передаче документов на постоянное хранение; выделены приоритеты исполнения обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления.

В рамках совещания прошло заседание экспертно-проверочной комиссии Комитета государственной архивной службы РС(Я), в ходе которого муниципальные архивисты получили квалифицированную консультационную помощь. Культурная программа предусматривала посещение кимберлитовой трубки «Мир», фабрики сортировки алмазов АК «АЛРОСА», каскада Вилюйской ГЭС.

На совещании состоялось вручение муниципальным архивистам знаков «Отличник архивного дела РС(Я)» и почетных грамот Комитета государственной архивной службы РС(Я). Заведующая архивным отделом администрации МО «Мирнинский район» З.А. Федорова была удостоена звания заслуженного работника культуры РС(Я), один из старейших работников Национального архива М.М. Степанова награждена грамотой президента республики.

И.И. Юганова,
кандидат исторических наук

«Круглый стол» калужских архивистов

В рамках празднования 90-летия государственной архивной службы в Государственном архиве Калужской области 4 апреля состоялся «круглый стол» по теме «Архивы Калужской области в новом правовом поле: проблемы и обмен опытом», посвященный работе архивов после введения в действие федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ (2003 г.) и «Об

архивном деле в Российской Федерации» № 125-ФЗ (2004 г.). В нем участвовали сотрудники Управления по делам архивов Калужской области, облгосархивов, муниципального архива г. Калуги. К заседанию была подготовлена выставка законодательных актов по архивному строительству в России от Генерального регламента Петра I до ФЗ № 125.

Особенно острым было обсуждение проблемы комплектования архивов. Как

отмечала заместитель директора ГАКО Т.В. Егорова, уже к 2000 г. 93 % источников его комплектования не имели штатных работников архивов, а 70 % – помещений для хранения документов. Поскольку действующее архивное законодательство не обязывает организации создавать архив, сохранность их документов зависит лишь от желания руководства. Мизерный штраф (от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда), предусмотренный Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях за невыполнение должностными лицами правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов (ст. 13.20), отсутствие в области прецедентов применения этой законодательной нормы, рекомендательный характер п. 2 ст. 13 ФЗ № 125 («организации... вправе создавать архивы», а не обязаны) не препятствуют утрате документов. Так, не сохранились архивы областного транспортного управления, треста столовых, фабрики «Аккорд». Департамент социальной политики Калужской области передал на хранение в 2006 г. 798 дел, а не сберег 362; от государственного предприятия «Совхоз им. Циолковского» в 2007 г. приняты 34 дела, 73 утрачены. По мнению директора ГАКО Л.И. Сапожниковой, складывается впечатление, что современные руководители не хотят войти в историю. К сожалению, отмечал начальник Управления по делам архивов С.В. Хабаров, принять на уровне субъекта федерации закон, обязывающий организации областного подчинения создавать архивы, невозможно: это противоречит федеральному законодательству.

Сотрудники Госархива новейшей истории Калужской области обеспокоены проблемами комплектования документами о современной общественной и политической жизни. Заведующий отделом комплектования и обеспечения сохранности документов К.В. Герасимов говорил о том, что несовершенство архивного законодательства не способствует плодотворному сотрудничеству архива и владельца архивных документов. По закону документы общественной организации являются ее собственностью, а передача их в госархив осуществляется на основании экспертизы ценности и оформляется договором. Но действующие

на территории области общественные организации в лучшем случае сдают в архив лишь документы оперативного характера или по личному составу. Опыта и финансовых возможностей для создания собственных текущих архивов у них нет. Острейшей проблемой, по мнению директора архива Т.А. Моревой, является и отсутствие у руководителей и членов общественных объединений знаний в области документирования своей деятельности. Сотрудники архива пытаются оказывать помощь подобным организациям в постановке делопроизводства, но тоже только с добровольного согласия руководителя. При отсутствии у последнего понимания важности создания и сохранения документов о собственной деятельности терятся целые пласты исторической информации. В архиве составлены списки источников комплектования (основной – порядка 30 организаций и перспективный – около 40), вопреки трудностям получения сведений о существовании той или иной организации.

Архивисты стремятся влиять на ситуацию: встречаются с руководством организаций, рассказывают о важности сохранения документов, помогают составлять номенклатуры дел, организовывать делопроизводство, упорядочивать документы, содействуют организации музеев, проводят дни открытых дверей. Под влиянием этих действий в Министерстве финансов Калужской области отремонтировано помещение архива, составлены описи документов по 2006 г.; Калужское ОАО «Кристалл» выделило помещение под архив, ввело должность заведующего, документы включены в описи и частично переданы в ГАКО. Ассоциация молодежных и детских общественных организаций обратилась в Госархив новейшей истории за помощью в составлении примерной номенклатуры дел. По инициативе некоммерческого партнерства «ГАРАЛЬ» (занимается издательской, краеведческой, герботворческой деятельностью) в госархиве был образован фонд партнерства, архивисты приглашаются для упорядочения документов, дают консультации по документационному обеспечению его деятельности.

В целом обсуждение проблем сохранности документов привело участников «круглого стола» к выводу о необхо-

димости решительных шагов для улучшения ситуации с сохранностью документов в калужских организациях.

При обсуждении проблемы доступа к персональным данным (конфиденциального характера), а также ответственности архивиста и пользователя Т.А. Морева и заведующий отделом использования и научно-справочного аппарата А.В. Прохоровский говорили о противоречиях федерального законодательства в этой сфере. Архивисты предложили вынести на обсуждение общественности вопрос о составлении морального кодекса пользователя, а также подготовить перечень наруше-

ний в сфере использования архивной информации, продумать вопрос о взысканиях. Например, пользователей, уличенных в нарушениях в одном архиве, лишать доступа к архивным документам на территории всей страны.

«Круглый стол» стал поводом встретиться с молодыми коллегами из муниципального архива г. Калуги (создан в 2007 г.), выслушать информацию его директора М.А. Добычиной, поднять вопрос об уточнении и распределении источников комплектования между областными и новым муниципальными архивами (решено обсудить его на расширенном заседании ЭПК).

Н.В. Зиновкина

Совещание Госархива Саратовской области и банковских организаций

Оно было проведено ГАСО в ноябре 2007 г. на базе Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Саратовской области в рамках Клуба руководителей служб внутреннего контроля кредитных организаций и посвящено проблемам совершенствования документирования управленческой деятельности, управления документацией, обеспечения сохранности документов кредитных организаций в современных условиях. В заседании участвовали по два представителя от 14 самостоятельных кредитных организаций и от 34 филиалов иногородних банков (руководитель службы внутреннего контроля и сотрудник кредитной организации, ответственный за архив или делопроизводство).

С основным докладом выступила директор ГАСО Н.И. Широва, которая рассказала об истории архива, а также действовавших в г. Саратове до 1917 г. государственных кредитных учреждениях Российской империи и показала преемственность и тесную взаимосвязь между прошлым и настоящим банковского

сообщества. Заместитель начальника отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства О.Г. Волкова рассмотрела нормативно-методическую базу делопроизводства, а главный хранитель Т.М. Куликова – основные требования к обеспечению сохранности и учету документов в кредитных организациях.

Представители банковского сектора поделились опытом работы с документами, а начальник управления инспектирования кредитных организаций Главного управления Центробанка Российской Федерации по Саратовской области А.Н. Зотов отметил необходимость наведения порядка и контроля в этой сфере.

В заключение заместитель начальника Главного управления Центробанка Российской Федерации по Саратовской области Г.С. Муфтахетдинова выразила надежду на то, что кредитные организации будут активно обеспечивать сохранность документов как части исторического наследия и информационных ресурсов страны.

**О.Г. Волкова,
Н.В. Милованова**

Первые Батаевские чтения в ИИЯ РУДН

Конференция «Мультикультурная и многонациональная Россия», посвященная памяти заслуженного деятеля науки, почетного работника высшей школы, академика Международной академии наук высшей школы, почетного профессора РУДН, историка, источниковеда и археографа Тамары Васильевны Батаевой, состоялась 4 апреля на кафедре истории и гуманитарных наук Института иностранных языков (ИИЯ) РУДН и была приурочена к 80-летию ученого, которое будет отмечаться в ноябре.

Т.В. Батаева являлась крупным специалистом по проблемам отечественной истории XX в. Изданные ею труды (около 200 работ) внесли большой вклад в отечественную историческую науку и пользуются признанием научной общественности. Ее научно-исследовательская деятельность развевывалась по нескольким направлениям: с середины 1950-х до начала 1960-х гг. она занималась проблемами археографии, в 1970-е гг. стояла у истоков сравнительного изучения истории России и развивающихся стран, в последние годы жизни занималась теорией и историей национальных отношений в России XX в., проводила работу по созданию истории УДН, пропаганде его опыта.

Организаторы конференции решили поддержать преемственность и связь научных школ, обсудить актуальные проблемы высшего гуманитарного образования. В ходе мероприятия предстояло осветить творческий путь Т.В. Батаевой и ее вклад в современную историческую науку, а также определить перспективные направления и дискуссионные проблемы исторического познания.

Участников конференции приветствовали директор ИИЯ, профессор Н.Л. Соколова, зам. декана факультета

социальных и гуманитарных наук РУДН, д-р филос. наук, профессор Н.П. Нарбут. Обзор документов Т.В. Батаевой, хранящихся в ГАРФ, сделал Н.С. Зелов. Воспоминаниями об ученом поделились канд. ист. наук, декан исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) о. Андрей Постернак; д-р ист. наук, Герой России, заслуженный летчик-испытатель полковник М.О. Толбоев; д-р ист. наук, профессор Российской правовой академии Минюста Российской Федерации В.Н. Бабенко; кандидаты ист. наук Т.В. Домрачева (РГАЛИ), И.Ф. Мальцева (МИРЭА), М.Н. Мосейкина (РУДН), В.В. Олевская (ПСТГУ), П.П. Исупов (МГСА), Л.А. Терентьева (ИИЯ РУДН), А.А. Грязнева (ПСТГУ) и др.

Затем прозвучали научные сообщения «Проблемы археографии документов политической истории XX в.» (В.Ю. Афиани, Архив РАН), «Реконструкция рукописных текстов на основе оптико-электронной экспертизы: новое направление источниковедения и кодикологии» (В.Ф. Молчанов, ОР РГБ), «Из истории судоходства на Аральском море в XVIII–XIX вв.» (Н.Е. Бекмаханова, ИРИ РАН), «Н.Г. Чернышевский и Н.К. Михайловский: сопоставительный анализ мировоззрений» (В.В. Блохин, ИИЯ РУДН), «Теория К.Маркса и мировоззрение П.П. Червинского» (В.В. Зверев, МПГУ), «Значение концессионного опыта периода нэпа для современной России» (А.П. Вихрян, изд-во «Современная экономика и право») и др.

Участники конференции посмотрели слайд-фильм о Т.В. Батаевой, выставку документов о ее жизни и деятельности, а также научных трудов и приняли решение о ежегодном проведении чтений, посвященных ее памяти.

З.К. Водопьянова,
кандидат исторических наук

«Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России»

Под таким названием 18–19 марта провели Десятую международную научную конференцию Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, Научная музыкальная библиотека им. С.И. Танеева. Здесь прозвучали доклады о рукописях и письмах русских музыкальных деятелей в архивах и библиотеках Австрии, Франции, Чехии, Швеции, музыкальной россиике в Германии, документальном наследии выдающихся зарубежных музыкальных деятелей в ГАРФ, РГАЛИ, крупнейших российских библиотеках и музеях.

Томас Айгнер (городская библиотека, Вена) сообщила о рукописях Н.Я. Мясковского, А.В. Мосолова, Д.Д. Шостаковича; Сесиль Роже (Национальная школа хартий, Париж) – об автографах М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, Ц.А. Кюи, А.К. Глазунова, письмах П.И. Чайковского, документах С.С. Прокофьева. Сусанна Петрашкова (Национальная библиотека Чехии, Прага), Биргита Спарре (Университет, Арвика) рассказали о документах русских музыкальных деятелей в архивах и библиотеках Чехии и Швеции; Г.М. Малинина (МГК) выступила с обзором хоровых сочинений Д.С. Бортнянского, О.А. Козловского, других композиторов XVIII в. в Государственной библиотеке Берлина. Сотрудники музыкальных музеев, преподаватели и аспиранты вузов Москвы рассказали о малоизвестных произведениях И.-С. Баха в обработке В.Ф. Одоевского, хранящихся в ГЦММК (Е.Д. Кривицкая, МГК), переписке П.И. Чайковского с зарубежными музыкантами (А.Г. Айнбиндер, ГДМЧ, Клин), об английских музыкальных связях графа М.С. Воронцова и его нотной библиотеке (М.П. Пря-

нишникова, ГЦММК), о семейной переписке Ф.И. Шаляпина (С.С. Мартынова, ГЦММК), процессе миграции нотных автографов С.В. Рахманинова (В.И. Антипов, РМИ), документах зарубежных музыкантов в РГБ (Г.А. Тимошенко).

Специалисты федеральных государственных архивов рассказали о письмах швейцарского дирижера и скрипача Э.Блоха (1880–1959), польского композитора и музыкального деятеля А.Венявского (1879–1930), итальянского композитора и дирижера А.Казелла (1882–1947) в фонде Всесоюзного общества культурной связи с границей (Н.С. Зелов, ГАРФ), переписке музыковеда О.Т. Леонтьевой с О.Орфом, В.Келлером, другими известными немецкими и австрийскими музыкантами в 1950–1990-е гг. (Т.М. Коробова, РГАЛИ). Н.В. Курков (МГОУ) сообщил о деятельности оперной группы дирижера М.М. Фивейского в Америке в 1920-е гг. И.Г. Вишневецкий (РГГУ) дал характеристику документальных материалов В.Дукельского (Вернона Дюка) в архивах Англии, США, Франции, России и Украины. Преподаватели и аспиранты Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского доложили о педагогической работе в С.-Петербургской консерватории в 1880-е гг. пианистки и композитора Софи Ментер (Г.И. Моисеев), об истории постановки балета А.Адана – Ф.Тальони в 1840 г. на петербургской сцене (А.П. Груцынова), неосуществленной постановке в 1938 г. спектакля «Леди Макбет Миценского уезда» Д.Д. Шостаковича в Римской опере (Е.С. Власова).

Тексты докладов и сообщений участников будут опубликованы в пятом выпуске сборника материалов о русских музыкальных архивах за рубежом, зарубежных музыкальных архивах в России.

Н.С. Зелов

Новоселье Архивной службы Югры

В Ханты-Мансийске 7 декабря 2007 г. прошла презентация пятиэтажного здания Архивной службы Югры, расположенного на ул. Энгельса, 14. Ранее в нем три верхних этажа занимали редакции окружных газет и журналов, два нижних – Управление по делам архивов и Госархив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ГАХМАО). В 2004 г. началась реконструкция строения, в ходе которой оно подверглось перепланировке для нужд архивистов. Непосредственно для хранения документов приспособлены 3-й и 4-й этажи, 5-й передан Управлению по делам архивов.

В результате реконструкции производственная площадь ГАХМАО увеличилась с 469 кв. м до 947 кв. м, а архивохранилищ – с 289 кв. м до 590 кв. м. Обустроены помещения для научно-справочного аппарата читального зала, консервации документов, хранения коробок и реставрационных материалов, серверной, а также для бытовых нужд. В ГАХМАО имеются читальный зал, книгохранилище, шесть рабочих комнат, лифт.

Архивохранилища оборудованы металлическими мобильными стеллажами немецкого и итальянского производства, шкафами с выдвижными ящиками для крупногабаритных документов (планшетов, карт), мелких предметов, с выдвижными рамами для картин. Помещение для обеспыливания и дезин-

фекции документов оснащено специальной пылепоглощающей установкой.

В здании проведена охранно-пожарная сигнализация с выходом на компьютер в помещении охраны. Военизированная охрана осуществляется круглосуточно. Впервые в ГАХМАО появилась автоматическая система пожаротушения: в архивохранилищах, лаборатории по реставрации документов, помещении временного хранения документов – порошковая, в остальных – водяная (спринклерная).

Для поддержания нужного температурно-влажностного режима создана приточно-вытяжная вентиляция. На каждом этаже функционирует вентиляционная камера с контрольно-измерительными приборами для автоматического регулирования температуры воздуха, подаваемого в хранилища по воздуховодам. Замеры температуры и влажности воздуха в архивохранилищах проводятся посредством восьми термогигрометров ИВТМ-7 М3 производства московской фирмы ЭКСИС. Они объединены в сеть и подключены к компьютеру с использованием беспроводной связи. Приборы позволяют запоминать (сохранять в базе данных) около 10 тыс. параметров с задаваемым интервалом и привязкой к реальному времени, что дает возможность протоколировать результаты измерений. Программное обеспечение дает возмож-

Измерители относительной влажности и температуры «ИВТМ-7»

Возможности приборов:

- ★ объединение приборов в измерительную сеть;
- ★ возможность организации беспроводной сети (радиоканал);
- ★ контроль температуры и влажности одновременно в нескольких точках;
- ★ работа с компьютером по интерфейсам RS-232, RS-485 или USB;
- ★ накопление до 32 000 точек статистики;
- ★ возможность настройки до 16-ти каналов регулирования;
- ★ автоматический пересчет единиц влажности

ЗАО «ЭКСИС»

Осуществляем доставку приборов по всей территории России любым удобным для Вас способом.

Контактная информация:
Тел./факс: (495) 531-10-00, 531-76-76, 531-77-00, 651-06-22
Тел.: (495) 506-40-21, 506-58-35, 506-42-22
Почтовый адрес: 124460, г. Москва, Зеленоград, а/я 146
Email: eksis@eksis.ru Сайт: www.eksis.ru

ность считать информацию из внутренней памяти прибора и выводить ее на экран в виде таблицы или графика.

Для создания необходимого светового режима в архивохранилищах на стекла всех 29 окон нанесена специальная пленка, задерживающая значительную часть (до 85 %) ультрафиолетовых лучей. Дополнительно их защищают жалюзи.

В здании Архивной службы Югры проведены внутренняя телефонная связь и локальная вычислительная сеть, оборудовано 11 автоматизированных рабочих мест.

С 26 июля по 8 августа 2007 г. силами пятерых архивистов и 10 рабочих фонды ГАХМАО (79 тыс. ед. хр.) были перемещены из Департамента по нефти, газу и минеральным ресурсам, где они находились в течение трех лет, в новое здание. В размещении документов помогли специалисты Управления по делам архивов округа. Заранее была раз-

работана схема размещения документов, проведена маркировка стеллажей и полок с помощью намагниченных резиновых пластин с карточными номерами. Удобны в использовании топографические постеллажные указатели в виде прозрачных карманов, закрепленных на стеллажах намагниченным кантом.

Ежедневно перемещалось 7–8 тыс. ед. хр.: документы выгружались в нужное хранилище и расставлялись на стеллажах. Проведенная сразу же сверка наличия дел показала, что утрат нет. До конца года специалисты ГАХМАО проверили наличие дел по 24 фондам, 10 850 ед. хр. Большой объем работы предстоит выполнить в 2008 г.

В рамках торжества для гостей были организованы мультимедийная презентация Архивной службы Югры, документальная выставка «Остяко-Вогульский национальный округ: Первые шаги», экскурсии по архивохранилищам.

Л.В. Набокова

Презентация архивохранилища Муниципального архива в г. Петрозаводске

В Петрозаводске – крупнейшем промышленном, туристическом, научном и культурном центре Северо-Западного федерального округа Российской Федерации – муниципальный архив города был создан 5 июня 2006 г. Первые документы были приняты на хранение уже в июне 2007 г., по существу в офис, а 30 ноября состоялось торжественное открытие собственному архивохранилищу. В торжественной церемонии участвовали первый заместитель главы Петрозаводского городского округа А.И. Булдаков, руководитель аппарата городской администрации Ю.И. Дмитриев, представители Министерства культуры и по связям с общественностью Республики Карелия, руководители Национального архива РК, преподаватели кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин Петрозаводского госуниверситета.

Благодаря помощи и всесторонней поддержке городской администрации

в архивохранилище (площадь 42 кв. м) установлены мобильные стеллажи финского производства общей протяженностью 290 пог. м, что позволяет разместить около 22 тыс. ед. хр., а также системы кондиционирования, термометригrometer, централизованная охранно-пожарная сигнализация. Для хранения архивных документов приобретены специальные архивные коробки. Рабочие комнаты оборудованы современной мебелью и оргтехникой.

В рамках презентации архивохранилища прошла выставка «Муниципальный архив г. Петрозаводска: начало пути... Первые открытия в документах предприятий и учреждений города».

Сегодня в архиве уже 22 фонда (705 ед. хр.). Пополнение идет активно – ведь в городе 186 муниципальных организаций, 32 из которых (включая администрацию г. Петрозаводска и Петрозаводский городской Совет) состоят в спи-

ске источников комплектования архива. Создаются научно-справочный аппарат, учетные и информационные базы данных, оказывается методическая и практическая помощь организациям по делопроизводству и подготовке документов

к архивному хранению. Архив обеспечивает органы местного самоуправления и организации ретроспективной документной информацией, исполняет запросы граждан, подтверждая их право на получение социальных гарантий и льгот.

А.В. Спиридонова

У архивистов Нижегородчины

В собственном здании начала действовать Лаборатория обеспечения сохранности документов Нижегородской области (ЛОСДНО) численностью 28 человек. Она была создана в 1996 г. путем объединения отделов реставрации Центрального архива Нижегородской области и Государственного общественно-политического архива. Ее основные функции – улучшение физического состояния документов и создание страхового фонда особо ценных из них. Однако размещение лаборатории в двух стоящих далеко друг от друга зданиях мешало рациональному использованию специалистов, техники и расходных материалов. Проблема осложнялась постоянным увеличением количества потенциальных заказчиков, особенно из числа архивных учреждений, где состояние документов оставляет желать лучшего. Кроме того, создание в конце 1999 г. в ее составе редакционно-издательского отдела (РИО) для выполнения комплекса работ по предпечатной подготовке (корректурa, редактирование, верстка) изданий на основе архивных документов также настоятельно требовало кардинального расширения помещений. В первые годы сотрудники РИО располагались в стесненных условиях: три человека в комнате, не приспособленной для такой деятельности.

В 2000 г. благодаря поддержке руководства Нижегородской области лаборатории было предоставлено отдельное двухэтажное здание общей площадью 800 кв. м, а совместными усилиями Комитета по делам архивов Нижегородской области и всех архивных учреждений проведен капитальный ремонт.

Переезд позволил обеспечить единый режим работы по реставрации, страховому копированию, консервации, дезинфекции документов областных государственных архивных учреждений. Установлено новое микрофильмирующее и полиграфическое оборудование, а сотрудники лаборатории работают в просторных уютных кабинетах.

В целях повышения профессионального мастерства в ЛОСДНО был проведен конкурс «Лучший по профессии». Его условия предусматривали две номинации – для начинающих реставраторов и специалистов РИО. Молодые сотрудники отделов реставрации и микрофильмирования и технологического оборудования соревновались в качественном изготовлении папок с обклейкой ледерином. Специалисты РИО прошли тестирование по теме «Подготовка материалов к изданию».

Кульминацией мероприятий стал ритуал «Посвящение в профессию». По разработанному сценарию коллективу представили молодых специалистов. После напутствия директора каждый из них ответил на вопросы, касающиеся его выбора места работы. Добрые слова прозвучали в адрес тех, кто с первого дня учит основам мастерства и опекает молодежь. Затем молодые специалисты произнесли клятву, после чего им вручили дипломы, свидетельствующие о посвящении в архивисты, и кисть реставратора – символ лаборатории. Торжества завершились исполнением официального гимна Нижегородской архивной службы на стихи Ю.Адрианова «Скупые рыцари архива».

О.С. Аржанова

В Республике Марий Эл завершена паспортизация архивов организаций

Ее итоги подведены 22 февраля на расширенном заседании коллегии Комитета Республики Марий Эл по делам архивов. По состоянию на 1 декабря 2007 г. в списках источников комплектования архивных учреждений республики управленческой документацией числится 852 организации (604 из них – в муниципальных архивах), в том числе 44 федеральной собственности и 172 негосударственной. В соответствии с Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации» 125 федеральных организаций, 80 из которых находятся на территории муниципальных образований (республиканские Земельно-кадастровая палата, Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Управление Федеральной службы судебных приставов и др.), заключили трехсторонние договоры (с Комитетом Республики Марий Эл по делам архивов и Республиканской службой формирования Архивного фонда Республики Марий Эл) о взаимодействии и сотрудничестве в области архивного дела.

Количество источников комплектования государственных и муниципальных архивов в целом по республике уменьшилось на 1,7 %*. Так, в связи с ликвидацией и реорганизацией исключены 60 государственных организаций и 56 негосударственных структур. Последних в республиканском госархиве учтено 58, а в муниципальных – 114.

Источников комплектования научно-технической документацией десять (Управление Федерального агентства кадастра объектов недвижимости по Республике Марий Эл, Инспектура по Республике Марий Эл – филиал ФГУ «Государственная комиссия Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений», НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, ОАО «Марийскгражданпроект – базовый территориальный проектный институт», Марийский государственный университет и др.), что на пять

меньше, чем три года назад. В связи с ликвидацией из списка исключены бюро технических инвентаризаций и ОАО «Марийское землеустроительное проектно-изыскательское предприятие».

В республике действует один объединенный ведомственный архив Объединения организаций профсоюзов Республики Марий Эл.

Почти все источники комплектования обладают номенклатурами дел (90,3 %) и инструкциями по делопроизводству (87 %), но эти показатели за последние три года снизились на 5,5 % и 1,3 % соответственно. Сократились также количество организаций, имеющих штатных работников (с 52 до 36,5 %), и степень обеспеченности их архивов помещениями (с 63,4 до 49,4 %).

В источниках комплектования архивных учреждений республики состоит на учете 113 602 дела постоянного хранения управленческой документации, в том числе профиля Государственного архива – 60 075 дел, муниципальных архивов – 45 825, объединенного ведомственного архива Объединения организаций профсоюзов – 5509 дел за 1973–2004 гг. Их количество сократилось на 9,3 %, а объем ежегодного документообразования – на 1,9 %.

На конец 2007 г. архивами организаций к передаче на постоянное хранение было подготовлено 91,5 % дел (вместо 92,4 %); правда, в источниках комплектования Государственного архива их объем достиг 95 % (вместо 92,6 %). Объем управленческой документации, хранящейся в организациях сверх установленного срока, в целом по республике составил 25 613 дел (снизился на 14 636 дел), в источниках комплектования Госархива – 21 193 (на 33 459 дел), из них в организациях федеральной собственности – 10 367, муниципальной – 4420 дел (на 6790 дел).

В организациях числится 597 750 дел по личному составу, 95,3 % которых внесено в описи, согласованные с ЭПМК и архивными отделами админи-

* Для наглядности сведения последней паспортизации сопоставлены с аналогичными показателями 2004 г.

страций муниципальных районов и городских округов республики. Их количество сократилось на 40 074 дела (степень упорядоченности осталась на прежнем уровне) в связи с ликвидацией крупных промышленных и сельхозпредприятий.

Объем дел, находящихся на хранении в организациях – источниках комплектования научно-технической документацией, составляет 417 ед. хр., т.е. на 28 ед. хр. (6,2 %) меньше. Они полностью готовы к передаче в архивные учреждения. Количество научно-технической документации, хранящейся сверх установленного срока, увеличилось на 25 ед. хр. и составляет 105 ед. хр.

По паспортным данным в списке источников комплектования архивных учреждений республики аудиовизуальными документами – 49 организаций (31 – в муниципальных архивах), в том числе кинодокументами – одна (ГТРК «Марий Эл»), фоно- и видеодокументами – по четыре, фотодокументами – 40. Список за последние годы пополнился тремя организациями (ГУК «Центр марийской культуры», Республиканский центр на-

родного творчества, газета «Кугарня», журнал «Ончыко»), исключена в связи с прекращением деятельности газета «Молодежный курьер». ЭПМК одобрен список возможных источников комплектования аудиовизуальными документами Государственного архива аудиовизуальной документации Республики Марий Эл из шести организаций.

В источниках комплектования Государственного архива аудиовизуальной документацией Республики Марий Эл хранится 940 ед. хр., из них кинодокументов – 442 ед. хр., фотодокументов – 412, видеодокументов – 42 ед. хр. Объем фонодокументов увеличился на 44 ед. хр., кино- и видеодокументов остался прежним. Количество аудиовизуальных документов, хранящихся в организациях сверх установленного срока, – 837 ед. хр.

В целом итоги паспортизации свидетельствуют о сокращении количества документов Архивного фонда Российской Федерации в источниках комплектования архивов Республики Марий Эл в связи с уменьшением числа организаций и объемов документообразования.

Н.А. Шалагина

Итоги конкурса научных работ за 2005–2006 гг.

Они подведены на заседании коллегии Росархива 13 мая. На конкурс, объявленный приказом руководителя Федерального архивного агентства 11 апреля 2007 г., было представлено 129 работ в области архивоведения, документоведения и археографии от 8 федеральных архивов, а также архивных учреждений 45 субъектов федерации. В жюри входили специалисты Росархива, федеральных архивов, архивов г. Москвы, РГГУ, Археографической комиссии РАН, редакций журналов «Отечественные архивы» и «Исторический архив». Работы, не соответствующие условиям конкурса (их было 10), не рассматривались.

Всего в конкурсе участвовало 119 работ: 22 научно-исследовательских и

методических разработки, 15 справочников о составе и содержании документов, 58 документальных сборников, пять фотоальбомов, две хрестоматии и 17 мультимедийных изданий и интернет-сайтов. Претенденты распределились по шести номинациям: научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; справочники о составе и содержании документов; сборники документов; хрестоматии; фотоальбомы; мультимедийные издания и интернет-сайты архивных учреждений, а в каждой из номинаций – по двум группам (федеральные и региональные). Доля научно-исследовательских и научно-методических разработок составила немногим более 18 %, около половины работ (48 %) – сборники документов и

фотоальбомы. Значительная часть работ – результат сотрудничества творческих коллективов архивистов с представителями вузов и НИИ.

Номиранты отражали основные направления деятельности архивов в области подготовки справочно-информационных изданий, публикации документов, научно-исследовательской работы (в частности, обеспечения сохранности документов, комплектования, исполнения запросов, работы с электронными документами, внедрения автоматизированных технологий). Большинство рассмотренных работ имеет научное и практическое значение для развития архивного дела.

Жюри предложило премировать авторов 68 работ (58 % от числа рассмотренных): восемь первых премий присудили авторам 12 работ, шесть вторых – десяти, шесть третьих – двенадцати; дипломами отметить авторов 27 работ. Подчеркнут высокий уровень научной продукции ГАРФ, РГАЭ, РГАНТД, РГАВМФ, ВНИИДАД, РОИА, архивных учреждений республик Марий Эл, Удмуртской и Чувашской; Алтайского, Пермского, Ставропольского и Хабаровского краев; Архангельской, Кировской, Ленинградской, Новосибирской, Сахалинской, Свердловской, Тамбовской, Тульской, Челябинской областей; г. Москвы.

Вместе с тем в представленных на конкурс работах были и недостатки. Так, несмотря на общее повышение качества изданий в номинации «Справочники о составе и содержании документов», в них встречаются недоработки общей структуры, построения и наполнения отдельных разделов, случайный набор приложений, отсутствуют указатели и ссылки в них на страницы.

Теми же недочетами, что и в прежние годы, страдают документальные сборники. В частности, археографическая подготовка источников к изданию нередко проведена с нарушением действующих правил (при передаче текста допущено его редактирование, не оговорены извлечения, содержание купюр). Отсутствуют необходимые эле-

менты научно-справочного аппарата, в первую очередь именной и географической указатели, перечень публикуемых в издании документов, примечания по содержанию, что серьезно снижает научную ценность публикации и затрудняет использование источников. В археографическом предисловии не оговариваются принципы отбора источников для издания, особенности подготовки данного сборника, отсутствует характеристика прежних публикаций. Имеются многочисленные нарушения в подготовке отдельных частей научно-справочного аппарата. Особенно много недостатков в археографическом оформлении фото- и других изобразительных документов: отсутствуют даты, фамилии авторов съемки, поисковые данные, не указаны особенности воспроизведения (цветность, размеры, материал и др.). В связи с этим ряд весьма интересных по составу и содержанию изданий, имеющих высококачественное полиграфическое и художественное оформление, получили более низкую оценку жюри.

Продолжается представление на конкурс непрофильных и не отвечающих его условиям работ. Одна выполнена в 2007 г.; две, являющиеся программным обеспечением, не имели соответствующей документации; еще у двух большинство авторов не состоят сотрудниками архивных учреждений; несколько работ – это популярные и продолжающиеся незавершенные издания; в одном исследовании объем публикуемых документов не превышает 1/3; два справочных издания не являются справочниками о составе и содержании архивных документов.

Жюри отметило необходимость уточнения условий конкурса. В частности, следует рассмотреть вопрос о возможности выделения в самостоятельную номинацию работ по истории и организации архивного дела. Не должны приниматься на конкурс неопубликованные диссертации.

Очередной конкурс планируется провести в 2009 г. по итогам 2007–2008 гг.

Л.А. Роговская

Фотоконкурс в Кировской области

В рамках мероприятий, посвященных 90-летию архивной службы Кировской области и 70-летию Госархива социально-политической истории Кировской области, Управление по делам архивов и ГАСПИКО совместно с редакцией газеты «Кировская правда» с ноября 2007 г. по март 2008 г. провели фотоконкурс «Архив семейный рассказать готов...». Его задачи: выявление видовых фотографий населенных пунктов области и жанровых снимков XX в. с целью сохранения их для будущих поколений; формирование положительного имиджа региона; привлечение внимания общественности к культурным ценностям, воспитание патриотических чувств и уважительного отношения к отечественной культуре и традициям. В конкурсе могли участвовать как профессионалы, так и любители, без ограничения возраста. Принимались фотографии из семейных архивов, от авторов снимков и их наследников.

Архивисты провели большую подготовительную работу: выступали в средствах массовой информации и перед учащимися областной историко-краеведческой школы, беседовали с гражданами.

Всего на конкурс поступило около 500 снимков и шесть альбомов от 49 участников из г. Кирова и районов области. Фотографии сканировали и распечатывали в едином формате, подлинники возвращали владельцам, за исключением тех, которые конкурсанты дарили архиву.

3 марта на заседании конкурсной комиссии из представителей управления, архивных учреждений области и редакции газеты «Кировская правда» были определены победители. Призовые места присуждены кировчанам: И.Н. Абашеву за серии фотографий «На Верхнем рынке г. Вятки» (около 1930-х гг.) и «Деревенские мотивы»

(начало XX в.), В.Н. Колупаевой за снимки г. Кирова 1936 г., А.А. Рудобельской за серию фотографий сада известного садовода А.Б. Рудобельского и интерьера Александровского костела (начало XX в.); благодарственные письма – А.В. Машкину за серию фотографий из жизни вятской деревни 1950-х гг., В.К. Семибратову за снимки г. Вятки (Кирова) и Верхошижемского района 1930–1950-х гг., В.Л. Мамаеву из пос. Лебяжье за 62 фотографии поселка; Т.Г. Черезовой за фотографии 1925–1927 гг.; В.Ф. Зорину за альбом о жизни детского санатория «Коньп» в 1930-е гг., Ирине Юдинцевой, школьнице из г. Котельнича, за серию фотографий об исчезнувшем селе Гостево Котельничского района. Остальные получили сертификаты участников. До конца года присланные на конкурс снимки с комментариями будут публиковаться в газете «Кировская правда», а лучшие из них поступят на постоянное хранение в архив.

Награждение победителей состоялось 5 марта в читальном зале ГАСПИКО, где открылась фотовыставка. Ее экспонаты запечатлели облик улиц, площадей и парков г. Кирова, виды р. Вятки, интерьеры церквей и соборов, портреты горожан прошлого века и др.

Экспозиция, оформленная специалистом 1-й категории ГАСПИКО О.Б. Семенищевой, подготовившей также ее электронный каталог (около 500 фотографий по темам: «Моя семья», «Улицы, здания, памятники», «Сады, парки, скверы», «Города Кировской области», «Деревенские мотивы», «Духовенство», «Ратники», «Спорт», «Дети»), вызвала большой интерес и положительные отзывы общественности. Сюжеты о ней прошли по всем каналам телевидения, в газетах «Вести», «Комсомольская правда», «Вятский край», «Кировская правда» и др.

Е.Н. Чудиновских

Презентация сайта РГАЛИ

Она состоялась в здании архива 28 апреля. На сайте (www.rgali.ru) представлена репликация единой базы данных на уровне архивных фондов и коллекций, единиц хранения, отдельных документов одного из крупнейших архивохранилищ России. Для удобства пользователей работает многоаспектный поиск, при котором одновременно активируется несколько электронных указателей (именной, систематической, географической) и осуществляется контекстный поиск по наименованиям документов.

В настоящее время на сайте размещены описания около 3 тыс. фондов, 250 описей, более 17 тыс. ед. хр. и 15 тыс. наиболее ценных и востребованных пользователями документов. Информационный ресурс включает такие темы, как «Серебряный век», «Русская литература», «Изобразительные источники», «Рисунки С.М. Эйзенштейна», «Аудиовизуальные искусства. Радиоискусство. Кинематограф», «Русская философия». Доступны также материа-

лы из фондов М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, С.М. Эйзенштейна, отдельные уникальные документы, например автографы общественных и политических деятелей России XVIII–XIX вв.

Сайт разрабатывался компанией ОАО «Альт-Софт», информационные и коммуникационные технологии выполнены при финансовой поддержке Фонда Форда. Он включен в единое поисковое пространство информационных ресурсов учреждений культуры России через единую точку доступа RUSART (Russian United Space of Art Resources and Technologies). Все разделы сайта в режиме реального времени ведутся сотрудниками архива.

Следующие этапы в развитии сайта – пополнение электронного ресурса архива, внедрение системы удаленного заказа электронных копий документов, создание англоязычной версии сайта, а также представление на нем электронных публикаций, выставок, компакт-дисков.

Л.А. Иванова

«Сталинград 1942–1943 гг.»

Так называлась открывшаяся 21 февраля в Госархиве новейшей истории Костромской области выставка при участии ветеранов Великой Отечественной войны и делегации архивистов Волгоградской области.

В экспозиции представлено более 50 документов из фондов ГАНИКО, а также Госархива Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Волгоградской области, музея-заповедника «Панорама Сталинградской битвы», мемориала «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом Кургане. В числе экспонатов – копии приказа наркома обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227 «Ни ша-

гу назад!»; постановлений Сталинградского горкома обороны об эвакуации женщин и детей на левый берег Волги, объявлении в Сталинграде осадного положения, мобилизации по просьбе военного совета Юго-Восточного фронта 1000 коммунистов; решений Сталинградского горисполкома о разминировании и очистке города, а также о вручении медали «За оборону Сталинграда» высшему командному составу Красной армии, в том числе костромичам – маршалу авиации А.А. Новикову и генерал-лейтенанту М.С. Малинину. Отдельный раздел выставки знакомил с памятными местами, связанными со Сталинградской битвой.

А.М. Елизаров

Фонд Р.Н. Буруковского в Госархиве Калининградской области

В 2007 г. ГАКО приступил к формированию личного фонда известного ученого, д-ра биол. наук Р.Н. Буруковского. Рудольф Николаевич родился в 1940 г. в Таджикистане, с отличием окончил Казанский университет, работал младшим научным сотрудником, заведующим лабораторией в АтлантНИРО, с 1991 г. – заведующий кафедрой ихтиопатологии КГТУ. Его книга «О чем поют ракушки», изданная в начале 1970-х гг. и получившая золотую медаль на Международной полиграфической выставке, разошлась мгновенно.

Среди передаваемых Р.Н. Буруковским на постоянное хранение документов – переписка с учеными всего мира (Л.Б. Хольц-Хойс, Р.Мэннинг и др.),

знаменитыми писателями и поэтами (А. и Б. Стругацкие, А.Аграновский, Е.Долматовский и др.), рукописи научных трудов и подготовительные материалы к ним, отзывы о работах других авторов, вырезки из журналов и газет, коллекции открыток городов мира, фотографии и др.

Рудольф Николаевич посетил ГАКО, где поделился с его сотрудниками воспоминаниями о своей жизни и деятельности, ответил на многочисленные вопросы архивистов, которых поразили обширные знания ученого, читавшего наизусть произведения мировой поэзии и собственные стихотворения. Личный фонд Р.Н. Буруковского будет пополняться и далее.

М.И. Островская

Юбилеи

Архиву РАН – 280 лет

В январе исполнилось 280 лет Архиву Российской академии наук. Его история ведет отсчет с 6 (17) января 1728 г., когда указом императора Петра II был назначен первый архивист – будущий академик и историограф Г.Ф. Миллер. За прошедшие столетия несколько поколений сотрудников архива собрали и сохранили в фондах Москвы и С.-Петербурга бесценные документальные сокровища и реликвии. Ныне Архив РАН – научно-исследовательское учреждение и одно из крупнейших в мире хранилищ научной документации: в его собрании около 1 млн ед. хр. и более 1700 фондов.

На состоявшемся 17 января расширенном заседании ученого совета выступил директор Архива РАН канд. ист. наук В.Ю. Афиани, рассказавший о его современном состоянии, новых направлениях работы по обеспечению общества ретроспективной документной информацией, перспективных задачах, в числе которых формирование про-

граммы подготовки публикаций архивных документов (серийных сборников документов, справочников, материалов по истории РАН), перевод в электронный формат комплексов документов академии, музейно-выставочная деятельность и дальнейшее внедрение информационных технологий.

Академик Г.М. Бонгард-Левин предложил образовать комиссию по научному наследию С.Ф. Ольденбурга. Академик РАО С.О. Шмидт высказался за планомерное издание трудов виднейших российских ученых и необходимость тесного взаимодействия Архива РАН с действительными членами академии по формированию личных фондов ученых.

К юбилею 39 сотрудников Архива РАН, его С.-Петербургского филиала и Отдела страхового фонда были награждены почетными грамотами. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина главный научный сотрудник

архива Б.И. Козлов удостоен звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации и медали «За укрепление авторитета российской науки».

В адрес архива поступила телеграмма президента РАН академика Ю.С. Осипова. Свои поздравления прислали региональные архивы РАН, академические институты, руководители архивов Болгарской и Польской академий наук и др. С приветственными словами выступили академики В.С. Мясников, руководитель Федерального архивного агентства член-корр. РАН В.П. Козлов, генеральный директор НПО «Наука» член-корр. В.И. Васильев, председатель РГНФ член-корр. Ю.Л. Воротников, директор РФФИ В.Б. Лапшин, директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров, зам. директора Института ис-

тории естествознания и техники РАН В.П. Борисов, зам. директора Палеонтологического института РАН А.В. Лопатин, зам. директора Института истории СО РАН С.А. Красильников, генеральный директор Политехнического музея Г.Г. Григорян, ректор РГГУ Е.И. Пивовар, директор ГАРФ С.В. Мироненко, директор ВНИИДАД М.В. Ларин, главный редактор журнала «Исторический архив» А.А. Чернобаев, ученый секретарь Музея современной истории России Е.Н. Вакулева, ученый секретарь комиссии по медалям и наградам РАН Г.И. Семькина и др.

В этот же день была открыта выставка новых поступлений, которыми пополнились фонды Архива РАН в 2008 г. Начало своему личному фонду положил ее участник академик В.С. Мясников.

И.Н. Ильина,
кандидат исторических наук

Юбилей Л.И. Кондиной

2 апреля директор Госархива в г. Шадринске, выпускница Московского историко-архивного института 1978 г. Людмила Ивановна Кондина отметила юбилей. В архив она пришла по окончании шадринской школы, чтобы изучать историю Родины, родного края. Занималась сначала выемкой, подкладкой, подшивкой документов, затем составлением научно-справочного аппарата. В работе ей помогали архивисты-наставники Т.М. Клименко, О.И. Ляпушкина, Л.П. Осинцев. В 1980 г. по семейным обстоятельствам она покинула архив.

В 1990 г. судьба вновь привела ее в родной город и любимый архив. С 1 января 1992 г. Л.И. Кондина назначена заведующей отделом комплектования и обеспечения сохранности документов, а с 5 марта 1998 г. – директором Шадринского филиала Госархива Курганской области. Людмила Ивановна организовала дирекцию и экспертную комиссию, разработала новые должностные инструкции, положения об отделах, занималась вопросами граждан-

ской обороны. Благодаря ее профессионализму повысилось качество архивных работ, выросла производительность труда сотрудников, которые почти все имеют высшее образование. Она не просто болеет за коллектив, где сложились демократичные взаимоотношения, открытая, доброжелательная атмосфера, а старается оказать реальную помощь каждому, кто в ней нуждается.

Людмила Ивановна пристально следит за новинками в архивном деле, изменениями в российском законодательстве, изучает методическую литературу. Ей принадлежит идея книги по истории Шадринского архива, которая вышла в свет в начале года.

Забывая о каждом документе, Л.И. Кондина добилась сохранения архива одного из крупнейших предприятий города – завода «Полиграфмаш», а в 2001 г. – создания муниципального архива по личному составу. В последние годы были сформированы личные фонды артистки Народного театра драмы В.Н. Зайковой, заслуженного работника культуры

Российской Федерации из с. Кабанье Шадринского района С.Е. Чингина, ученого С.Б. Борисова, краеведа В.Н. Иовлевой, писателя В.П. Юровских и др.

За достигнутые успехи и многолетний добросовестный труд Людмила Ивановна в 2007 г. была награждена почетной грамотой Федерального архивного агентства.

Благодаря Л.И. Кондиной удалось завершить затянувшийся на долгие годы ремонт архивного помещения, и

в начале 2002 г. архивисты переехали в обновленные, уютные отдельные кабинеты. Сегодня Людмила Ивановна мечтает о новом здании архива.

В знаменательный день Людмилу Ивановну поздравили председатель Комитета по управлению архивами Курганской области В.М. Ломакин, глава города А.Г. Кокорин, председатель городской Думы Е.Б. Стеблев, руководители курганских архивов, краеведы, друзья и коллеги.

Л.А. Бякова

Награждение Е.В. Старостина

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела ИАИ РГУ Евгений Васильевич Старостин в соответствии с решением французского правительства стал кавалером Ордена литературы и искусства за цикл научных работ, посвященных истории рево-

люционной и общественной мысли Франции (Великая французская революция, анархизм, Жан Жорес), французским архивам и источникам по истории Франции, хранящимся в федеральных архивах.

Церемония награждения состоялась 26 марта в посольстве Франции в Москве.

Вышли в свет

Сотрудники отдела «Научный архив и энциклопедия» КНЦ УрО РАН в 2007 г. подготовили справочник **«Личные фонды Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН»**. Он содержит характеристики архивных фондов с подробными аннотациями документов, а также биографические справки о сотрудниках центра.

Собирание, систематизация и научное описание личных фондов в архиве ведутся с 1970-х гг., и сегодня здесь

хранится уникальный корпус документов об истории академической науки и ее удивительных людях. Среди них имена геологов А.А. Чернова, В.А. Варсонофьевой, биологов О.С. Зверевой, А.Н. Лашенковой, этнографов Ю.В. Гагарина, Л.С. Грибовой, историков А.Н. Александрова, М.П. Дмитрикова и др.

В справочнике опубликованы также дневники исследователей О.С. Зверевой и А.Н. Лашенковой 1950-х гг., отражающие не только их творческую дея-

тельность, но и повседневную жизнь (бытовые условия, цены на продукты, формы досуга и др.).

Это уже третий сборник документов, изданный за последние годы. Первый был посвящен подготовке квалифицированных кадров в КНЦ УрО РАН в 1945–2001 гг. (2004 г.). Выявленные и опубликованные в нем документы, в том числе списки аспирантов, доказали, что Коми научный центр является крупнейшим и старейшим учреждением региона по подготовке научных кадров высшей квалификации – кандидатов и докторов наук.

Во второй сборник (2005 г.) вошли документы (приказы, отчеты, письма, мемуары и др.) о деятельности академического центра в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Они демонстрируют не только личный героизм тружеников тыла, но и вклад молодого учреждения в изучение полезных ископаемых республики, снабжение населения витаминизированными продуктами.

В настоящее время отдел собирает и готовит к изданию статьи для энциклопедии «Город Сыктывкар».

**Л.П. Рощевская,
доктор исторических наук**

* * *

В целях расширения источниковой базы истории Тамбовского края, а также информирования общественности о результатах работы Межведомственной комиссии по рассекречиванию документов, образованной постановлением главы администрации области, Центр документации новейшей истории Тамбовской области подготовил и издал к 70-летию ее образования первый выпуск бюллетеня **«Рассекреченные документы Тамбовского областного комитета ВКП(б) за 1937–1945 гг.»** (авт. – заместитель директора ЦДНИТО Т.М. Нащекина, заведующая отделом В.П. Юмашева, ведущий методист М.И. Корякина; отв. ред. – первый заместитель начальника Управления культуры и архивного дела Тамбовской области И.П. Журавлев).

Это аннотированный перечень распорядительных и организационно-партийных документов, расположенных

в хронологической последовательности по двум разделам. Вначале помещены протоколы конференций, пленумов, заседаний бюро обкома ВКП(б), тематика которых представлена полностью (в соответствии с оригиналами и действующими правилами публикации исторических источников), затем – стенограммы, планы, отчеты, докладные записки, информации, справки, переписка, списки и др. В конце описательных статей рассекреченных документов приведены их архивные шифры. Бюллетень снабжен предисловием, списком сокращений и оглавлением.

Издание удачно оформлено: твердый переплет, удобный формат, интересная обложка в виде факсимиле документа с грифами «Сов. секретно» и «Рассекречено» на бланке Наркомата государственной безопасности 1941 г. Предназначено преподавателям, политологам, краеведам, всем любителям истории.

Е.О. Нащекин

* * *

Архивисты г. Шадринска издали книгу **«Шадринский государственный архив. К 90-летию со дня основания»** под редакцией профессора Шадринского пединститута, д-ра ист. наук С.Б. Борисова.

В книге четыре раздела. Первый, подготовленный начальником отдела публикации, использования документов и ин-

формационно-поисковых систем Госархива в г. Шадринске Л.А. Бяковой, посвящен его истории. В 1920-е гг. был собран огромный комплекс документов дореволюционных и периода установления советской власти (их упорядочение шло до начала 1950-х гг.), многие из которых, к сожалению, утрачены в результате макулатурных кампаний 1930-х гг. Немало

усилий потребовалось для спасения архивов в 1940-е гг. Становлением архивной службы, созданием научно-справочного аппарата, активизацией использования документов отмечены 1950–1960-е гг. Достигнутые успехи были закреплены в следующей 20-летию. После тяжелых 1990-х гг. работа архивов стабилизировалась. Увеличилось финансирование на обеспечение сохранности документов, ремонт архивохранилищ, перевод документов в электронный формат; улучшаются условия труда сотрудников.

История архива представлена через призму судеб его работников. Удалось установить всех директоров архива начиная с 1918 г. Существенный вклад в развитие архивного дела Шадринска внесли В.П. Бирюков (1918–1927), М.С. Кашеваров (1927–1931), М.Г. Виноградов (1955–1960), О.И. Ляпушкина (1961–1985). Много сделал для организации использования архивных документов заслуженный работник культуры Российской Федерации Л.П. Осинцев (1970–1980-е). Всю свою жизнь отдала архивному делу Т.М. Клименко (1950–

1981). В конце раздела помещен список основных публикаций сотрудников архива за все время его существования.

Второй раздел «Воспоминания и отзывы о деятельности Шадринского архива» содержит фрагменты записей из книги отзывов его посетителей за 1953–2001 гг., воспоминания архивистов и исследователей. Услугами архива пользовались жители Москвы и Екатеринбурга, Украины и Башкирии, студенты, краеведы и ученые.

В третий раздел включены список хранящихся в госархиве газет с 1880 по 2005 г., краткая характеристика фондов личного происхождения, наиболее интересные документы из фондов В.П. Бирюкова, ученого, библиографа Н.В. Здобнова и писателя, путешественника, исследователя Севера К.Д. Носилова, а в четвертый – публикации В.П. Бирюкова об архиве и истории г. Шадринска. Эти сведения стали уже библиографической редкостью.

На состоявшейся 29 февраля презентации книга получила высокую оценку ветеранов архива, краеведов, ученых.

Л.И. Кондина

* * *

1 марта 2008 г. на карте Российской Федерации появился новый субъект – Забайкальский край. К этому событию архивисты и историки при финансовой поддержке администрации Читинской области подготовили и издали очередной тематический юбилейный Читинский архивный вестник № 15 «**Край, устремленный в будущее**», получивший высокую оценку первого губернатора Забайкальского края Р.Ф. Гениатулина и общественности. Это почти две сотни страниц текста в прекрасном полиграфическом исполнении типографией ООО «Экспресс-издательство» Г. Богданова, дизайн книги выполнен читинской художницей Т.П. Черновой.

Авторы научных статей – историки, архивисты, краеведы (д-р ист. наук Ц.П. Ванчикова, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; канд. ист. наук В.Ц. Лыскова, Управление по делам архивов Республики Бу-

рятия; канд. ист. наук Т.А. Константинова, Т.П. Казакова, Л.М. Карчанова, Госархив Читинской области; канд. ист. наук В.В. Василевский, внештатный сотрудник Управления по делам архивов Читинской области; канд. ист. наук А.О. Баринов, редактор газеты «Забайкальский рабочий»; краевед А.Н. Халетский и др.) поведали о важнейших этапах развития региона от Нерчинского воеводства (1655–1783 гг.) до Забайкальского края и административно-территориальном делении Восточного Забайкалья. Из девяти опубликованных в вестнике статей семь подготовлены архивистами.

В издании воспроизведены уникальные архивные документы (автографы, фотографии, карты) за 1650–2008 гг., помещена хроника событий.

Книга предназначена для историков, преподавателей, студентов и старшеклассников.

Л.М. Пузыревская

* * *

В 2007 г. вышел в свет биобиблиографический справочник «**Вадим Алексеевич Черных 80**», изданный к юбилею известного архивиста, выпускника Историко-архивного института 1948 г., ученого секретаря Археографической комиссии РАН, кандидата исторических наук. Он – автор многочисленных исследований по проблемам археографии и текстологии, в том числе передачи текста исторических источников, отбора и археографической обработки документов, описания документальных памятников; библиографических указателей и обзоров литературы по архивному делу за рубежом; о жизни и творчестве А.А. Ахматовой, по «герценоведению» и др. Среди работ последних лет, поми-

мо масштабной «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой», особенно выделяется теоретическая статья «Еще раз об объекте и предмете археографии», опубликованная в журнале «Отечественные архивы» (2001. № 3). В списке его печатных трудов около 200 наименований за 1955–2007 гг., расположенных в хронологическом порядке. В предисловии, написанном д-ром ист. наук А.Д. Степанским, отражены основные вехи научной биографии ученого.

В день своего 80-летия Вадим Алексеевич услышал слова признательности от коллег, друзей, знакомых. Редакционная коллегия журнала присоединяется к ним с пожеланиями здоровья и творческих успехов.

В.В. Ситникова

* * *

В декабре 2007 г. архивный отдел администрации МО «Усть-Коксинский район» при поддержке его главы С.Н. Гречушникова выпустил в свет сборник «**Усть-Коксинские архивные чтения**», включающий материалы первых (9 июня 2006 г.) и вторых (11 июля 2007 г.) чтений, в которых участвовали архивисты Республики Алтай и Алтайского края, краеведы, учителя, ученые Горно-Алтайска.

На вторых архивных чтениях прозвучало 11 сообщений, в том числе канд. ист. наук, зав. кафедрой истории России ГАГУ Л.Н. Мукаевой – об истории заселения Усть-Коксы; начальника отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края Г.Д. Ждановой – о «большом терроре» в Алтай-

ском крае и Усть-Коксинском районе; сотрудников Института алтаистики им. С.С. Суразакова Н.А. Майдуровой, Г.Б. Эшматовой, К.Е. Укачиной – об административном устройстве и сельском общественном управлении русского населения Уймонской долины, социальном портрете жителей Усть-Коксинского района, его народных сказителей и др. Местные историки и краеведы исследовали темы, посвященные Гражданской войне и событиям 1922 г. в с. Катанда, истории торговых отношений России с государствами Центральной Азии и др.

Сборник рассчитан на историков, учителей, библиотекарей, краеведов, всех, кому интересна история его родного края.

Л.В. Бухтуева

Как в российских архивах выявлялись документы о советско-вьетнамских отношениях

В последние десять лет сотрудники кафедры всеобщей истории Курского государственного университета целенаправленно выявляют архивные документы по истории советско-вьетнамских отношений. На их основе подготовлены три монографии¹, а также докторская, две кандидатских диссертации и ряд научных статей². Еще несколько статей по данной теме приняты к печати в журналах «Восток», «Военно-исторический журнал», «Родина».

На кафедре формируется тематическая база данных, планируется использование собранной информации для разработки спецкурсов и курсов дисциплин специализации для студентов-историков. Кроме того, в этом году в издательстве «Дрофа» выходит учебное пособие для 10–11-х классов средней школы по элективному курсу «Локальные конфликты в XX веке», ряд разделов которого также подготовлен нами с использованием неопубликованных архивных материалов.

В ходе поиска источников по названной теме пришлось столкнуться с рядом проблем, касающихся возможности доступа к некоторым архивным документам.

Определенные трудности создало прекращение в постсоветский период МИД России публикации документальных сборников по истории отношений нашей страны с Вьетнамом. Последний вышел к 30-летию установления советско-вьетнамских дипломатических отношений³, но по разным причинам не содержал многих документов, необходимых для объективной оценки двусторонних контактов. Ситуация усугублялась запретом на публикацию в периодике полных текстов дипломатических документов из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) с соответствующими научными

комментариями и примечаниями, который удалось обойти только бывшему заместителю директора Историко-документального департамента МИД И.В. Бухаркину: он включил некоторые из них без сокращений в одну из собственных статей⁴.

Восполнить пробелы источниковой базы по вопросам советско-вьетнамских отношений частично позволили неопубликованные тематические подборки документов (в виде отдельных папок) по проблемам Индокитая периода 1946–1954 гг., хранящиеся в АВП РФ. Кроме них там исследователям предоставляют референтуру по Вьетнаму (Ф. 79) и материалы посольства СССР в ДРВ (Ф. 540), в которых содержится значительная, хотя и неравноценная по научной значимости информация за 1945–1975 гг. А вот доступ исследователям индокитайских проблем в Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Центральный архив Службы внешней разведки Российской Федерации практически закрыт.

Вслед за архивами федеральных органов исполнительной власти полем для тематического поиска документов стали федеральные государственные архивы, но и здесь не обошлось без проблем: их фонды оказались не в полной мере доступны пользователям.

В РГАСПИ для исследователей индокитайских проблем частично открыты фонды № 17 («Высшие партийные органы»), № 558 («Фонд И.В. Сталина») за период 1945–1952 гг. В читальном зале можно ознакомиться практически со всеми протоколами заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), где затрагивались вопросы отношений СССР с Вьетнамом, некоторыми документами Внешнеполитической комиссии ЦК, а также с само-

стоятельным делом из личного фонда И.В. Сталина, содержащим материалы о его личных контактах с Хо Ши Мином.

РГАНИ на сегодняшний день по индокитайской проблеме открыл доступ лишь к фонду № 89, в котором имеется несколько десятков документов за 1965–1975 гг. Это, в первую очередь, аналитические материалы посольства СССР в ДРВ об обстановке в стране пребывания, а также секретные решения руководящих органов КПСС по вьетнамской проблеме, записки в ЦК КПСС высших советских государственных руководителей, касающиеся Вьетнама и др. Они были выделены в самостоятельный архивный фонд в связи с организацией в 1992 г. «суда над КПСС», для заседаний которого готовилась соответствующая документальная база с заранее заданной отрицательной характеристикой партийного вмешательства в эти вопросы (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 51. Д. 32; Оп. 54. Д. 1–23).

Фонд № 5, содержащий материалы международного отдела ЦК КПСС по Вьетнаму, сегодня практически закрыт для изучения, хотя в 1990-е гг. ряд исследователей уже обращались к нему, используя полученные сведения в научных работах⁵.

Из недавно рассекреченных документов о советско-вьетнамских межпартийных отношениях оказались доступными лишь шифротелеграмма посольства СССР в Ханое с уведомлением о том, что ответ ЦК Партии трудящихся Вьетнама по поводу письма ЦК КПСС о взаимоотношениях между коммунистическими партиями будет передан лично Хо Ши Мином во время его пребывания в Москве (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 47–48), а также информация, с большим трудом, буквально по крупичкам извлеченная из протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС, опубликованных академиком А.А. Фурсенко⁶.

По выставленному на сайте «Архивы России» бюллетеню рассекреченных документов госархивов удалось обнаружить в ГАРФе решения Совета министров СССР об оказании военной и экономической помощи Вьетнаму, а среди материалов виртуальной экспозиции к 55-летию установления официальных отношений между нашей страной и Вьетнамом – фотокопии двух писем Хо Ши Мина И.В. Сталину из недоступного

на сегодняшний день большинству исследователей Архива Президента Российской Федерации, а также текст протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1950 г., где приняли решение об установлении дипломатических отношений между СССР и ДРВ.

К слову сказать, некоторые материалы из фондов Архива Президента Российской Федерации, в которых шла речь об отношениях СССР и Вьетнама, публиковались в 1990-е гг. в журнале «Источники»⁷, но в последнее время эта работа фактически прекращена.

Хочется отметить высокий уровень компетентности и ответственности архивистов, с которыми нам приходится сотрудничать в процессе поиска исторических источников, а также упомянуть о проблемах, возникших уже на этапе публикации выявленных источников. Дело в том, что редколлегия некоторых центральных исторических журналов отказывалась размещать архивные документы и статьи на их основе, представляющие, по их мнению, «не в лучшем свете» советское и вьетнамское руководство. Их не смущал тот факт, что за последние годы издано большое количество материалов по Северной Корее, Китаю, Монголии и другим бывшим союзникам по социалистическому лагерю. В них даются гораздо более резкие оценки происходивших там процессов и мотивов, по которым их тогдашние лидеры сотрудничали с СССР.

На наш взгляд, подобная «перестройка» является своеобразным проявлением «двойных стандартов» и вряд ли способствует выявлению исторической правды и укреплению сегодняшних российско-вьетнамских отношений, особенно тогда, когда на смену идеологической общности наших стран, лежавшей долгие годы в основе двусторонних отношений, приходит политический прагматизм. Например, в опубликованных в последние годы во Вьетнаме работах⁸ открыто говорится о том, что в советский период наша страна руководствовалась в отношениях с Вьетнамом прежде всего собственными национальными интересами и ее тогдашние лидеры могли, как это было в ходе Женевского совещания 1954 г., в угоду улучшению отношений с Западом поступиться вьетнамскими интересами. При этом вьетнамская сторона отнюдь не боится «оби-

деть» Российскую Федерацию как правопреемницу СССР, поскольку в Ханое прекрасно понимают, что никакого повода для этого нет. А есть лишь констатация очевидного факта: геополитические планы и идеологическая общность государств не всегда совпадают.

¹ *Конорева И.А.* Международные отношения в Азии в исторической ретроспективе: геополитика, дипломатия, правовые проблемы (1946–2006). Курск, 2006; *Конорева И.А., Селиванов И.Н., Коростелев Ю.Ф.* СССР и страны Индокитая. Курск, 2007; *Селиванов И.Н., Конорева И.А.* Международные отношения в Индокитае: геополитика, дипломатия, правовые проблемы (1939–1954). Курск, 2008.

² *Селиванов И.Н.* Проблема представительства Вьетнама в ООН и позиция СССР (по архивным материалам МИД СССР) // Проблемы истории международных отношений в новое и новейшее время. Тамбов, 2006; *Конорева И.А.* Основные тенденции геополитического противостояния США и СССР по проблемам Индокитая в 1961–1975 гг. // Правда истории. Курск, 2006. Вып. V; *Она же.* СССР и дипломатическое признание Демократической Республики Вьетнам в январе 1950 года // Вопросы истории. 2008. № 2; *Селиванов И.Н.* Неудавшаяся акция против Хо Ши Мина. Записка Чан Нгок Дана в ЦК ВКП(б). 1950 г. // Исторический архив. 2008. № 2; и др.

³ СССР – Вьетнам: тридцать лет отношений (1950–1980). М., 1982.

⁴ *Бухаркин И.В.* Кремль и Хо Ши Мин. 1945–1969 // Новая и новейшая история. 1998. № 3.

Хочется надеяться, что в ближайшее время продолжится процесс рассекретивания архивных документов, относящихся к внешнеполитической деятельности СССР в годы «холодной войны», а исследователи получат возможность использовать их в своих работах.

⁵ *Гайдук И.В.* Советский Союз и война во Вьетнаме // Осмысление истории. М., 1996; *Он же.* Пустоцвет: роль СССР в американских мирных инициативах в период войны во Вьетнаме, 1966–1967 гг. // Американский ежегодник. 1997. М., 1997; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998; *Мосяков Д.В.* «Красные кхмеры» и вьетнамские коммунисты // Восток. 1999. № 3; *Gaiduk I.V.* The Vietnam War and Soviet-American Relations, 1964–1973: New Russian Evidence // Cold War International History. Project Bulletin. 1995. № 6–7; *Idem.* Soviet Union and Vietnam War. Chicago, 1996; *Idem.* Soviet Policy towards US Participation in the Vietnam War // History. 1996. Vol. 81. № 261; и др.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004.

⁷ «К власти могут прийти новые силы»: документы о войне во Вьетнаме // Источник. Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 1; «Я верю в величие старшего брата». Беседы Н.С. Хрущева с Хо Ши Мином (1961) // Там же. 1998. № 2.

⁸ См., напр.: *Огнетов И.А.* Тысяча страниц новейшей истории Вьетнама // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 164.

И.Н. Селиванов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского госуниверситета; И.А. Конорева, кандидат исторических наук, доцент кафедры

Наши авторы

- Алпеев Олег Евгеньевич* – аспирант Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.
- Боярченков Владислав Викторович* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и культуры Рязанского государственного радиотехнического университета.
- Горяева Татьяна Михайловна* – д-р ист. наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства, г. Москва.
- Домрачева Тамара Владимировна* – канд. ист. наук, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства, г. Москва.
- Кирмель Николай Сергеевич* – канд. ист. наук, старший преподаватель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва.
- Кондакова Лариса Михайловна* – заведующая отделом использования и публикации документов Государственного архива Орловской области.
- Левин Дмитрий Эммануилович* – ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург.
- Минаков Аркадий Юрьевич* – канд. ист. наук, директор зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.
- Мохначёва Марина Петровна* – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.
- Мышов Николай Александрович* – канд. ист. наук, начальник организационного отдела Федерального архивного агентства, г. Москва.
- Мякушев Сергей Давидович* – канд. ист. наук, главный специалист отдела комплектования Федерального архивного агентства, г. Москва.
- Овчинников Реджинальд Васильевич* – д-р ист. наук, г. Москва.
- Салахова Эльмира Кадимовна* – канд. ист. наук, главный специалист Национального архива Республики Татарстан, г. Казань.
- Титова Татьяна Александровна* – начальник отдела организационно-методической работы и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Кировской области.
- Христофоров Василий Степанович* – д-р ист. наук, начальник управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, г. Москва.
- Шестакова Надежда Константиновна* – руководитель Архивного агентства Иркутской области.

CONTENTS

XVI International congress of archives: on the eve of opening National archives of Malaysia. **A r t i c l e s and reports:** *History and practice of archival matter:* **T.A. Titova**. N.A. Zhelvakov – an organizer and the first manager of the Vyatka province archives; **R.V. Ovchinnikov**. Archive documents on pages of «The Captain's daughter», a short story by A.S. Pushkin; **N.K. Shestakova**. Archive services of the Irkutsk region: the past, the present and the future; **T.M. Goryaeva**. How documents are maintained in the Russian State Archive for Literature and Art (RGALI). *In funds of the Russian archives:* **E.K. Salahova**. A collection of Mahometan registers of births in the National archives of the Tatarstan Republic; **O.E. Alpeev**. Documents relating to strategic military games of the Russian General Staff (1906–1914) in funds of the Russian State Military History Archive (RGVIA); **L.M. Kondakova**. Warriors of the Russian expeditionary corps during the First World War according to documents of the State Archive of the Orel region; **N.S. Kirmelj**. Federal archives' documents of intelligence services of White Guard governments and armies. 1918–1922; **V.S. Hristoforov**. Russian archives' documents on Soviet prisoners of war kept in detention camps on Finland and Norway territories. 1941–1944. **P u b l i c a t i o n s o f d o c u m e n t s:** «They... act in front of population as conquerors». A report White Guard officer about the Japanese intervention and the Civil war in the Far East. 1919. By **N.A. Myshov**; «Russian set us an example of how a long-time resistance needs to be organized». A diary of a German artilleryman. 1941–1942. By **T.V. Domracheva**, **S.D. Myakushev**. **C r i t i q u e s a n d b i b l i o g r a p h y:** **V.V. Boyarchenkov**. A catalogue of personal files of native historians. Second release. The first half of the XIXth century; **D.E. Levin**. Razdorskiy A.I. Historical and statistical descriptions of the Russian Orthodox Church eparchies (1848–1916): Consolidated catalogue and contents index; **A.Yu. Minakov**. A diary of L.A. Tihomirov. 1915–1917; **M.P. Mohnachyova**. Filimonov S.B. Intelligentsia in the Crimea (1917–1920): retrievals and findings of a source researcher. **I n f o r m a t i o n a n d c h r o n i c l e.** From editorial mail: **I.N. Selivanov**, **I.A. Konoreva**. By what means the documents on Soviet-Vietnamese relations have been revealed from Russian archives.

SOMMAIRE

XVIème Congrès International des archives: à la veille de l'ouverture. Les archives nationales de la Malaisie. **A r t i c l e s e t c o m m u n i c a t i o n s:** *Histoire et pratique de l'archivistique:* **T.A. Titova**. N.A. Zhelvakov – l'organisateur et le premier administrateur des archives de la province de Vyatka; **R.V. Ovchinnikov**. Documents d'archives aux pages de la nouvelle d'Alexandre Pouchkine «La fille du capitaine»; **N.K. Chestakova**. Le service d'archives de la région d'Irkoutsk: passé, présent, futur; **T.M. Gorjaeva**. Comment on garde les documents aux Archives Russes d'Etat de la littérature et de l'art (RGALI). *Dans les Fonds des archives russes:* **E.K. Salakhova**. Collection des registres des baptêmes, mariages et décès mahométans aux Archives Nationales de la République de Tatarstan; **O.E. Alpeev**. Documents des jeux stratégiques militaires de l'État-major général russe des années 1906–1914 dans les fonds des Archives Russes d'État d'histoire militaire; **L.M. Kondakova**. Combattants du corps expéditionnaire Russe de la période de la Première guerre mondiale d'après les documents des Archives d'État de la région d'Oryol; **N.S. Kirmelle**. Documents des services secrets des gouvernements et des armées de garde-blanc des années 1918–1922 dans les archives fédérales; **V.S. Khristoforov**. Documents des archives russes sur les prisonniers de guerre soviétiques dans les camps sur le territoire de la Finlande et la Norvège. Les années 1941–1944. **P u b l i c a t i o n s d e s d o c u m e n t s:** «Ils... se présentent à la population dans le rôle des conquérants». Rapport de l'officier de garde-blanc sur l'intervention japonaise et la Guerre civile en l'Extrême-Orient. L'an 1919. Publication préparée par **N.A. Michov**; «Le Russe nous donne l'exemple comment il faut organiser la résistance de longue durée». Journal de l'artilleur allemand. Les années 1941–1942. Publication préparée par **T.V. Domracheva**, **S.D. Mjakouchev**. **C r i t i q u e e t b i b l i o g r a p h i e:** **V.V. Bojartchenkov**. Le catalogue des fonds personnels d'archives des historiens nationaux. Livraison 2. La première moitié du XIXème siècle; **D.E. Levine**. Razdorskiy A.I. Historique et statistique descriptions des diocèses de l'Eglise orthodoxe Russe (Les années 1848–1916): Catalogue général et l'index du contenu; **A.J. Minakov**. Journal de L.A. Tikhomirov. Les années 1915–1917; **M.P. Mokhnatcheva**. Philimonov S.B. Les intellectuels dans la Crimée (les années 1917–1920): les recherches et les trouvailles de l'historien des sources. **I n f o r m a t i o n e t c h r o n i q u e.** Extraits de la correspondance de la rédaction: **I.N. Selivanov**, **I.A. Konoreva**. Comment on révélait dans les archives russes les documents sur les relations soviéto-vietnamiennes.

Уважаемые читатели!

Не забудьте продлить подписку на журнал «Отечественные архивы» на 2-е полугодие по Каталогу Роспечати «Газеты. Журналы»: индекс 70913 (полугодовой); по Каталогу российской прессы «Почта России»: индекс (полугодовой) 79228.

Электронная версия журнала в режиме online предоставляется ООО «Научная электронная библиотека»: тел. 936-17-72, 935-01-01; <http://elibrary.ru>. Один номер – 120 руб., одна статья – 30 руб.

Номер подготовили:

Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**
Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**
Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна
Ведущий редактор: **Виноградова Вера Михайловна**
Корректор: **Островская Галина Алексеевна**
Компьютерная верстка: **Карпучина Елена Валентиновна**

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала "Отечественные архивы"».
Наш адрес: 119992, Москва, ГСП-2, Б. Пироговская, 17
тел. 245-09-01, 580-87-32, тел./факс 246-03-00
E-mail: otech_arch@mail.ru; otech_arch@mtu-net.ru
<http://www.rusarchives.ru/publications/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

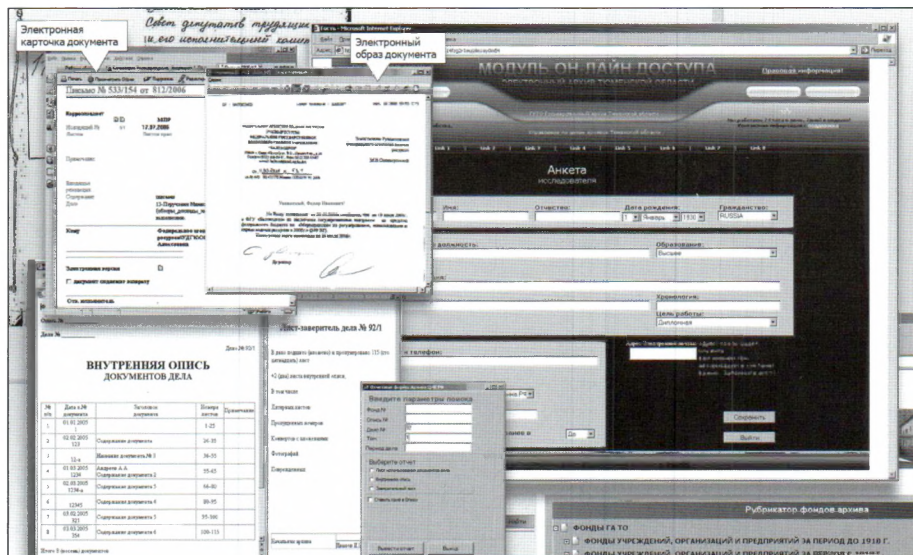
*УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.*

Подписано в печать 22.05.2008. Формат 70x100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 15.
Тираж 2520 экз.

Заказ № 3174. Цена для подписчиков 160 руб., в розничной продаже – свободная.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru; E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8 (49672) 6-25-36; 8 (499) 270-73-59

Услуги по созданию архивных электронных информационных ресурсов (АЭИР)

Комплексная автоматизация деятельности архивов, в т.ч.:

создание единой справочной службы «одного окна»
автоматизация деятельности читального зала архива
автоматизация деятельности по исполнению социально-
правовых запросов граждан и организаций

Создание электронного фонда пользования описей и дел

Поставка оборудования для создания
страхового фонда документов (СФД)

Создание и наполнение
информационных архивных систем

Поставка оборудования для построения
архивного хранилища электронного ресурса

Техническое и сервисное обслуживание

127083, г. Москва, Петровско-Разумовская аллея, 12а

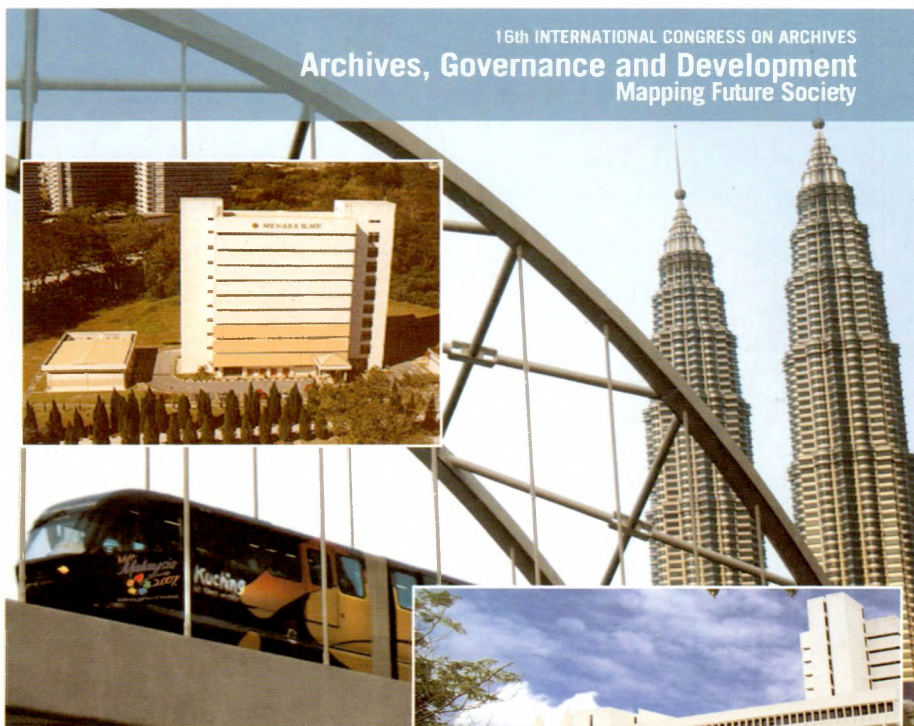
Тел.: +7 (495) 792 31 31. Факс: +7 (495) 251 36 03

www.elar.ru

e-mail: office@elar.ru

21–27 июля в г. Куала-Лумпур (Малайзия) состоится XVI Международный конгресс архивов. Его организаторы – МСА и Национальный архив Малайзии. Тема конгресса – «Архивы, управление и развитие: планирование будущего общества».

Национальный архив
Малайзии

MINISTRY OF CULTURE, ARTS AND
HERITAGE MALAYSIA

NATIONAL ARCHIVES
OF MALAYSIA